

СВЯЩЕННАЯ КНИГА ТОТА ВЕЛИКИЕ АРКАНЫ ТАРО

Абсолютные начала
синтетической философии эзотеризма

Открыт комментарием
ВЛАДИМИРА ШМАКОВА

...Средь бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минувшего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу противостоять всему — мы не знаем и вероятно, знать не будем. Но его древность, древность баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, когда перед нашим восхищенным взором открывается, что кроме самой древности его жизни в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь?! — Этот памятник нам, европейцам, известен под именем Священной Книги Тота — Великих Арканов Таро.

Многие десятки веков тому назад царствующая ныне на земле белая раса получила от своей предшественницы это великое наследие, этот великий синтез знания человека и доступного его гению Откровения Божественного. Она по достоинству оценила его, и этот Памятник Божественной Мудрости лег в сущность всех Посвящений. Эта великая основа проявляется в каждой религии постольку, поскольку она возвышается над дифференциальными частностями, возносится над условиями быта и времени ее народа и выявляет из своего существа отблеск абсолютного учения о вечной истине.

Священная книга Тота

ВЕЛИКИЕ АРКАНЫ ТАРО

О, Египет, Египет! — придет день, когда от твоей религии останется только сказка, сказка невероятная для твоих потомков; сохранятся лишь несколько слов, начертанных на камне, передающих память о твоих великих деяниях...

Гермес Трисмегист.

*«¿Hay mas dicha, mas contento
Que adorar una hermosura
Brujuleada entre los lejos
De lo imposible?»*

Calderon.

«Я не в силах перечислить те ночи, которые, весь дрожа, я отдавал познанию непознаваемого».

Саади

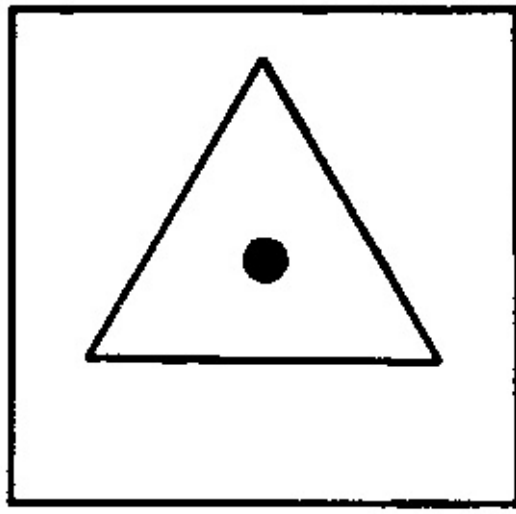
«Если бы Бог предложил мне на выбор в правой руке всю истину, а в левой единое вечное стремление к истине, соединенное с постоянными заблуждениями, я принял бы во внимание, что сама истина существует только для Бога, и почтительно попросил бы Его отдать мне то, что лежит в Его левой руке».

Лессинг.

Опыт комментария

Владимира Шмакова,

инженера путей сообщения

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Я не боюсь людей, ибо не жду и не желаю от них ничего».

А. Сент-Ив д'Альвейдр.

Культура конца XIX века, ее характер и первенствующие стремления суть следствия усилий и исканий человеческого рода за последние восемь-девять столетий. Крестовые походы и рост императорской власти положили предел теократическому направлению жизни Европы, явились заключительным актом эпохи, когда все зиждилось на исключительном стремлении к религиозным идеалам. Первые гуманисты, начиная с Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, положили основание новой эре, воздвигнув новое знамя, поставив новую цель человеческим стремлениям.^[4] Круг друзей Козимо и Лоренцо Медичи, восприняв идеи Петрарки и Боккаччо, выработал начала мировоззрения, предначертавшего весь последующий ход мировой истории. Поняв бесплодность метафизических изысканий, раз они не связаны с данными эмпирического опыта, гуманисты поставили своим девизом изучение прежде всего того, что может быть исследовано эмпирическим путем. Время расцвета гуманизма и успеха реформации есть начало современной науки, ибо все то, что составляет гордость технической культуры, было достигнуто человеком лишь начиная с XV века. Именно с этой поры все усилия человеческого рода всецело направились к изучению *отдельных* явлений, к исследованию *отдельных* вопросов и к созиданию *отдельных* отраслей человеческого знания.^[5]

Так продолжалось до конца XVIII столетия, когда произошел великий перелом истории: от изучения *единичных* вещей человек перешел к стремлению познать их *синтез*, и век энциклопедистов в преемственной его связи со столпами эмпирической философии есть эпоха созидания человечеством синтеза всего познанного на пути предыдущих веков.

Однако, столь долго идя исключительно опытным путем, основываясь лишь на внешней, формальной, стороне явлений, разум человеческий и теперь, естественно, стал искать синтез *в том же самом модусе сознания*, стремился найти *эмпирический синтез*, т. е. непосредственно ощущаемую первооснову. Таковой первоосновой явилась *материя*, и это учение, обобщаемое со всеми различными его частными течениями, есть то, что известно под именем *материализма*.

XIX век — это эпоха, когда человек стремился утвердить свой гипотетический синтез, стремился выявить его во всей полноте, претворить в реальность и связать со всеми дифференциальными деталями. Этот век есть в действительности лишь заключительный аккорд долгого пути; именно в течение него человеческие искания вылились во вполне определенную форму, достигли, казалось, конечных ступеней своего развития. Настало время, когда, по всецело господствовавшему мнению, оставалось сделать лишь последние заключительные штрихи, чтобы закончить вполне величественный Храм Знания.^[6] Это было грустное время, потому что *самое знание человека начало давить его*. Все было так ясно, так определенно, что вся будущая жизнь людей должна была, казалось, быть посвящена лишь скрупулезному анализу давно известных фактов. Отдельные открытия, изученные законы и вполне достоверные гипотезы так слились между собой, так проникли взаимно друг друга, образовали столь совершенно замкнутое целое, что в будущем нечего было ждать сколько-нибудь значительных открытий. Большинство представителей почти всех отдельных отраслей знания человеческого открыто признавало, что век великих гениальных открытий кончен, что будущее истории науки будет лишено ярких красок, что оно будет представлять из себя лишь гигантскую совокупность

тщательнейших повторных опытов и детальных исследований. Дух живой отлетел от людей, жизнь потеряла всякую ценность, ибо хотя грандиозный успех позитивной науки и техники и давал все удобства жизни, но всем высшим запросам человеческого существа вовсе не оставалось места. Все, что есть в человеке чистого, высокого и прекрасного, этой культурой совершенно *игнорировалось*, за ним отрицалась всякая реальность, всякая субстанциональная ценность и лишь в лучшем случае *терпелось*, как забава и отдых, на различных «фабриках удовольствий».^[7] Идеалов не стало, ибо отрицалась самая возможность чего-либо высшего, чем сама жизнь. Тождественность природы синтеза с единичными явлениями породила коллективизм и поставила его на место синтеза; не только индивидуальность, но и личность исчезла; воцарилось царство толпы — этого естественного образа материального синтеза, пародии Синтеза Истинного.^[8]

Несмотря на пышность формы созданного им знания, человек, тем не менее, непрестанно наталкивался на противоречия. Он не только откидывал, как иллюзию, даже реальность собственного самосознания, но и чувствовал, вместе с тем, что все его знание на веки бессильно дать ответ на какой-либо вопрос, как только он касается *сущности явлений*. Человечество выстроило грандиозное здание на песке, на раздробленных единичных сведениях, не связанных между собой, оно приняло за основание мир явлений, забыв, что все части его вечно перемещаются по отношению друг к другу. Вот почему, когда извне сферы эмпирического опыта, из глубин духа человеческого, последовал удар, все величественное здание должно было пасть, смытое волнами, хлынувшими из внесознательной стороны человеческого существа.^[9] Человек не сумел сразу создать истинный синтез, он выявил все следствия из начальных постулатов, но он и не пытался подвергнуть их самих анализу, затемняя вопрос или попросту открыто сознаваясь в своей бессилии. «*Все известно, все объяснено, все следует одно из другого, но все одинаково непонятно*» — вот лозунг отошедшей эпохи.

Начало XX века — это резкий переворот во всех отраслях человеческой мысли. Родилось непоколебимое стремление к анализу конечных причин, подверглись изучению все те первоосновы, все те постулаты, на которых зиждилась наука в продолжение стольких веков. Если периодическая таблица Менделеева перевела химию в совершенно иную, несравненно более высокую плоскость, если внешнее родство элементов стало невольно наталкивать человеческую мысль на единство природы, то открытие радия нанесло смертельный удар всем, бывшим дотоле основными, космическим гипотезам. И вот, в течение каких-либо 20–30 последних лет, за срок совершенно ничтожный в привычном масштабе истории, все основы науки пошатнулись в самых корнях своих. Если время и пространство, эти основные модусы мышления, были поколеблены Кантом, Шопенгауэром, Лобачевским и Риманом, то открытие принципа относительности Эйнштейном^[10] и теория М. Аксенова и Германа Минковского^[11] окончательно показали нелепость приписывания общепринятым воззрениям на них хотя бы доли реальности. Принцип относительности сделал невозможным самый приступ к учению о пространственности и протяжении во времени как о первичных категориях вселенной, а вместе с электромагнитной теорией света Максвелла он окончательно убил гипотезу об эфире.^[12] Материя потеряла субстанциональность своего бытия и претворилась лишь в кристаллизированную энергию через открытие радия и дематериализации материи.^[13] Учение об энергии пыталось одно время стать на место материалистических воззрений, но закон энтропии, в связи с бесконечностью вселенной во времени, своей собственной силой, логически делает невозможным самое ее существование.^[14] Таким путем, у величественного здания материалистической науки XIX в., бывшего еще столь недавно, казалось, почти законченным, теперь выбиты все основания.^[15]

«В настоящее время мы вновь переживаем время ломки старого научного здания, но такой ломки, которой не знает история науки, и которая по обширности и основательности далеко оставляет за собой все прежние, все, которые выше были нами приведены в виде примеров. Эта ломка, этот неслыханный по своей грандиозности научный переворот, прежде всего, тем замечателен, что он почти одинаково затрагивает все отделы физики. Ни одна из частей великого научного здания, сооруженного работой нескольких столетий, не остается в прежнем ее виде; все они до основания разрушаются, вся физика заменяется новой. Но это еще не все! Разрушается не только наука, составляющая достояние сравнительно немногих, но в самом корне переиначиваются наиболее основные, элементарнейшие представления обыденной жизни, с которыми мы свыклись с малолетства, которые казались неподлежащими никакой критике, никакому сомнению. Разрушаются даже такие истины, которые никогда и никем не высказывались, не подчеркивались, потому что они казались самоочевидными, и потому, что ими бессознательно пользовались все и клали их в основу всевозможных рассуждений».

Заслуж. орд. проф. СПб. Универ. О. Д. Хвольсон.

Наступающая эпоха бесконечно отлична от только что минувшей; она есть время перелома, подведения итогов, искания новых путей, выявления новых целей. Все виды мышления, все отрасли науки испытали полный внутренний переворот, они изменились настолько, что подчас с прошлым их связывает одно лишь название. Для человека, стоящего в стороне этих новых идей, этот великий перелом всемирной истории проходит бесследно, но он не может не чувствовать его, ибо перевороту в сущности соответствует и переворот в форме. Развитие средств сообщения, падение влияния быта, общность форм жизни в различных государствах, уменьшение значения границ, попытки создания международного языка, интернациональность целого ряда организаций, обезличение властей, как центральных, так и местных, чрез видоизменение их в анонимные общества — все это является низшим, внешним отражением духовного стремления человечества к синтезу, к разрушению единичных форм. Великая война, заливающая мир океаном крови, сметающая народы и изменяющая всю жизнь на земле, есть лишь слабый отзвук той великой борьбы, которая происходит в сознании вселенского человечества при столкновении двух великих эпох, бесконечно разнствующих друг с другом.

«По закону разделения исторического труда, один и тот же культурный тип, одни и те же народы не могут осуществить двух мировых идей, сделать два исторические дела, и если западная цивилизация имела своей задачей, своим мировым назначением осуществить отрицательный переход от религиозного прошлого к религиозному будущему, то положить начало самому этому религиозному будущему суждено другой исторической силе».

Владимир Соловьев.

Наше время — это сближение того, что еще так недавно казалось совершенно противоположным, навеки разделенным непримиримостью противоречий. Наука и религия, столь долго имевшие лишь потенциальную связь через философию, теперь все больше сходятся между собой и с удивлением констатируют единство мировоззрений. Так в области позитивных исканий разум стал уходить вглубь, в искание синтеза, так и в религиозной сфере люди стали

уходить в мистицизм, в сокровенную сущность религиозных учений Конечный синтез не может не быть единым, а потому конечный мистицизм и конечный научный синтез оказываются неразрывно связанными друг с другом; оба они выливаются в абсолютное учение, единое, но различно преломляющееся в научный разум и разум религиозный.

«Тайны природы», говорит иерофант Фракии, «те же, что и тайны религии, и может существовать лишь единая доктрина, ибо существует лишь один принцип существ. Мы чувствуем импульсом нашего гения, что человек рожден для познания, но мы также должны читать природу и качества существ по их оболочкам. Уметь читать эти знаки есть первая степень науки. Но эта природа и эти качества имеют сходство между собой, что надо также уметь понимать, и эти знаки более трудны для чтения, что составляет вторую степень науки; но обнажить существа от их оболочек, видеть их такими, каковы они есть, — это последняя степень науки и мало, кто этого достигает. Тогда только человек делается могущественным и в словах, и в трудах» [18]...

Раскол между религией и наукой, основание которому было положено гуманистами, достиг высшего расцвета своего в конце XIX века; именно в это время позитивизм и мистицизм стали противоположными полюсами человеческого мышления, не только объявившими войну друг другу, но и начавшими вовсе друг друга игнорировать, что и является, конечно, высочайшей степенью непримиримости.

Единство конечной истины не может не выливаться в общую однообразность путей к ней приближения; при всей многообразности отдельных форм, вся их совокупность не может не быть проникнута внутренним единством, сказывающимся в стройности и гармоничности совокупной системы всех отдельных путей. Позитивизм и мистицизм в своих конечных степенях развития приводят нас к познанию двух сторон человеческого духа, двух методов его самоутверждения. Как тот, так и другой в своей истинной природе представляют собой осуществление основного стремления духа человеческого познать себя как в сущности, так и в закономерности своей дифференцированной природы. Будучи в этом аспекте сознания тождественными, они являются в другом аспекте противоположными друг другу.

Позитивизм есть стремление человеческого духа сознать себя в синтезе дифференциальной природы, созданном путем внешнего опыта в мире явлений. В силу этого, внешняя форма позитивного познания всегда объективна, т. е., иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем всегда непосредственно основывается и проистекает из истины внешней — мира явлений. В полную противоположность этому, *мистицизм есть стремление человеческого духа сознать себя в синтезе дифференциальной природы, путем внутреннего опыта, т. е. последовательным отождествлением отдельных аспектов своего Я с явлениями внешнего мира и утверждением последних как феноменов, проистекающих из нумерального духа и поему имеющих лишь иллюзорное бытие по закону среды.* В силу этого, внешняя форма мистического познания всегда адекватна, т. е., иначе говоря, данные, критерий и сама закономерность заключений в нем всегда непосредственно основывается и проистекает из истины внутренней — из непосредственного самосознания духа. Оба вида самосознания взаимно дополняют и утверждают друг друга; в отдельности каждый из них имеет лишь относительную свободу, ибо развитие сознания духа в двух соответствующих аспектах стремится быть параллельным и допускает лишь дифференциально малые колебания. Совершенный человек должен одинаково следовать по обоим путям, совмещая их в полной гармонии. Истинный маг одинаково всеведущ как в области мистики, так и в области позитивных знаний, и именно совмещение этих двух течений человеческой мысли есть признак, определяющий самое понятие о маге. [19] Будучи в своей истинной природе неразрывными, позитивизм и мистицизм в лице своих представителей через обоюдное непонимание разошлись между собой. В сущности говоря, это расхождение было только видимым, иллюзорным, ибо от человека не зависит

сущность явлений и он может изменять лишь кличку. Уйдя целиком во внешнюю форму этих основных течений человеческой мысли и не желая не только воспринимать, но и даже слышать другого учения, представители позитивизма и мистицизма породили каждый в их собственной среде разделение, вполне подобное тому, которое утверждает позитивизм и мистицизм в области самого духа.

Первоклассные представители позитивной науки не могли не чувствовать мистического пути, но эти свои переживания они или вовсе скрывали, или оставляли в неразработанной форме; таковы, например, Ньютон, Паскаль, Кеплер, Декарт и многие другие. «Лишь малое знание удаляет от Бога, большое вновь приближает к Нему» — сказал первый из них, и этим запечатлел общеизвестный исторический факт, что все великие люди науки и истории были людьми верующими. Эти гиганты позитивной мысли представляют собой *мистический полюс позитивизма*.

Второстепенные работники в области позитивных наук сплошь да рядом запутывались в грандиозности и многообразности мира явлений и забывали среди этого многообразия даже о своем собственном ищущем духе. Если титаны науки, во всеоружии знания, стремились подняться к нему, то ее ремесленники порой начинали видеть небо там, где оканчивалась чувствительность их измерительных приборов. Они не поняли природу синтеза, воспринимаемого чрез беспрестанное увеличение глубины понятий и переход к высшему по аналогии, без нарушения природы категорий, они сочли за синтез *суммарность*, они определили его как агрегат единичных законов. Сюда относятся предстатели quasi-рационалистических школ материализма и атеизма, как, например, Бюх-нер,^[20] Геккель,^[21] Штраус^[22] и другие; в своей совокупности они и представляют *позитивный полюс позитивизма*.

Истинные носители мистического знамени, познававшие мир непосредственным духовным сознанием, истории неизвестны. Их величие и истинная жизнь раскрываются лишь из эзотерических преданий и символов, из того несказуемого обаяния, которое эти адепты имели, как в свое время, так и на пути последующих веков, на все человечество; таковы неведомые мудрецы Гималаев и таинственные иерофанты Египта. Мы не знаем их собственной жизни, их собственных стремлений и достижений, но по грандиозности их светоносного влияния на человечество мы можем мысленно представить себе всю необъятность их собственного величия. Они жили вне и над жизнью, но ничто не проходило без их таинственного влияния, они постигли вполне великий дар незримого управления умственной жизнью человечества чрез ослепительный блеск возвещенных ими скрижалей Вековечной Правды. Эти истинные адепты мистицизма представляют его *положительный полюс*.

Подобно позитивизму, среди мистиков последних веков огромное большинство всецело погрузилось в мир явлений. Но несмотря на тождество изучаемой ими природы, позитивисты позитивизма и позитивисты мистицизма подходили под различными углами зрения. Зная дух и всеобъемлемость его царствования, мистики не могли всецело увлечься формами и явлениями, но, вместе с тем, они подчас невольно забывали свою конечную цель и целиком силы свои посвящали разработке конкретных вопросов. Идя дедуктивным путем, мистики переходили к изучению дифференциальной природы и настолько увлекались ей, что их исследования теряли всякую связь с синтезом и, с внешней стороны, они стали вполне подобными узким позитивистам. Сюда относится громадное большинство как средневековых, так и современных мистиков; в своей совокупности они и представляют собой *отрицательный полюс мистицизма*.

Резюмируя изложенное, мы видим, что представители эволюционирующей человеческой мысли разделились на четыре большие группы, чрез расчленение позитивизма и мистицизма, в свою очередь, на два полярно противоположных полюса. Низшей группой являются представители позитивного позитивизма, затем следует мистический позитивизм, потом

позитивный мистицизм и, наконец, мистический мистицизм.

Представители позитивного позитивизма потерпели полное фиаско силой самого хода эволюции позитивной науки, как мы это показали в начале настоящего предисловия. Можно сказать, что эта группа существует лишь в историческом прошлом, теперь ее вовсе нет, и сомневаться в этом может лишь тот, до чьих ушей не дошли величайшие открытия человеческого гения за последнюю четверть века. Школа позитивного мистицизма открыто стала провозглашать то, что еще так недавно осмеивалось самовлюбленным невежеством. Соединив в себе весь опыт позитивных изысканий человечества, эта школа, вместе с тем, идет полным ходом к слиянию с адептами мистицизма. Целый ряд известных ученых убеждены только одной логикой своих опытов в реальности многого из сферы мистики; таковы, например: Крукс, Руссель Уемес и Мариан в Англии, Карл Дюпрель и Цельнер в Германии, Эдланд и Турнебон в Швеции, Ломброзо и Киайа в Италии, Фламарион, де Роша и Густав Лебон во Франции и много других. Если Крукс, со своей Кэтти Кинг, еще мог быть осмеян за то, что при свете позитивного знания он открыто рискнул коснуться области Неведомого, то ныне такие блестящие представители науки, как Резерфорд, Вильям Рамзай^[23] и Содди, открыто занимаются исследованием превращений химических элементов и самой дематериализации материи, т. е. исполнением заветной мечты алхимиков, окруженные почтительным молчанием позитивистов мира.

«For I wish to point out that the emotional creed of educated men is becoming divorced from their scientific creed; that just as the old orthodoxy of religion was too narrow to contain mens knowledge, so now the new orthodoxy of materialistic science is too narrow to contain their feelings and aspirations, and consequently that just as the fabric of religious orthodoxy used to be strained and overpassed in order to admit the discoveries of geology or astronomy, so now also the obvious deductions of materialistic science are strained and overpassed in order to give sanction to feelings and aspirations which it is found impossible to ignore».

Myers

Если позитивный позитивизм уже окончательно выполнил задачу свою и потому ушел в царство теней, то мистический позитивизм еще сохраняет жизненность, заканчивая свою миссию, однако и его дни уже сочтены. Мистицизм средних и новых веков в Европе вылился в совершенно особую форму, присущую лишь ему одному и резко отличающую его от мистицизма древнего мира. Первое, что прежде всего бросается в глаза — это отсутствие самодовлеющей философии. Если история древности есть история философских систем, то наоборот, весь европейский мистицизм проникнут привязанностью к семитической космогонии, поистине достойной лучшей участи. Европейским мистицизмом не было создано ничего самобытного, так и того, что хоть сколько-нибудь относилось к миру причин. Он не только забыл всю многокрасочность древних эзотерических учений, но даже потерял память о философско-религиозных системах Индии, дойдя до полного игнорирования всего, что не заключалось в *мистицизме габраизма*. Все усилия средневековых и новейших мистиков сводились к разработке конкретных вопросов, единичных теорий, но и эти изыскания они неведомо зачем покрывали столь густым покровом эзотеризма, что, воистину можно сказать, — легче самому воссоздать любую из мистических теорий, чем дешифровать многотомные и туманные фолианты новейших мистиков.^[26]

При сравнении между собой дошедшего до нас древнего мистицизма, хотя бы Пуран и Упанишад Индии, с темными хитросплетениями Парацельса, Постеля, Этейлы и других,

невольно бросается в глаза, что в то время как древность гласит как живой глагол, власть имеющий, так, наоборот, у новейших мистиков дух живой давно отлетел. Трепетно жаждавший конечной и абсолютной Истины, древний индус уходил в недра своего чистого духа, сокращал все свое существо в единый волевой синтез, забывал свою личность и на могучих крыльях гордого самосознания своего «Я» воспарял в безбрежный океан Единого Вселенского Духа, грезящего о Своей Майе, вечно изменчивой, вечно трепещущей совокупности бесконечных свойств, потенциальных форм» — различных модусов Его Самосознания. Индус отвергал все, он искал одну лишь Реальность, он стремился к ней и он ее находил! Древний индус, как и древний египтянин, своим духом плавал в вечности, он наслаждался счастьем предвосхищения конечного достоинства Божественного Совершенного Человека, себя во всем сознавшего, себя во всем утвердившего, от всего отрекшегося, погрузившегося в Ничто и ставшего Всем. Индусы и египтяне любили науку, но их знание было самой жизнью; отвергая форму в принципе, они умели реализовать свои воззрения и могучим духом своим они свели ее в иллюзию совершенную. Их наука, их знание были оплотом свободы, они наполняли их дух простором великим, давали ключ к реальным законам, давали реальную власть.

«Даже самая возвышенная философия европейцев, идеализм разума, выдвинутый греческими философами, кажется в сравнении с обильным светом и силою восточного идеализма какой-то маленькой Прометеевой искрой, слабой, дрожащей и всегда готовой погаснуть среди целого наводнения божественного сияния полуденного солнца».

Шлегель.

«Веданте принадлежит особое, единственное место между системами философии всего мира. Возвысив «Себя» человека или истинную природу Эго, веданта связывает его с Сущностью Божества, Которое безусловно Непорочно, Совершенно, Бессмертно, Неизменяемо и Одно. Ни один философ, ни даже Платон, Спиноза, Кант, Гегель, или Шопенгауэр, не достигли такой высоты философской мысли... Ни один из философов, не исключая Гераклита, Платона, Канта или Гегеля, не отважился воздвигнуть такой высокий монумент, на вершине которого уже не страшны ни бури, ни молнии. Камень следует там за камнем в строгой последовательности, после того, как однажды первый шаг был сделан, после того, как однажды ясно было усмотрено, что вначале мог быть только Один, подобно тому, как и в конце будет только Один, назовем ли Его Атманом или Брахманом».

Макс Мюллер.

Нет ничего более возвышенного и благодетельного для человечества, чем изучение Упанишад. Они были утешением в моей жизни и будут утешением в моей смерти».

Шопенгауэр

Европейские мистики нашей эры были истинным олицетворением бессилия. Из уст в уста они передавали древние как мир тайны, старательно оберегая их от непрошенных любопытных взоров, наивно и дерзновенно думая, что сохранение истины и незапятнанность ее грубыми руками невежд может зависеть от их личных действий. Таинственность превратилась для них в забаву; эзотеризм всякой истины, как естественного удела лишь призванной аристократии духа,

был понят ими как скрывание клада от хищников; они сберегли этот клад, но годы пребывания его в земле сделали свое дело, и когда они попытались впервые отрыть его, то невольно убедились, что все истлело. Скрывая, они могли скрыть лишь от себя самих, они сделали это и поэтому стали посмешищами своего рока.

«Религия разделяется на внешнюю и внутреннюю, равно и школы Премудрости разделяются на внешние и внутренние; внешние владеют буквой иероглифов, а внутренние — духом и смыслом; внешняя религия соединяется с внутренней обрядами, внешняя школа мистерий соединяется с внутренней иероглифами. Сыны Истины! Существует лишь Единый Орден, Единое Братство, Единый Союз Единомышленников, цель которых овладеть Светом, и только неразумие воздвигло из этого центра бесчисленное множество орденов. Множественность лежит в обрядах внешнего, а Истина только во внутреннем. Многочисленность братств зависит от разнообразий иероглифических толкований, согласно времени, нуждам и обстоятельствам; истинное же Собратство Света может быть только Единым. Всякие ошибки, всякие расколы, веяния недоразумения, все, что в религиях и тайных обществах дает повод к стольким заблуждениям, относится исключительно к букве, а дух остается неприкосновенным и святым. Все это относится к внешнему покрову, на котором написаны иероглифы, церемонии и обряды и нисколько не касается внутреннего. Наше желание, наша цепь, наша обязанность — оживить всюду мертвую букву, всюду придать душу иероглифам, а безжизненным знакам живую истину, всюду сделать бездеятельное деятельным, а мертвое живым. Но все это мы способны совершить не сами по себе, а духом того света, который является Премудростью, Любовью и Светом Мира, и который желает стать нашим духом и нашим светом. До сих пор самое внутреннее святилище было отделено от храма, а храм осаждался находящимися в преддверии; наступает время, когда внутреннейшее святилище должно соединиться с храмом, чтобы находящиеся в храме могли воздействовать на тех, кто в преддверии, пока преддверия не будут отброшены во вне. В нашем тайном святилище все мистерия Духа и Истины сохранились в чистоте и никогда оно не могло быть осквернено профанами или запятнано нечестивыми. Святилище это невидимо, как невидима сила, познаваемая лишь по ее действию. В нашей школе можно всему научиться, ибо Наставник нам — это Сам Свет и Его Дух. Наши науки это наследие, обещанное избранным, или тем, кто способен получить Свет, а знание наших наук есть полнота Божественного Союза с детьми людей».

Эккартсгаузен 1

В мире нет ничего нового, человеческая цивилизация движется по спирали и из века в век люди проходят по тем же самым путям, лишь различно расцветивая их, согласно своим индивидуальным особенностям. История, ведомая нам, обнимает лишь крохотную часть истинной полной истории; она не сохранила памяти о бывших блистательных эрах жизни и деятельности человечества как в мире духа, так и в мире разума. Истина и стремление к ней человека вечны; как реальность, она не может не быть единой; вот почему Высшее Ведение, почерпнутое из затаеннейших областей духа, не может зависеть от внешних условий; незыблемость сущности должна выливаться в незыблемость в разуме. Учение об истине на пути веков было преемственно, оно пережило не только расу, впервые поднявшуюся до него, но и самую память об ней; из века в век оно хранилось служителями своими, которые суть истинные представители аристократии духа. Запечатленное в символах, оно дошло до нас в древнейшем

памятнике мысли человеческой, происхождение которого теряется в тумане веков. Этот памятник есть Священная Книга Тота,^[28] Великие Арканы Таро.

«Через завесу всех иерархических и мистических аллегорий древних учений, сквозь мрак и причудливые испытания всех Посвященных, за печатью всех Священных Писаний на развалинах Ниневии и Фив, равно как на изъеденных временем камнях древних храмов, на почерневших лицах сфинксов Ассирии и Египта, в чудовищных или чудесных рисунках, переводящих для верующих Индии священные страницы Вед, в странных эмблемах наших старых алхимических книг, в церемониях приема, практиковавшихся всеми таинственными обществами... повсюду мы находим следы Единой Доктрины, повсюду тождественной, повсюду тщательно скрываемой... Оккультная философия, по-видимому, была кормилицей или крестной матерью всех религий, тайным рычагом всех интеллектуальных сил, ключом ко всем Божественным таинствам и абсолютной властительницей общества в години, когда она была исключительно предназначена для просвещения первосвященников и царей.

Она царила в Персии вместе с магами, которые погибли, как погибают повелители мира, злоупотребившие своим могуществом; она одарила Индию самыми чудесными преданиями и невероятной роскошью поэзии, прелести и ужаса своих эмблем; она просветила Грецию при звуках лиры Орфея; в смелых вычислениях Пифагора она вложила конечные принципы всех наук и всех успехов человеческого духа, она исполнила сказку своими чудесами; история, как только бралась за изучение этого неведомого могущества, сама претворялась в сказку; своими оракулами она потрясала или утверждала империи, заставляла бледнеть тиранов на их тронах и господствовала над всеми умами, маня своей таинственностью или преклоняя их страхом. Для этой науки, говорила толпа, нет ничего невозможного: она повелевает элементами, знает язык звезд, луна на ее зов падает кровавой с неба, мертвецы встают из своих могил, повторяя замогильный шепот ночного ветра, проносающегося чрез их черепа. Властительница любви и ненависти, наука, может доставить по своему желанию рай или ад сердцам людей; она всецело располагает всеми формами и распределяет, как ей угодно, красоту и безобразие; при помощи палочки Цирцеи она превращает также людей в скотов и животных в людей, она располагает даже жизнью и смертью и может доставить своим адептам богатства посредством превращения металлов и бессмертия при помощи своей квинтэссенции и своего эликсира, составленного из золота и света. Вот чем была Магия от Зороастра до Манеса, от Орфея до Аполлония Тианского, до того как позитивное христианство, восторжествовав, наконец, над прекрасными мечтаниями и грандиозными стремлениями александрийской школы, осмелилось публично поразить эту философию своими анафемами и таким образом заставило ее стать еще более скрытой и таинственной, чем когда бы то ни было прежде».

Элифас Леви.

Бесчисленные поколения людей отошли в вечность с тех пор как человек впервые сознал свое царственное на земле достоинство. Самые имена племен и народов заволоклись постепенно веками и исчезли в их тьме. Всепоглощающее время вычеркнуло навсегда из нашего сознания даже мысль о возможности устремить наш умственный взор в седую древность человечества. Справедливо сказано, что если история человечества длится сутки, то мы едва ли

знаем последние пять секунд. Египет, Китай, Вавилон и Индия — вот пределы, за которые не может проникнуть пытливый глаз историка. Былины, легенды и мифы освещают еще несколько тысячелетий в глубь веков, — затем все заволакивается непроглядной тьмой. Бесчисленное множество раз, даже за сравнительно ничтожный период известной нам мировой истории, изменялись клички народов, иссякала и вновь возникала юная кровь, создавалась культура и вновь разрушалась. Как в калейдоскопе, сменялись поколения людские с мыслями, надеждой и верой и вновь уходили в область забвенья. Ничто не оставалось неподвижным, все варьировалось, все изменялось. Волны людские смывали, растворяли в себе, а подчас и совсем уничтожали предшествовавшие цивилизации, катились неудержимо, слабели и затухали. Ничто не вечно, все проходит, все забывается.

Бурное море своими волнами, вечно бурлящими, гордыми и могучими неустанно изменяет лик земли: скалы рассыпаются в песок, спокойно лежащий на дно, горные вершины исчезают в пучине. Но и само могучее море иногда встречает отпор в своем неудержимом стремлении. Вот встречает оно мощную грудь вулкана; с ревом несутся бешенные волны, гибнет все вокруг, самые скалы — подошвы гиганта — колеблются; кажется, еще немного, и наступит его неизбежная гибель. Но вот, как бы проснувшись, вздохнет своей грудью вулкан и из недр его поднимутся волны лавы, — и снова он делается грозным и непреодолимым. А между тем, вокруг море продолжает свою работу; новые и новые земли захватывает оно, и через несколько тысячелетий вся страна опускается на дно морское; один вулкан остается недвижим и все растет. Забудется имя страны, с недоумением будет встречать мореплаватель гиганта, но если он будет достаточно пытлив, смел и настойчив, то в слоях пепла он найдет остатки былых времен и сможет постигнуть историю злосчастной страны.

Так, среди бурных волн всепоглощающего океана времени стоит недвижимо великий Памятник давно минувшего. Откуда он, где его родина, какой сверхчеловеческий гений дал ему силу противостоять всему — мы не знаем и вероятно, знать не будем. Но его древность, древность баснословная сравнительно с жалким отрывком истории, ведомой нам, уже должна внушить благоговейное к нему отношение. Сколь же безмерно вырастает его величие, в сколь могучего гиганта он превращается, когда перед нашим восхищенным взором открывается, что кроме самой древности его жизни в этом Памятнике неисповедимыми путями сокрыты начала всех нитей от всех деяний человечества за всю его планетную жизнь?! — Этот памятник нам, европейцам, известен под именем Священной Книги Тота — Великих Арканов Таро.

Многие десятки веков тому назад царствующая ныне на земле белая раса получила от своей предшественницы это великое наследие, этот великий синтез знания человека и доступного его гению Откровения Божественного. Она по достоинству оценила его, и этот Памятник Божественной Мудрости лег в сущность всех Посвящений. Эта великая основа проявляется в каждой религии постольку, поскольку она возвышается над дифференциальными частностями, возносится над условиями быта и времени ее народа и выявляет из своего существа отблеск абсолютного учения о вечной истине.

«Все религии сохранили память об одной первичной книге, написанной иероглифами мудрецами первых веков мира, символы которой, будучи впоследствии упрощены и вульгаризированы, послужили Писанию буквами, Слову — категориями, а оккультной философии — ее таинственными знаками».

Элифас Леви.

«Есть лишь единый Закон, единый Принцип, единый Агент, единая Истина и единое Слово.

То, что вверху, по аналогии подобно тому, что внизу. Все, что есть, есть — результат количеств и равновесий. Ключ затаенных вещей, ключ святилища! Это есть Священное Слово, дающее адепту возвышенный разум оккультизма и его тайн. Это есть квинтэссенция философий и верований; это есть Альфа и Омега; это есть Свет, Жизнь и Мудрость Вселенские... Древность этой книги теряется в ночи времен. Она индийского происхождения и восходит до эпохи несравненно более древней, чем время Моисея. Она написана на отдельных листах, которые раньше были сделаны из чистейшего золота и таинственных священных металлов... она символична, и ее сочетания обнимают все чудеса духа. Старая с бегом веков, она, тем не менее, сохранилась — благодаря невежеству любопытных — без изменений в том, что касается ее характера и ее основной символики в наиболее существенных частях». Эти строки цитирует Е. П. Блаватская в своей «Тайной Доктрине» с какого-то манускрипта о Таро — Священной Книги Еноха.^[31] Относительно замечания об индийском происхождении Таро, — Блаватская пишет следующее:

«Говорят что Таро «индийского происхождения», потому что оно восходит к первой подрасе Пятой Расы — Матери, до окончательного разрушения последнего остатка Атлантиды. Но если оно встречается у предков первобытных индусов, то это не значит, что оно впервые возникло в Индии. Его источник еще более древен и его след надо искать не здесь, а в Himaleh,^[32] в Снежных Цепях. Оно родилось в таинственной области, определить место нахождения которой никто не смеет и которая вызывает чувство безнадежности у географов и христианских теологов, — области, в которой Брахман поместил Свою Kailasa, гору Меру и Parvati Pamir, извращенный греками в Парапамиз».^[33]

Истина одна, но к ней можно подходить различными путями и мы, естественно, должны выбрать путь, наиболее доступный. В наиболее чистой форме Божественная Доктрина, вложенная в Великие Арканы, покоится в Посвящении страны иерофантов. Здесь именно они были выражены с наибольшей отчетливостью сознания их величия, они были действительной основой всей религии, в то время как в других странах они были сокрыты покрывалом эзотеризма. Вместе с тем, учение священной страны Кеми, само по себе, более доступно испытующему духу нашему, ибо вся европейская культура развивалась под его влиянием, чрез посредство семитического Откровения, иудейства и христианства и чрез мистицизм оккультных течений Запада, которые источником всех своих знаний открыто почитали учение Гермеса Трисмегиста, Великого Посвященного, Основоположника египетской науки и Посвящения.

С нашествием Камбиза великолепие Египта отошло в область предания. Несколько месяцев подряд победоносное войско тем только и занималось, что, раскалив сначала при помощи костров пилоны и статуи, обелиски и барельефы, вековые творения гения египетского, затем поливало их холодной водой, чтобы добиться их разрушения на такие осколки, которые затем, будучи развезены в разные стороны, могли бы быть без особых усилий бесследно уничтожены. Во всей долине Нила не осталось ни одного храма, ни одного памятника, которого бы не коснулась рука этого непреклонного исполнителя воли судеб.

Несмотря на все их усилия, победители разрушили только то, что должно было быть разрушено. Деяния рук человеческих погибли, но дух древних иерофантов продолжал жить, таясь в недоступных убежищах. С воцарением Птолемея Египет еще раз развернул свою древнюю мощь, и чудо света, Александрийский маяк, как издревле сфинкс, стал эмблемой страны вечного стремления, блистающим светом своим озарявшей весь мир на пути стольких столетий. Но пришел час, предначертанный судьбой, и наступил конец всему. Среди диких воплей черни и исступленных выкрикиваний фанатиков, выдававших себя за лучших служителей Бога-Света, пал древний Серапис, оплот египетской мудрости. Теон и Ипатия запечатлели кровью своей беззаветную преданность знанию на ступенях александрийского храма Мудрости,

ставшего последовательно добычей фанатических орд Омара и епископа Феофана.^[34] Полгода горели на площадях костры и топились бани сотнями тысяч папирусов, повествовавших о минувшей жизни людей, их стремлениях, их знаниях и их открытиях. Светивший тысячелетия свет из древней священной страны померк; Египет, его всемирная слава, его величие и знание безмерное, погрузились в область забвения, ушли туда, откуда уже нет возврата.

Истина и стремление к ней человека вечны; нет в мире силы и быть такой не может, которая могла бы их превозмочь; весь мир мог погибнуть, и в наступившей калиюге мог остаться лишь один человек, но и тогда Истина продолжала бы кротко сиять в его сердце, а дух его продолжал бы к ней пламенно стремиться. Погиб весь блеск Египта, погибли храмы, погиб оплот мудрых, живших стремлениями вне жизни земной, — наука о Вечной Истине погибнуть не могла, она бессмертна, и волны людского безумия не могли ее поколебать! В ослеплении объявляя войну Небу, человек этим лишь сам изгоняет себя из его пределов; Абсолютное и Вечное непрестанно озаряет все вокруг Себя, — слабая воля людская ни на йоту не может ослабить или изменить Его Бытие и Свет; в ее власти — лишь степень восприимчивости самого человека. Когда дух его чист и ясен, он может невозбранно приближаться к Свету, и Истина предстает пред ним в неопишемом великолепии Своей Первородной Чистоты. В минуту падения, когда помутившийся или еще спящий разум оказывается не в силах сдерживать беснующихся страстей, человек теряется в их сатанинском хаосе и сам сковывает себя по рукам и ногам. Светлый лик Изиды, объемлющей все в Себе, отражает тогда для его взора лишь свистопляску его безумств и мучений во всей дерзновенности их уродливости. Видя это и чувствуя внутренне правдивость осуждения, человек бросается в бездну с еще большим неистовством, наивно думая найти себе этим покой. Первые века христианской эры — это с одной стороны повальное восстание рабов, а с другой — появление на арене мира варварских полудиких народов. Античный мир быстро склонялся к закату, а с ним уходили и его боги, его наука и его тайны. Внешним образом все погибло, но, в действительности эта катастрофа была только кажущейся. На лик Изиды, Богини Истины, спустилась вуаль еще более темная и непрозрачная, чем когда бы то ни было прежде. Открыто проповедовавшееся знание укрылось в символах, легендах и мифах и, уйдя таким образом от взоров толпы, оно пережило гордое царство фараонов и распространилось по всему миру.

«Одежды Истины меняются, но сама Богиня и Ее Дух непоколебимы и вечно испускают лучи под временными изменениями буквы».

Станислав де Гуайта.

Прошло лишь несколько десятков лет, и дети полчищ Омара создали великолепный Арабский Халифат. Гарун-аль-Рашид, Ибн-Юнис, Наср-эд-Дин, Табита бен Кара и Сулейман стали все силы свои устремлять к тому, чтобы восстановить величие Александрийской науки. С победой Тарика мусульманские владения стали надвигаться и на Европу; хотя Карл Мартелл при Пуатье и положил предел их политическому распространению, все же веяние арабского гения проникало далеко и странствующие философы, алхимики и астрологи распространяли обрывки знаний повсюду, пока лютое подавление альбигойцев не заставило ищущих Правды начать скрывать свои стремления густым покровом тайны.

Герольды и трубадуры, странствующие рыцари и монахи нищенствующих орденов разносили отзвуки эзотерического мистицизма повсюду, от турниров гордых вассалов до скромных жилищ простого народа, иерусалимские войны еще более укрепили связь с сарацинами, и если на западе Крест восторжествовал над Луной, то на востоке мистические

искания повергли в прах даже пламенный фанатизм крестоносцев. Рыцари Храма, на пути целых веков, на острове Мальте, стали открытыми искателями в области Неведомого, и самая казнь Жака дю Молле у Сен-Антуанских ворот Парижа на медленном огне с его ста тринадцатью товарищами Филиппом Красивым привела лишь к созданию «Общества вольных каменщиков», которое с учреждением института *maçons adoptés* претворилось в масонские толки, скованные впоследствии общностью дела Вестгауптом, и затем открыто соединившиеся во всемирное братство работой Альберта Пайка, благодаря учреждению им *Palladismum Novum Reformatum*». ^[36]

Так, на пути веков, среди хаоса племен и народов, культов и верований, внешних форм и окрасок, сохранялась преемственная связь, начиная с древних иерофантов Египта, переходя последовательно через неоплатоников, гностиков и философию арабов, тамплиеров, розенкрейцеров, Раймонда Луллия, Парацельса, Флудда, Филалета, Кроллиуса, Мейстера Экхарта, Корнелия Агриппу, Иоанна Тритемского, Генриха Кунра-та, Николая Фламмея, Кнор де Розенрота, Пико Мирандолу, Рейхлина, Бёме, Гишголя, Джордано Бруно, Лэда, Мартинеса ди Паскуалиса, Дютца-Мамбрини, Сен-Мартена, Молитора, Фабра д'Оливе, Сент-Ива д'Альвейдра, Гужено де Мюссе, Элифаса Леви, Станислава де Гуайта и кончая современными новейшими мистическими течениями йогизма и теософии. ^[37]

Но как бесконечно далек мистицизм иллюминатов, розенкрейцеров и мартинистов, этих жалких представителей когда-то столь великого западного Посвящения, от блеска Царственной Науки долины Фив! Из поколения в поколение передавалась лишь буква, дух живой давно отлетел и лишь отдельные, отмеченные свыше, искатели в тайниках сердца своего воссоздавали отблеск величия Древнего Знания.

Мировая история всегда делилась, как будет делиться и впредь, на периоды накапливания фактов и на периоды их обобщения и синтеза. Наша эра, последние две тысячи лет, и является именно таким периодом накапливания фактов и отсутствия ярких проблесков человеческого гения. Мы переживаем грустную эпоху, которой древние индусы дали имя «калиюги», «годины смерти», ибо во время ее призваны к деятельности лишь низшие стороны человеческого существа. *Эпоха расцвета Египта — это последний отзвук предшествовавшей расы человечества, отошедшей в вечность.* Время Гермеса, Рамы, Орфея и Кришны миновало безвозвратно; пред человечеством лежит задача создать новый синтез, еще более великий и грандиозный, чем все бывшие ранее. Исполнение этого и есть миссия грядущих тысячелетий. Наша же задача должна сводиться к тому, чтобы приуготовлять это великое дело, а потому, не разрывая связи с прошлым, мы должны предлагать его в наши условия, в наше мышление и, при свете древнего синтетического учения, собирать воедино те данные, которые дает нам наша наука, наш опыт и наши переживания.

К сожалению глубокому, громадное число мистиков этого не понимало; они цеплялись за букву древней науки, пытаясь воскресить минувшее в тех формах, которые волею судеб погибли безвозвратно. Они не давали себе отчета в том, что разрушение древних цивилизаций и полное уничтожение всего того, что ими было добыто, естественно, должны иметь свое основание, которое и заключается в том, что одна страница мировой истории кончилась и начинается другая. Древний мир сделал свое дело, выполнил положенную ему миссию вполне, а потому должен был отойти, чтобы дать возможность нам, его потомкам и преемникам, выполнять нашу работу, не стесняя нашу свободу и не противореча нашим стремлениям. Сознав это, вместо горечи о минувшем мы будем черпать из него лишь силу великую, ибо то, что могли выполнить одни, могут выполнить и другие. Связь с древностью должна быть велика у всякого ищущего Истину, но она должна проистекать не из привязанности к блеску формы ее, а из истинного великолепия ее сущности.

«Евангельская система — не катехизис, не элементарное богословие, но высшее религиозное знание, крайняя вершина религиозного мышления, последняя ступень богословского созерцания. Евангельское учение о Боге примыкает к тем верованиям еврейской религии, которые, вместе с тем, оказываются последним религиозным словом общечеловеческого разума, последним пределом доступного человеку в его исканиях Божественной Истины».

Проф. М. Тареев.

«Таким образом, наши религиозные обряды древни как мир, наши празднества походят на таковые наших отцов, и Спаситель христиан не пришел для того, чтобы изменить символическую и религиозную красоту древнего Посвящения; Он пришел, как Он Сам сказал по поводу запретительного закона евреев, для того, чтобы все совершить и все исполнить».

Элифас Леви.

Начало христианской эры и есть великий момент разрыва с прошлым. С распространением христианства связь с древним миром и его культурой повсюду стала падать, и чем больше отдельные люди стремились остановить этот разрыв, тем скорее он совершался. Задумав воссоздать величие древней науки, Птолеми собрали в единое хранилище все, что оставалось разбросанным по всему свету, и все это одним ударом судьбы было обращено в прах; не будь их, быть может, многие манускрипты сохранились бы и поныне, теперь же все для нас погибло безвозвратно. Все дальнейшие попытки в этом направлении также, всегда и неизменно, приводили к обратному результату: Марк Аврелий и Юлиан лишь ускорили гибель древности, вызвав реакцию; равно погибли и все мистические школы, которые стремились на христианской почве сохранить остатки знаний древних святилищ.

«Юлиан не был язычником, — это был гностик, привязанный к аллегориям греческого пантеизма, и его несчастье заключалось в том, что он находил имя Иисуса Христа менее звучным, чем имя Орфея».

Элифас Леви.

Многие из гностических идей были глубоки и сильны, но они были лишь перепевами древних мистерий, а потому и должны были погибнуть, чтобы дать дорогу новому. Это новое было грозно, ужасно и отрадно, но вся последующая история человечества была школой для масс, и мрачные темницы и костры средневековья закаляли дух избранных и были истинным чистилищем его. Вся современная техническая культура не могла бы вовсе развиваться, если бы живы были вполне предания о древности минувшей. Люди не могли бы обратить все силы свои исключительно на знания земли, ибо дух их всегда и неизменно тяготеет к вечности, и удерживать его, в этом стремлении может лишь *лютый закон*. Человек должен сначала познать себя во всей полноте, должен все выполнить здесь, и только после этого может начать стремиться ввысь; не имея опоры внизу, он не в силах подняться в заоблачные вершины и неминуемо повиснет между небом и землей, подобно гробу Магомета.

«Когда бы все так чувствовали силу
Гармонии! Но нет, тогда б не мог

И мир существовать; никто б не стал
Заботиться о нуждах низкой жизни —
Все предались бы вольному искусству!».

Пушкин.

Но, несмотря на внешний разрыв с древним миром, дух его неисповедимыми путями управлял все время жизнью европейских народов. Таинственные иерофанты и учителя сказочной Индии своим гением через толпу веков продолжают светить людям. Всегда и вечно, всякий алчущий и жаждущий Правды невольно обращал взор свой к долине Нила и снежным вершинам Гималаев, и теплый живительный луч снисходил в его мятежную душу. Затерянный среди чуждых ему людей, среди треска аутодафе или грохота Нью-Йорка, он чувствовал себя связанным узами неразрывными со святыми странами Озириса и Брахмы; он сознавал, что он не один, что, чем больше он отходит от века сего, тем более он приближается к Миру Истинной Жизни и Правды Нетленной. Почуввав отзвук в душе своей, такой человек с радостью убеждался, что заветы древних мыслителей и вещи их словеса живут, не погибли они, и время их не коснулось. Символы древнего мира почти все сохранились до наших дней, и тот, кто умеет читать их, тем самым создает себе связь неразрывную с миром отшедшим.

«Моим читателям достаточно знать, что в некоторых областях Гималаев, среди 22 храмов, изображающих 22 Аркана Гермеса и 22 буквы некоторых священных алфавитов, Агарт-ха составляет мистический Нуль, «Ненаходимое».

А. Сент-Ив д'Альвейдр.

«Все религии, разделяя между собой Единый Свет и освещая одна другую, рождают в нашем духе надежду и покой!».

Jean Reynaud.

Египет и Индия — заветная цель исканий служителей Истины на пути стольких веков, вновь встают пред нашими взорами и к нам приближаются. Наступает время нового великого перелома мировой истории и, кто знает, быть может некоторые из нас и доживут до него. Новые мистические учения возродили всеобщий интерес к древности, и семя, посеянное Рамакришной и Еленой Петровной Блаватской готовится в недалеком будущем дать свой плод. Близится час, когда древняя наука возродится под новым небом, — с новой, еще невиданной мощью.

«Придет время, когда потомки наши будут удивляться, что мы не знали того, что так ясно».

Сенека.

Через тьму веков, как и древней стране Кеми и долине Пенджаба, светит нам Памятник давно минувшего. И как гордая страна Ра и пирамид получила этот великий дар в наследство от выходцев с Посейдона,^[44] последнего остатка волшебной Атлантиды, так и мы чрез сотни веков приемлем этот дивный светоч мудрости из той же древней страны Златовратого Града. Жалкие потомки великой Атлантиды, вечно мятущиеся и ничего не могущие найти, гонимые отовсюду, всеми презираемые и всех заставляющие трепетать своей песнью, тоскующие о покое, но не

ведаящие его в жизни своей, цыгане, сохранили в среде своей этот великий Памятник родины Элаквиота Муретара, в виде колоды игральных карт, карт гадальных...

«Существует еще и другая книга, но несмотря на то, что она в некотором отношении весьма популярна и что ее можно повсюду найти, она остается самой таинственной и самой неведомой из всех, потому что она содержит в себе ключ ко всем другим; она обнаружена, но остается народу неизвестной, никто не задумывается искать ее там, где она есть, и, в то же время, всякий потерял бы тысячу раз свое время, ища ее там, где ее нет, если бы он заподозрил ее существование. Эта книга, более древняя, может быть, чем Книга Еноха, никогда не была переведена, она еще целиком написана первобытными знаками, подобно табличкам древних».

Элифас Леви.

Тысячелетия назад этот великий Памятник был запечатлен в символах, вырезанных на камне в нишах, разделенных колонами, в галерее Арканов, где неофит проходил свое посвящение и которая, по преданию, и поныне существует в неприкосновенном виде своем среди пути меж Сфинксом и великой пирамидой Гизе. Река времен, в своем течении, снесла высеченное из гранита и порфира великолепие края фараонов. Все погибло, но знание его мудрецов пережило его, и вот теперь бессмертные символы восстают пред взором нашим в виде орудия забавы людской?! Истинное величие не нуждается в блеске мишурном; порфиры превратились в пыль, — вещи образы мудрости сохранились нерушимо и даже в этом жалком виде своем они еще более велики бесконечно!

Цель настоящего труда — это восстановление древнего как мир синтетического знания, Священной Герметической Науки. Излагая верховное учение, я, вместе с тем, немногими штрихами очерчивал его отдельные доктрины, его отдельные звенья. Ставя синтез своей главной задачей, я не мог в то же время изложить эти доктрины хоть сколько-нибудь исчерпывающим образом, вывести из них следствия, доказать отдельные положения; я ограничился лишь иллюстрациями — ссылками на аналогичные мысли различных людей, различных эпох и различных народов; в своей совокупности они и выявляют основную доктрину моего труда, — незыблемость и непреложность истины на пути веков, а потому и ее абсолютность.

Долгом своим почитаю выразить глубочайшую благодарность двум неоценимым друзьям моим: Николаю Сергеевичу Мусатову и инженеру путей сообщения Владимиру Ивановичу Жданову. Первый из них, своим пламенеющим духом вырвав меня из бездны, показал мне путь и заложил первый камень настоящего труда; второй — в продолжении ряда лет разделял со мной все радости и невзгоды искателя Правды, и лишь благодаря его самоотверженному служению нашему общему делу я довел его до конца.

Владимир ШМАКОВ.

«Curavi actiones humanas, non ridere, non ludere, neque detestare, sed — intelligere».

Spinosa.

ВВЕДЕНИЕ

о вечной истине и верховном синтетическом учении системы арканов

«Приветствую смелых исследователей и глубоких мыслителей, которые, прилагая к гиперфизическому миру способы позитивной науки, утвердили несокрушимое основание синтетического памятника человеческих знаний и положили первый камень Величественного Храма, где будет праздноваться — и час этот близок! — торжественное примирение враждующих сестер, Науки и Веры!».

Станислав де Гуайта..

«Вера и знание суть два орудия, которыми располагает человек, чтобы воспринять Истину; они служат ему как две ноги, с помощью которых он доходит до цели, как два крыла, на которых он взлетает к свету».

Лагуриа.

«Премудрость подвижнее всякого движения и по чистоте своей сквозь все проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое излияние славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть чистый отблеск вечного света и чистое зеркало действия Божия и образ благости Его. Она — одна, но может все и, пребывая в самой себе, все обновляет...»

Книга Премудрости Соломона, 7:24–27.

«Все идеи истинны поскольку они связаны с Богом».

Спиноза.

I. О видах человеческого познания

Бытие в продлении есть Верховная Трансцендентальная Реальность; Оно является Первичной Субстанцией и определяет Собой Всеобщие Основные Начала: в Своей конечной трансцендентальной абстрактности Оно является Природой Идеи Божества, в Своей конечной дифференцированной утвержденности Оно определяет природу космоса как в совокупной обобщенности, так и в его дифференцированной тварности. Бытие как таковое в Своей Трансцендентальной Сущности определяет первую Ипостась Субстанциональной Реальности; второй Ипостасью является присущее этому Бытию Трансцендентальное Сознание; Бытие и Его Сознание неотъемлемы друг от друга взаимностью утверждения, ибо Сознание есть внутренняя Природа Бытия, а Бытие есть Природа Сознания. Мир дифференцированного бытия определяется в противовес Абсолютному Миру как поле различной напряженности Сознания, благодаря чему Общее Космическое Сознание имеет Природу Тварную в противовес Интегральному Сознанию Трансцендентального Абсолютного Мира.^[50] Человек как средоточие Космического Сознания в наивысшей степени по сравнению с окружающей средой определяет сущность своего существования формулой: «*Homo sapiens*», обобщая, таким образом, обе Ипостаси Бытия в третью, представляющую собой прообраз третьей Ипостаси Утверждающего, Утверждаемого и Утвержденного Бытия.

Homo sapiens, утверждающий себя как единичный фокус Бытия в присутствии ему потенциально единичном сознании, обладает даром индивидуального ощущения, выливающимся по отношению к собственной субстанциональности в самоощущение, т. е. потенциальную модификацию сознания, но способную претвориться в кинетическую при наличии относительного движения в недрах сознания; это последнее, будучи его *modus vivendi*, в свою очередь, само является присущей ему категорией. Рассматривая факт относительного движения, мы видим, что оно одновременно является внешним проявлением субстанциональной сущности и, в то же время, само своей собственной силой объективирует в этой сущности присущий ему аспект и тем порождает соответствующую категорию бытия и модус сознания. Последнее выражается формулой: «человек творит внешнюю среду и сам есть ее творение».^[51] Относительное движение есть не что иное, как внутренняя взаимная переориентировка отдельных единичных модусов сознания через расчленение Интегрального Сознания и последовательное отождествление Целого с отдельными своими аспектами. Потенциальное Бытие есть внутреннее относительное движение при отсутствии протяжения по времени и наличию, следовательно, одновременности самосознания в Целом и в частях. Проявленное Бытие рождается с рождением времени и отождествления Целого с частью;^[52] Самосознание Целого в аспекте есть, очевидно, расчленение единичного сознания со своим Интегральным Синтезом. В силу этого, Проявленное Бытие есть сознание в большей или меньшей совокупности единичных аспектов; эти последние лежат одновременно в синтезе и среде, но забвение сознанием синтеза приводит его к ощущению, что оно живет только в среде. Изложенное выражается формулой; «человек на земле сознает среду как реальность и имеет представление о Синтезе лишь как *a priori* необходимом Начале».

«Абсолютная Истина на плане материальном является как нереальность, но эта нереальность есть единственная реальная вещь»,

Томас Генри Бургон.

Живя в мире как среде и лишь *a priori* памятуя о своем *синтезе*, человек расчленяет свое сознание на две модификации: *чувствование* (*sensibilité*) и *разум*: При помощи первой его активное сознание, т. е. совокупность уже утвержденных аспектов, воспринимает данные из среды и Интегрального Синтеза, а при помощи второй он квалифицирует и классифицирует их, после чего они становятся аспектами конечного доступного ему синтеза (по закону пирамиды). Назначение чувствительности — восприятие данных *анализа*, разума — *синтез* этих данностей. Когда чувствительность воспринимает из среды, она дает *ощущения*, когда же черпает из Интегрального Синтеза, то дает *восприятия*. Разум объективирует данные чувствительности и утверждает их; утвержденное единичное ощущение есть *представление*; цель представлений в закономерной последовательности есть *мысль*. Мысль есть внешняя форма метафизического направления сознания, т. е. совокупности некоторого количества утвержденных модусов сознания, связанных единством некоторого частного центра, через который эти аспекты проходят; этот частный центр, конкретная потенциальная реальность, выливающаяся в кинетическую мысль, есть *идея*. Идея, в силу своей собственной природы, утверждает конкретную последовательность и виды единичных модусов ее познающего сознания; эта последовательность есть *закон идеи*. Таким образом, закон по отношению к идее играет роль вполне аналогичную той, которую выполняет сознание по отношению к бытию. Идея, познаваемая последовательным рядом единичных состояний сознания, представляет собой как бы тело некоторой высшей конституции, доступное более синтетическому сознанию, в каком эта идея и выливается в *стационарный* конечный синтез идеи и ее закона, содержащий в себе всю цепь конкретных выражений, ее последовательность и закономерность; этот стационарный синтез есть *принцип*.

«Философия есть наука принципов и первопричин».

Аристотель.

«Философия есть наука принципов, т. е. всего того, что есть наиболее возвышенного во всех науках».

Декарт.

Основным признаком принципа является *нуменальность его природы*: принцип сам по себе, в своей собственной сущности, лежит за пределами цепи причин и следствий; он является самодовлеющей субстанцией, частной реальностью, которая не может быть не из чего выведена, которая сама по себе имеет бытие, частичный аспект Космического Бытия. Всякий принцип порождает следствия силой своей собственной мощи, облекается идеей как низшим аналогом, гармонирующим с феноменальной природой временных и последовательно-причинных протяжений, утверждает закон идеи — внешнюю манифестацию своей закономерности, как вполне независимая реальность. Если два принципа гармонируют между собой, т. е. если в системах их феноменальных следствий есть общие места, иначе говоря, если две или несколько осей аналогии их инволютивных систем пересекаются между собой, то все равно, по общему принципу кинематики,^[54] утверждение каждого из принципов происходит так, как если бы он был единственным действующим фактом во вселенной. Единичный принцип есть единичная истина, т. е. относительная вообще, но абсолютная для данной концепции феноменальных факторов. Изложенное резюмируется формулой: «Все принципы имеют нуменальную природу и являются единичными субстанциональными деятелями вселенной, аспектами Конечной

Интегральной Реальности».

Разделение объектов сознания по степени синтеза мы встречаем ясно выраженным у Saint-Yves d'Alveydre в его книге «Mission des Juifs»,^[55] где он приводит следующую схему, причем его «законы» соответствуют нашим «идеям + законы»:

Количество принципов, вообще говоря, *бесконечно*, ибо Единая Реальность может созерцать Себя в бесконечном количестве Своих аспектов. *Порядком принципа я называю степень его синтетичности*; если принцип касается формальной стороны явлений, или если его влияние проявляется лишь в некотором узко ограниченном относительном мире, то он является *частным*; если же он касается внутренней природы явлений и ее трансформаций и, в силу этого, он тем самым проникает отдельные феноменальные разграничения, то этот принцип становится *общим*. Стремясь к Абсолютному Синтезу, испытующий дух человеческий ориентирует свое самосознание как конечный синтетический результат всех сознанных и утвержденных дифференциальных данных. Будучи по истинной природе своей *Абсолютными*, но оторванный от своей сущности и сознающий себя лишь как проекцию Абсолютного в относительное, человек, всегда и неизменно, воспринимает не феномены явлений, как они манифестируются в среде, и нуменальные принципы в их завершенной целостности, а лишь их *проекции* в относительный мир человека. При этом проектировании происходит искажение по двум координатам: *по порядку синтеза и по индивидуальности*. Первое искажение происходит от несовершенства развития человека, вследствие которого он все лежащее выше доступного ему синтеза проектирует в последний, благодаря чему не только искажается группировка элементов синтеза, но и некоторая часть их вовсе ускользает. Второе искажение выливается в расцветивание человеком как отдельных элементов синтеза, так и всей их совокупности согласно своей индивидуальности.

Различность восприятий феноменов, представляющих собой факторы определенной среды и потому вполне реальных в аспекте этой среды, у которой цепь причин и следствий и сама формальная сторона явлений связаны строгой закономерностью, и индивидуальность, претворения в свое существо нуменов, реальных по принципу, утверждают *дилемму абсолютного и относительного*. Человек своим сознанием всегда живет в относительном мире, навеки сковывающим определенной гранью все возможности и, в силу этого, с первого взгляда представляется, что титул «Абсолютное», как *ignotum*, является чистой абстракцией. Тем не менее, этот вывод сам по себе относителен и является лишь кажущейся истиной. — Человек как микрокосм заключает в себе оба элемента: абсолютный и относительный; он существует сам по себе своей собственной субстанциональной мощью, но, в то же время он есть часть Всеобщего Целого; человек как аспект Реальности по своей истинной природе абсолютен, и его относительность рождается с того момента, когда свойственное этому аспекту сознание через изменение своей глубины — понижение порядка синтеза — входит в присущий ему потенциально относительный мир, через что и наступает разрыв с Целым. Если удел человека есть жизнь в относительном мире, если оковы его в принципе не могут быть разрушены до тех пор, пока сознание не поднимется и не воссоединится вновь с аспектом Реальности, — Атманом, то, тем не менее, *человек всегда сохраняет с Абсолютным потенциальную связь*, вот почему он всегда и неизменно ощущает Абсолютное, и это чувство растет непрерывно в гармонии с его собственной эволюцией.

«Человек как микрокосм обладает интуитивной памятью о Реальности. Вдохновение, проявляющееся словом, выражает Истину».

Джордано Бруно.

«Диалектика, как Цирцея, дочь солнца, обладает магической силой в таинственной своей связи с памятью о Реальности — Мнемозиной».

Джордано Бруно.

«Нам не дано познать Сущности Зиждителя, но мы можем петь Его Божественность».

Саади.

«Мудрые знают Принципы, называемые Истиной (или Реальностью), Науку, которая не построена на двойственности; этот Принцип называется одними Брахмой, другими Параматманом (Верховный Дух), третьими же Бхагаваном».

Бхагавата пурана.

Внутреннее бессознательное, но ясно чувствуемое ощущение абсолютности своей внутренней первоосновы выливается вполне осязаемым образом в *присущее каждому человеку сознание направления к Вечному и Абсолютному*. Тот, кто много мыслил, кто устремлял взор свой вглубь вещей, всегда вырабатывает, вернее, реализирует это шестое чувство, которое я называю чувством синтеза.^[60] Полярной противоположностью ему является чувство сектантства, которое само по себе нереально и есть лишь *дальтонизм сознания*, неумение, неразвитость. Чувство синтеза, или чувство реальности, есть воистину венец всех других форм восприятий, ибо оно есть *чувство сущности*, а не формальной стороны явлений. Каждое восприятие, получаемое человеческим сознанием извне, имеет два элемента: абсолютный и относительный; подымая порядок сознания, человек последовательно отбрасывает одни относительные элементы за другими до некоторого свойственного данному индивидууму предела. После этого приступает к исполнению своего долга чувство синтеза, и, с помощью его, человек окончательно намечает в своем сознании грани внутреннего ядра, лежащего за пределами относительного. *Это конечное ядро восприятия определяется двумя категориями: с одной стороны оно безлично, а с другой сверхлично*. Как та, так и другая одинаково лежат за пределами относительного мира; но по отношению друг к другу они являются полярными противоположностями; даже более того — самая степень их антагонизма является показателем совершенства выявления этого внутреннего ядра. *Безличность* есть отсутствие вмешательства какой-либо индивидуальной силы, она есть первый признак *среды*, т. е. первичной сущности тварной космической реальности; тварность реальности по принципу иллюзорна, но для сознания, оторванного от Верховного Синтеза, представляется реальностью. *Сверхличность* есть наличие исчерпывающей совокупности индивидуальных расчленностей и является первой категорией Абсолютной Реальности. Изложенное резюмируется формулой: «Абсолют и иллюзия среды суть противоположные полюсы сущности каждого фактора природы».

Таким образом, хотя Абсолютное в своей чистоте человеку и недоступно, ему, тем не менее, присуща способность определять степень отдаленности всякого данного фактора от его абсолютного прототипа. Если пред человеком лежит Неведомое, Недоступное, но он знает к Нему путь и может контролировать всякое к Нему приближение или отклонение, то он всегда располагает возможностью *a priori* выявить ряд отдельных элементов этого Неведомого в зависимости от степени своего развития; иначе говоря, — хотя Абсолютное *a posteriori* человеку недоступно, тем не менее, на основании анализа относительного он уже может выявить столько категорий этого Абсолютного, сколько их сможет воспринять его сознание.

«За всеми переменчивыми явлениями феноменальной вселенной скрывается Нечто Реальное, на лицевой поверхности Которого происходит постоянная игра материи, силы и жизни, подобно тому как рябь и волны играют на поверхности океана, или — как облака пробегают по лазури неба».

Йог Рамачарака.

«Субстанция — это то, что кроется под всеми внешними проявлениями; это то, от чего зависят все свойства каждого предмета, что составляет всю его сущность; это природа вещей, действительная, живая сущность».

Вебстер.

«Божеская Премудрость останется навсегда для нас свойством Непостижимым, если мы станем рассматривать Ее в Собственной Ее Натуре, но чрез сравнение мы получаем о Ней некоторое познание, которое и будет верно, если мы от сего понятия будем отделять все человеческое и несовершенное».

Эккартсгаузен.

Относительное имеет следующие основные категории, различность степени напряженности которых есть мерило отдаленности этого относительного от Абсолютного:

1) *Форма* — есть первая категория относительного; оно всегда ограничено, имеет раз навсегда определенные качества, отмежевано от всего внешнего, действует за свой страх и риск.

2) *Сознательное неведение* — есть вторая категория относительного, всякое обобщение здесь осуществляется через игнорирование вторых причин и следствий и пренебрежение обертонами.

3) *Угол зрения* — есть третья категория относительного; оно осуществляет обобщение в зависимости от последовательности порядка и перспективы действия входящих факторов. Всякое относительное обобщение *implicite* включает в себе элемент случайности.

4) *Оценка, предпочтение, выбор, неполнота, ошибочность* — вместе представляют собой четвертую категорию относительного; она является следствием первых трех категорий, но со своей стороны вводит еще элемент узкой субъективности обобщения, способности заблуждения или простого невежества.

5) *Конкретность, недвижность, отсутствие способности самостоятельного развития, метафизического творчества и размножения* — вместе составляют пятую категорию относительного. Относительное не имеет дара жизненности; оно существует, вампирически заимствуя силу из какого-либо нуменального источника, и если способно влиять, то лишь как слепая сила, действующая всегда в одном и том же направлении, согласно первоначальному импульсу, вызвавшему ее к бытию.

Абсолютное не ограничивается ни одной из этих категорий, Оно Само по Себе их содержит в состоянии возможностей, реализующих тогда, когда Оно захочет сознать Себя относительным. Его природа, вообще говоря, определяется отрицанием каких бы то ни было категорий, а потому человек тем выше начинает понимать Абсолютное, чем синтетичнее он выявит категории относительного и, обратив их к Абсолютному, их отвергнет. Абсолютное Само по Себе невыразимо, ибо Оно первее всего, и именно вследствие этого Оно не нуждается ни в каком выражении, так как идея Абсолютного близка сердцу каждого человека.

На пути всей истории человек всегда стремится к Вечному и Абсолютному, и чем сильнее он чувствовал относительность всего, тем более интенсивно он начинал жаждать Абсолютного. Все философские и религиозные системы представляют собой попытки достижения конечного идеала — анализа Первопричины; учение о Трансцендентальном, само по себе, есть признание ограниченности познавательных способностей человека и ясное сознание того, что Причинная Природа лежит по ту сторону объективного разума. Стремясь к познанию Первопричины, человек стал пользоваться двумя методами: дедуктивным и индуктивным. Основываясь исключительно на *эмпирическом опыте* и с помощью логики обобщая данные в единичные частные относительные синтезы, человек силой вещей не мог выйти за пределы относительного, ибо все его построения оставались замкнутыми в сфере его субъективного существа и мировоззрения. Основываясь исключительно на *интуитивном опыте*, человек воспринимает данные в столь сильно индивидуальном освещении, что они остаются совершенно непонятными для других людей, да, кроме того, и сам человек, в огромном большинстве случаев, оказывается не в силах претворить данные интуиции в разум. В первом случае, при восприятии снизу, из среды, человеческие обобщения *всегда конечны* по принципу; они никогда *de jure* не могут подняться выше присущего ему сознания и являются, в сущности, *опорами* его сознания по отношению к среде. Во втором случае, при восприятии сверху, из Интегрального Синтеза, человеческие выводы *могут быть абсолютны*, ибо таковыми — они *de jure* являются в своей истинной природе, но, окрашиваясь субъективными тональностями, они *de facto* становятся относительными. Таким образом, к Абсолютному *a priori* ведет только один путь, и этот путь есть интуиция.

«Путем объективного познания нельзя выйти за пределы представления, т. е. явления. Таким образом, мы всегда будем стоять перед внешней стороной предметов»... «Но в противовес этой истине выдвигается другая — именно та, что мы не только познающие субъекты, но, вместе с тем, и сами принадлежим к познаваемым существам, — что мы и сами вещь в себе... Для нас открыта дорога изнутри — как какой-то подземный ход, как какое-то таинственное сообщение, которое — почти путем измены — сразу вводит нас в крепость, — ту крепость, захватить которую путем внешнего нападения было невозможно... В силу этого, *мы должны стараться понять природу из себя самих, а не себя самих из природы*».

Шопенгауэр.

«Философия — есть лишь сознательное и обдуманное возвращение к данным интуиции».

Проф. Бергсон.

«Истинный служитель Изиды есть тот, кто правильно восприяв учение о Божественных вещах, его подвергнет анализу разума и проникнет духом в те истины, которые оно содержит».

Плутарх.

Интуиция есть свойство, присущее всем людям, она стоит в ряду других средств восприятия и познания, но по природе своей имеет первенствующее значение, является среди них *prima inter pares*.^[63] Интуиция всегда *субъективна*; более того, это есть самая субъективная из всех

восприимательных способностей человека, но это последнее свойство есть единственная категория, утверждающая ее относительность. Субъективизм интуиции сводится целиком к расцвечиванию, окрашиванию получаемых ею данных, на эти данные, как непосредственные эманации Синтеза, по своей собственной природе вполне абсолютны. По мере совершенствования человека идет развитие *чувства синтеза*, и с помощью его человек начинает корректировать данные интуиции, делая их все более и более независимыми от собственной личности. Конечное развитие соединенных вместе интуиции и чувства синтеза выливается в *Откровение*, высшую познавательную способность, в своем целом присущую только самому *чистому духу*. Данные Откровения всегда *сверхличны*, т. е. одинаково гармонируют со всякой индивидуальностью; познаваемые в своей чистой природе лишь сознанием духа, они облекаются в форму высшей земной индивидуальности, они соответствуют целой эре всемирной истории и целому семейству народов; последнее резюмируется формулой: «Откровение есть интуиция расы».

«Бег звезд и молний уносил меня, а ветер давал крылья, и я стремился к Нему — пока не прибыл к стене из хрусталя, окруженной пламенем. Минув Божественный Огонь, я приблизился к дворцу, в свою очередь хрустальному... Его кровля представлялась как бы путями звезд и молний; повсюду — херувимы и пламя всех цветов; небеса жидкие и сверкающие... И вот, среди непостижимой, таинственной глубины, появился трон, как бы созданный из снегов; он был окружен звездами и песнопениями херувимов; одеяние Того, Кто недосыгаем в великолепии, сияло ярче солнца, блистало чище снега... И он сказал мне: «Подойди, Енох, приблизься к Моему Святому Глаголу...»

Книга Еноха.

Каждое Откровение раскрывает целостный аспект Абсолютной Истины; его ядром является Доктрина Абсолютная по природе и исчерпывающая истину свойственную данной расе, данному циклу истории. Совокупность этих Доктрин есть Верховное Абсолютное Учение о Истине Вечной. Поколения Исполинов мысли собрали воедино эти Доктрины и неведомый нам Величайший Гений мира обобщил их в стройную систему, Великое Герметическое Учение, скрывавшееся на пути бесчисленных веков от толпы и дошедшее до нас в ореолах мифов под именем Священной Книги Тота, Великих Арканов Таро. Это величайшее наследие минувших веков, живой показатель того, что в пучине прошлого, в седой древности человечества, были достигнуты такие вершины Истины, о которых мы и подозревать не смеем, скрыто густым покровом эзотеризма. Книга Тота есть собрание символов, и достаточно однажды устремить свой умственный взор в их сущность, чтобы сразу почувствовать их великую ценность.

«Действительно, это исключительное и грандиозное произведение, простое и мощное, как архитектура пирамид, а следовательно, и столь же устойчивое; книга, резюмирующая все науки, бесконечные комбинации которой могут решить все проблемы, книга, которая говорит, заставляя мыслить, вдохновительница и руководитель всех возможных умственных заключений, быть может высшее произведение человеческого духа и несомненно самое прекрасное из всего оставленного нам древностью».

Элифас Леви.

«Вот Книга, где раскрыт Верховный Закон, освобожденный от всех иллюзий, честных мужей, победивших желания; Книга, в которой раскрыта Сущность, Которая должна быть познана как Истина Суцая, Которая дает дар воспринять Красоту совершенную и уничтожает три вида страдания».

Бхагавата пурана.

Прежде, чем приступить к анализу, доктрин Арканов, скажем несколько слов о символике вообще, ее назначении и различных ее степенях.

II. Аркан как высшее проявление символизма

«Символ — не есть ли он всегда, для того кто умеет его читать, более или менее ясное раскрытие того, что является Божественным?».

Карлейль.

Каждый человек в самом существе своем так отличен от других людей, что всякое его восприятие, всякое представление носит свой особенный, одному ему присущий характер. Уже с незапамятных времен людям известно, что все представления их относительны, что мир познается человеком лишь в его собственном условном, индивидуальном освещении, что ни одна реальность как таковая не может дойти до его сознания. Первым проблеском деятельности сознания человека является возникновение представления о *числе*, т. е. о наличии в мире однородных факторов. Чувствование стройности, гармоничности и закономерности среди множественности явлений природы выливается постепенно в объектирование ряда отдельных комплексов понятий и представлений, которые, не выходя еще из среды общего сознания, уже намечают будущее русло активной его деятельности, становятся прототипами дальнейших конкретных утверждений. С развитием человека каждый из этих комплексов из более или менее случайной группировки элементов претворяется в нечто целое, выявляет свой результирующий девиз, сам по себе становится сознательной единицей существа человека в виде вполне определенного понятия — символа целостной совокупности его составляющих тональностей. При возникновении общения между людьми, при появлении разговорного языка, эти символы начинают терять свою обособленность, свой чисто индивидуальный характер, но, однако, еще продолжают оставаться лишь условно принятыми обозначениями тех или иных факторов природы. При дальнейшей эволюции человека, расширении его сознания и увеличении числа его переживаний, у него возникают, наконец, и понятия *отвлеченные*. Каждое слово, выражающее то или иное состояние душевное, является символом уже в полном значении этого слова. Символ есть комплекс человеческих представлений, взятых в наиболее чистой форме, т. е. с наименьшей примесью влияний от внележащих факторов, выраженный в виде слова, числа или в форм красочных или звуковых сочетаний. Под *символизмом* я подразумеваю не самое внешнее проявление внутреннего символа, запечатленное тем или иным образом, а самую *идею* того, что некоторая система человеческих представлений, взятых в причинной последовательности, выражается в некотором общем девизе»^[67] активно и динамически действующем на каждого человека с ним встречающегося. Символ как таковой сам по себе, в силу своей собственной конституции, вызывает в сознании встретившегося с ним человека ту самую систему представлений и в той же последовательности, каковая вложена была его автором, но, вместе с тем, каждый человек воспринимает символ в тональностях, ему свойственных; он окрашивает его так или иначе, воспринимает в тех или иных дифференциальных частностях, но, тем не менее, сущность символа остается перманентной для всех людей, которые с ним встречаются. Таким образом, язык символов есть истинный всемирный, всечеловеческий язык, одинаково справедливый для всех времен и всех народов. При помощи его человек получает возможность запечатлеть свои идеи и мысли так, что они, нерушимо сохраняясь, переживут его и сообщат каждому встретившемуся с ними человеку те же мысли по существу, что были у него самого, но примененные к технике мышления и степени развития каждого из его читателей. Итак, символ есть одновременно наиболее совершенно недвижимая форма запечатления мысли и наиболее

совершенно эластичный метод применения их к познанию различных людей.

«Эмблема лишь обобщает совокупность мыслей, не являющуюся символом, который надлежит скорей понимать как посредник, помогающий уяснить единую определенную идею».

Keneth Mackenzie.

Слово, выражающее эмоцию человеческой души, есть символ в его классическом случае; каждый отдельный человек эту эмоцию переживает различным образом и в различной степени, но, тем не менее, она продолжает оставаться в своем существе совершенно определенной, т. е. она подчиняется общему принципу: символ воспринимается различными людьми с различной глубиной и с различными оттенками, но в существе своем он остается понятием перманентным. Человеческая речь, сама по себе, есть могучее подспорье человеку, ибо при помощи слов-символов он имеет возможность передавать другим людям свои мысли и переживания. Когда человек живет в обыденной жизни и наблюдает лишь простейшие формы, его речь является для него вполне совершенным способом передачи своих мыслей. Переходя в область отвлеченного мышления, человек сразу начинает чувствовать несовершенство своей речи; чем выше и общее понятие, тем более трудно выражается оно словами. Правда, с увеличением числа понятий увеличивается и число слов, так как каждый язык есть зеркало создавшего его народа, запечатлевающее автоматически всю его эволюцию,^[69] но, тем не менее, введение новых терминов не может решить задачу. Действительно, каждое новое слово должно быть пояснено с помощью других уже известных; в силу этого оно, с одной стороны, может обобщить в себе хотя и в новой группировке, но все же лишь ранее известные и утвержденные элементы, а с другой — несмотря ни на какие пояснения оно всегда будет восприниматься разными людьми различно согласно конкретным свойствам их индивидуальностей. В самом деле, начиная с детских лет, каждый человек, узнавая новое слово, связывает с ним те или иные переживания в мире чувств или в мире разума; на пути своей дальнейшей жизни, в громадном большинстве случаев, он уже не возвращается к тому, чтобы сделать переоценку смысла своих слов, но если он это бы и сделал, все равно новые представления, связанные с ними, так или иначе, будут вытекать из свойств его индивидуальности. Отсюда явствует, что человек в принципе не способен точно передать другому свои мысли при помощи языка, ибо все слова ими различно понимаются. Каждое слово, произносимое одним человеком и воспринимаемое другим, имеет два элемента; один вполне определен, ибо он сверхличен (т. е. независим от данной личности, будучи одинаково присущ всем людям как определенная, раз навсегда условно принятая категория мышления или модус сознания, напр.: холод, жажда); другой относителен, ибо он индивидуален (т. е. представляет собой совокупность индивидуальных окрашиваний первого сверхличного элемента, а потому есть функция индивидуальности данного человека, напр.: интенсивность, характер и тональности переживаемой эмоции). Результативным выводом из всего сказанного будет то, что чем материальнее объект, о котором идет речь, тем легче один человек может понять другого; наоборот, чем более этот объект отдален от мира грубых форм, тем передача мыслей одним человеком другому затрудняется.

Углубляя свое сознание в сущность явлений, или же желая разобраться во внутренних переживаниях своей души, проследить и проанализировать ее эмоции, человек сразу убеждается, что все эти представления и чувствования состоят из столь нежных оттенков и тональностей, что обыкновенная речь уже не может их передать; здесь впервые в человеке проявляется новая способность, у него открывается дар красноречия. Под влиянием вдохновения человек создает

новое мощное орудие своему духу; неуловимые оттенки речи, тембр и высота звука непостижимым образом для разума самого оратора создают с душами слушателей иной путь общения. Но как только переживания начинают терять под собой физический мир, как только они переходят в мир дымчатых образов, грез и мечтаний, в мир непонятный уму человека, но столь близкий и ясный духу его, он убеждается, что слово не может подняться до них, не может вместить искр-эманаций его духа, а посему и не может зажечь ответное пламя в сердцах людей. И вот, инстинктивно внутренний голос заставляет его следовать закону аналогии; он начинает говорить *притчами*, т. е. пользоваться образами другого, низшего плана; здесь, по роду своего дарования, он эти притчи может облекать или в речь вдохновенного пророка, или в гармонию красок, форм или звуков; — так родилось искусство.

Совершенное произведение красоты — это застывшая песнь духа человеческого, будящая в сердцах других людей отзвук своему стремлению; эта притча, этот символ создают в душе каждого мощный порыв ввысь, вызывают в нем новые заветные стремления. Чем пламеннее порыв душевный, вложенный в этот символ, чем выше и чище побуждение его творца, чем выше его умение целиком отдаться своей идее, тем совершеннее и сама форма символа. На пути истории стремление к совершенству формы порой всецело завладевало искателями красоты, и все их стремления были направляемы именно на искательство формы; здесь дух живой уже отлетал от символа. Излишний реализм давал лишь восхищение взгляду, вызывал лишь преклонение пред талантом художника, но уже не мог заставлять трепетать дух зрителя, — индивидуальность автора, его мысли, переживания и стремления оставались не выявленными, и произведение искусства из чистого творчества, каким оно быть должно, превращалось лишь в подражание существующему, а всякое подражание, как бы совершенно оно ни было, является мертвым. Временами люди впадали в противоположную крайность; отказываясь от принятых общечеловеческих условных форм, они тем самым создавали не символы, а шифр, прочесть который уже никто, кроме них самих, не был уже в состоянии.

«Человек способен предаваться форме и оставлять идею в забвении; символы, размножаясь, теряют свою силу».

Элифас Леви.

Переходя от душевных эмоций к переживаниям духа, человек уже не в силах создавать соответствующие образы для их запечатления; он должен был прибегнуть к более совершенному способу выражения своих чувствований. Так явилось искусство, уже не связанное условностями недвижимых форм, — родилась *музыка*. Здесь впервые человек получил свободу возноситься над условностями своего интеллекта и этим раскрыл возможность высшим сторонам своего «Я» проявляться осязаемым образом и принимать активное участие в общей работе человека. Неисповедимыми путями музыкальная гармония заставляет человека забыть свою личную жизнь и возносит его дух к лицезрению вечности. Вдохновенная, истинная музыка есть пение души, которая чудными звуками вливается в чужую душу, завоевывает и поработает ее. Музыка служит спутником и выразителем мечтаний, чаяний и молений исстрадавшегося сердца; ей одной, без слов и доказательств, вверено красноречие утешения, ей свыше дана тайна духовного врачевания. Музыка не сон, но, убаюкивая слушателей, она будит в них далекие вещи сновидения, зовет их на путь высокого и прекрасного, раскрывает область чарующих, самоотверженных стремлений. Пифагорейцы знали, что музыка — математика в звуках; с такой же точностью, как математика об этом мире, говорит музыка о мирах иных.

Дух всегда и во всем ищет синтеза, но он создает его не путем скрупулезного исследования

отдельных фактов, а чувствует непосредственно взаимную связь дифференцированных деталей; он всегда стремится к тому, чтобы в одном образе или идее объединить всю массу единичных фактов, воспринятых разумом. Передовые представители рода человеческого мощью своего гения провидели в грядущем цель, к которой люди должны стремиться, и выражали этапы к ней в виде отвлеченных *идеалов*. Одновременно с утверждением цели, эти гении указывали путь и давали средства достижения; силой своего духа они направляли все усилия людей в одном определенном направлении. Установив какую-нибудь идею, они отождествляли с ней все виды стремлений, делали ее близкой по уму и по сердцу каждому человеку, сводили к ее руслу все течения духа, мысли и чувства. Весь род людской охватывался тогда тяготением в одну сторону, он не только терял все другие интересы, не только забывал все предыдущие свои искания, но и начинал отрицать в принципе возможность самого их существования, допуская противное лишь для круглого невежества или злой воли. На пути истории человечество попеременно как бы сходило с ума то на одном, то на другом увлечении, неизменно превращавшимся в манию, пока явление нового гения не разрушало одним ударом всего этого, чтобы затем вновь создать увлечение и томительную жажду к новой цели. На пути всех веков развитие рода людского, всегда и неизменно, шло под одновременным воздействием сверху и снизу: работа толпы давала гениям почву, опершись на которую, они могли отдаваться целиком синтезу и подыматься в заоблачную высь духа; откровения гениев, подобно лучу маяка, указывали толпе путь, звали и манили ее туда, где парил дух избранников; вот почему *гений есть воистину творение и творец народа*. С течением времени идеалы менялись, так как в различные времена человечество должно было идти по различным путям, но они не всегда замещались совершенно новыми, впервые являющимися на арене истории. В большинстве случаев, спустя известный срок времени, человечество опять приходило близко к тому, что уже было много веков раньше, ибо один завиток спирали эволюционного движения кончался, начинался путь по новому завитку. Вновь утвержденные идеалы, будучи аналогичны по существу с минувшими, в новом выражении своем были еще возвышеннее, еще недостижимее. Поставленные мировыми гениями идеалы обыкновенно отождествлялись с какой-нибудь высшей стороной человеческого духа. Этот естественный символ уже не являлся простой эмблемой, образом дел человеческих, простым запечатлением мысли; мощью духа создавшего его гения этому образу ниспосылался дар самостоятельного активного воздействия на все человеческие сердца. Поэтому этот образ уже перестает быть только условным обозначением, он выше неизмеримо символа в виде слова или числа, он содержит в себе новое могущественное качество — *жизненность*.

В своем стремлении к синтезу — человек приходит, наконец, к постижению Первопричины всего существующего. Уже задолго до этого разум его должен был сознаться в своей бессилии познавать в Области Трансцендентального, ибо здесь только чистый дух человека может наблюдать, изучать и претворять чрез вложенную в него способность непосредственно воспринимать — его *интуицию*. Истинный искатель не удовлетворяется одним интуитивным восприятием, он начинает жаждать спроектировать его в свой разум, но вскоре убеждается, что воспринятое через откровение не может быть выражено никаким человеческим языком; человек неминуемо должен прибегнуть к более совершенным и возвышенным символам. И вот, с того момента, когда он решается сообщить людям свои откровения, рождается *религия*. Способствуя сосредоточению, отрыву от обыденной жизни и проникновению в высшие сферы человеческого Я, обряды и церемонии, вместе с тем, в самом своем начертании и внешних проявлениях содержат в себе в синтетической форме весь путь, который должен пройти человек, отдельные этапы этого пути и частные решения; эти обряды и церемонии, или вернее то действие, которое производят они на душу человеческую, называются *таинствами*. Здесь символ воспринимает еще новое могучее свойство, он не только жизнедеятелен вообще и способен активно вызывать

те или иные вибрации, но он еще непосредственно раскрывает законы мироздания; здесь символ как бы становится *Учителем*.

Путем откровения человек способен еще дальше проникать в глубь вещей, еще больше приближаться к Божественной Сущности, Великие Посвященные своим духом воспаряли в такую высь, что они могли постигать Основные Принципы созидания миров, Неисповедимые Пути Божества, по Которым шло Его Проявление в космосе; эти Первоверховные Истины и были переданы человечеству в виде *Божественных Мистерий*. Мистерии еще выше чем таинства возносят дух человека; тут он не только уходит от обыденной жизни, не только воспаряет ввысь, но и теряет свою обособленность, сливается с космосом, чувствует себя частью Единого Целого. Мистерия есть тоже таинство, тоже символ, но уже отнесенный не к скорбному пути человека, а уже изображающий основы жизни всего мироздания во всем его великом целом. [\[71\]](#)

«Религия есть введение Божественной Жизни в человеческую душу».

Benjamin Whitcole.

Но где тот Источник, из которого Великие Учителя человечества черпали свою силу? Как бы высоко ни стояли они и сколь бы нечеловеческим гением ни обладали, они все же оставались людьми, и Божественная Сущность в Своей чистоте и для них оставалась все же недостижимо Великой. Этот Источник есть самый мир Божество Проявленное, зиждущийся на двадцать одном Божественном Принципе; эти Принципы известны людям под именем *Великих Арканов*. Аркан есть символ, безмерно превосходящий по глубине все таинства и мистерии. Его жизнедеятельность бесконечна, потому что сила, вложенная в него, не есть творение отдельного человека, это есть Сам Дух Божий; его разум и мощь суть образы Совершенства Вседержителя; законы, открываемые им, суть законы всего космоса, потому что Аркан как аспект Божества есть Само Божество. Как мистерии есть высший предел воспарения духа человеческого, так Арканы есть низший предел, до которого Божество непосредственно нисходит. В своей совокупности Арканы содержат в себе все, весь Макрокосм и всякий Микрокосм; постигнуть Арканы во всем их целом, — значит перестать быть человеком и стать Божеством. Эти Великие Символы суть вечные неисчерпаемые источники всей мудрости и являются единственными путями к восприятию Вечной Божественной Истины. Каждый Аркан, как подобие Божества и комплекс всех явлений мироздания, воспринимается человеком в виде символа различного порядка, в зависимости от степени его совершенства.

«Одинокий узник, лишенный книг, в течение нескольких лет имея одно лишь Таро, которым бы он умел пользоваться, мог бы достигнуть Вселенского Ведения, мог бы говорить обо всякой проблеме с несравнимой эрудицией и с неиссякаемым красноречием. Этот путь, вообще говоря, есть истинный ключ ораторского искусства и Великого Делания Раймонда Луллия; это есть истинная тайна претворения мрака в свет, это есть первый и самый необходимый из всех Арканов Великого Делания».

Элифас Леви.

Таким путем, человек постепенно постигает своим духом Откровения Вечной Истины, и по мере того как Бессмертные Символы оживают пред его восхищенным умственным взором, они оживляют его самого, очищают его душу, преобразуют все его существо и дают свободу бессмертной искре Божества, тлеющей в нем, приобщиться к величавому и грандиозному покою — к Царственной Жизни Мироздания.

III. О геометрических методах исследования и метафизическом пространстве

Человеческое мышление есть последовательное чередование одних умозаключений и представлений за другими и притом чередование *непрерывное*. В силу этого, *при всяком рассудочном постижении всегда входит элемент движения, а следовательно и понятие о времени*. Это последнее, хотя и может иметь переменный масштаб, изменение которого находится в функциональной зависимости от развития данного человека, объекта мышления и его сложности,^[74] но все же самое понятие о времени неизменно долженствует входить во всякий умозаключительный процесс.

Алгебраический метод исследования, т. е. переход от решения данного частного вопроса к общему анализу всех ему подобных, может, естественно, применяться не только в сфере чисто математических проблем, но и вообще при всяком исследовании, каков бы его характер ни был.^[75] Так, благодаря вложенной в самую сущность человека склонности к синтезу и обобщению, человек уже на заре культуры, при решении обыденных житейских вопросов, пришел к созданию юридического права, которое по отношению к жизни находится в отношении аналогичном алгебры к арифметике. Переход от конкретных частных к общим положениям всецело зависит от личности обобщающего, а потому, вполне естественно, общие постулаты и решения всецело находятся в области относительного. Между тем, человеческое мышление базируется на ряде основных форм умозаключений, которые, всегда и неизменно, лежат в основе всякого течения мыслей. Эти основные формы мышления и представляют из себя те соотношения, которые и должны быть прежде всего точно определены, вполне сознательно выявлены и подвергнуты тщательному анализу. К глубокому сожалению, европейская психология почти совершенно не занималась исследованием проблемы о элементарных формах мышления, которые, естественно, не могут не лежать в основе всякой истинной теории познания. Со своей стороны, позитивная философия увлеклась почти исключительно критикой разума, т. е. определением характера его природы, границ его власти и ценности заключений. Между тем, какова бы ни была ценность разума с абсолютной точки зрения, сам он, как часть природы, является также «вещью в себе» и имеет, в силу этого, вполне определенные законы, управляющие не только его эволюцией, но и обрисовывающие среди феноменальных внешних окрасок внутреннее вполне определенное нумеральное ядро. Разум рождается из чистого духа чрез утверждение некоторых первичных метафизических соотношений: бинера, тернера, кватернера и т. д. Вся дальнейшая его эволюция исключительно состоит в том, что он постепенно начинает оперировать со все более и более сложными элементами, чрез обобщение сложных групп представлений в единицы более высшего порядка.

«Тысячу раз уже было замечено, что мозг мыслящего человека не превышает по своим размерам мозг дикого немыслящего человека; между ними нет ничего похожего на ту разницу, какая существует между умственными способностями мыслителя и дикаря. Причина этого явления кроется в том, что мозг Герберта Спенсера имел немногим больше работы, чем мозг австралийца, так как Спенсер оперировал в характеризующей его умственной работе все время при посредстве знаков или выкладок, которые заменяли ему понятия, в то время как дикарь совершает всю или почти всю свою умственную работу при помощи громоздких представлений. Дикарь в

этом случае находится в положении астронома, делающего вычисления при помощи арифметики, Спенсер же — в положении астронома, оперирующего при помощи алгебры».

Д-р Р. М. Бекк.

Всякое алгебраическое представление может быть интерпретировано методом геометрическим. Этот способ исследования настолько естественно близок человеческому духу, что, как известно, даже в чистой математике анализ геометрический родился на много веков ранее анализа алгебраического.^[77] *Всякий геометрический метод имеет то преимущество, что он обладает свойством наглядности, благодаря которому человек может все время следить за верностью своих построений.* Наоборот, метод чисто алгебраический требует от человека большой способности мыслить вполне отвлеченно, что неизмеримо более трудно и является доступным лишь наиболее развитым умам.

Все наши представления о величинах и протяжениях, так или иначе, связаны с непосредственно познаваемым трехмерным пространством. При помощи отвлеченных формул математики мы хотя и можем иметь абстрактные представления о пространствах иных качественностей,^[78] как, например, пространства Лобачевского и Римана (в первом, например, кратчайшим расстоянием между двумя точками является не прямая, а кривая проектирующая в наше пространство в виде трактриссы), но для нашего разума все это остается пустым звуком. Имея дело с реальными геометрическими протяжениями, поверхностями и объемами, мы всегда мыслим их в трехмерном пространстве Эвклида. Переходя к решению отвлеченных проблем методом геометрии, мы хотя и будем пользоваться ее фигурами, но эти последние теперь будут иметь уже иной смысл и значение; здесь они представляют собой лишь пространственную интерпретацию сущности, которая сама по себе лежит в другом мире. Вследствие этого пространство, в котором эти построения нами совершаются, по самой своей природе отлично от пространства геометрического; это пространство я называю метафизическим пространством. Вполне понятно, что Эвклидовская теория для такого пространства может иметь, а может и не иметь своей силы, и, кроме того, протяжения по различным координатам в нем могут иметь различные значения и наименования.² На пути настоящего исследования мы будем широко пользоваться геометрическим методом анализа философских вопросов путем интерпретации их в метафизическом пространстве, которое мы будем наделять теми или иными свойствами для наилучшего исследования данной проблемы. Наряду с геометрическим методом мы будем также применять и чисто алгебраический способ решения отвлеченных проблем.

IV. О системе и познании Арканов

«Приветствую любовь твою к философии; радуюсь услышать, что душа твоя подняла паруса и направилась, подобно возвращающемуся Улиссу, к родным берегам к Славной, к единственно Реальной Стране, к Миру Незримой Истины.

Плотин.

Священная Книга Тота есть система Верховных Доктрин, выражающих в своей совокупности Абсолютное Герметическое Синтетическое Учение о Божественной Первопричине, Человеке и Вселенной; все, что есть, сводится к этим трем Началам, модусам Единой Реальности и объединяется в Единстве Ее Сущности. Это Учение есть совершенная форма Истины в разуме, Оно есть Ее полная проекция, законченная и исчерпывающая реализация. Чистый разум, высший манас, есть Божественная Категория, а потому ему дано воспринимать и запечатлевать отражение Истины в ее первородной девственной чистоте.

«Как лицо полностью отражается в зеркале, так в интеллекте истинного искателя полностью отражается Дух».

Atmapurana.

«Разве может относительное понять Абсолютное? Конечно, нет! Но может восчувствовать, соединяясь с Ним... Разве кусочек зеркала не отражает в себе все небо?.. Разве весь великий голос океана не распевает в глубине самой смиренной раковины, имевшей счастье (говорит легенда) выдержать, хотя бы в продолжении часа его необъятный и звучный поцелуй? Так, экстаз дает восхищенной душе возможность напитаться Бесконечным, дает когда-то присущее ей понятие Абсолюта, приносит неистощимый шепот самого Откровения, заключающего в Себе все Я, не будучи заключено ни одним. Какое упоение!.. Погружать свою индивидуальную жизнь в коллективный океан Жизни Необусловленной, или иметь возможность вдыхать силу чистого духа, — и этим питаться! Это есть последнее Посвящение, окно, открытое на необъятный Божественный Свет и Божественную Любовь, на Небесную Истину и Красоту. Снова найти путь к первобытному Эдему!»

Станислав де Гуайта.

«Подвижники, имеющие веру, имеют и дар воспарения; покоящиеся на откровении, поддерживаемые наукой и оторванностью от всякого желания, видят в глубочайших тайниках своей собственной души Начало, которое есть Дух Верховный».

Бхагавата пурана.

Разум есть одна из познавательных способностей человека, могущая достигать различных степеней совершенства и имеющая свои достоинства и недостатки; анализируя чистый разум пользуясь чувством синтеза, испытующий дух его имеет возможность составить *a priori* себе представление о его истинной чистой природе. Здесь разум претворяется в *начало тварности*

сознания, из воспринимающей способности он делается субстанциональной силой, управляющей формальной стороной жизни сознания и устанавливающей как чередование модусов этого сознания, так и его закономерность. Разум в своей высшей форме, таким образом, из орудия сознания становится самой его природой, т. е. делается категорией непосредственно присущей самому духу. В гармонии с этим, разум становится расчленяющим началом двух основных форм самосознания духа: самосознания себя, как такового, в чистоте своей однородной природы, и тварного самосознания в совокупности своих отдельных потенций, атрибутов, получивших в присущих им сознаниях иллюзорность независимого бытия. Таким образом, верховный принцип разума есть начало самоутверждения духа как первообраза, т. е., иначе говоря, вся жизнь во всем ее целом, как процесс самоутверждения духа, лежит целиком в гранях разума, представляющегося по отношению к ней конечным абсолютным Началом. Вследствие этого, всякое человеческое сознание с одной стороны связано необходимостью самоутверждения в разуме, а с другой стороны этот разум представляется по отношению к нему Абсолютом. Изложенное резюмируется формулой: «человек живет в мире разума, разумом и в разуме и может воспринимать Абсолютный Синтез не иначе как в виде Совершенного Разума».

«Dicitur haec doctrina Kabbala quod idem est secundum He-braeos ut receptio veritatis cujuslibet rei divinitus revelatae animae rationalis!.. Est igitur Kabbala habitus animae rationalis ex rectâ ratione divinarum rerum cognitivus; propter quod est de maximo etiam divino consequitivè divina scientia vocari debet».^[81]

Raymond Lulli.

«Ты спрашиваешь: как можем мы познать бесконечное? Отвечаю — не разумом. Дело разума — различать и определять; Бесконечное, поэтому, не может стоять в ряду его объектов. Бесконечное ты можешь постигнуть лишь высшей, чем разум, способностью, приходя в состояние, в котором уже ты перестаешь быть своим конечным Я, в котором тебе сообщается Божественная Сущность. Это экстаз, это освобождение твоего ума от его конечного сознания. Подобное может познать только подобное; когда ты перестанешь быть конечным, ты становишься одним с Бесконечным. Приведя твою душу к ее простейшему Я, к ее Божественной Сущности, ты осуществляешь это единение — эту тождественность».

Плотин.

В нормальном состоянии разум и сознание неотъемлемы друг от друга; все то, что человек объемлет своим сознанием, и что составляет относительный, ему одному присущий мир, — им познается в разуме, и потому этот мир носит наименование *мира интеллектуального*. Обладая чувством синтеза, человек сам утверждает свой интеллектуальный мир как частный индивидуальный аспект истинного мира, с формальной стороны являющегося комплексом индивидуальных миров, а по своей сущности зиждущегося на двух полярных Началах, сводящихся в конечном синтезе в Абсолют. Эти два Начала суть: Мир Субстанциональных Деятелей, *Мир Божественный* и внутренняя природа феноменальной картины мира, *Космическая Пассивная Среда*. Изложенное резюмируется формулой: «человек живет в мире реализующихся импульсов, но чувством синтеза достигает априорного познания полярно противоположных Начал, Субстанциональных Деятелей, лежащих один выше, а другой ниже его интеллектуального мира по порядку синтеза и в совокупности выражающих космическую

двигательную разность потенциалов, внешнее активное отражение Конечной Реальности».

Верховное Синтетическое Учение имеет своей главной доктриной Единство Абсолютной Реальности, Мировой Первопричины. Это есть верховная аксиома, первичная истина, и из этой доктрины выливается все стройное здание Герметической Науки. Единая Реальность есть Космический Дух, *Omnipotentia Naturalis*, Абсолютный, а потому Однородный; Он есть все, и есть только Он», — такова истинная природа Параматмана. Бытие этого Духа есть *Самосозерцание*, космическая игра светотеней, переориентировка бесконечных потенций в бесчисленных сочетаниях. Этот Верховный Дух раздваивает Свое Самосознание, через порождение *иллюзии тварности*, в Своей среде Он создает отдельные *волевые центры*, утверждаемые им присущими единичными индивидуальными модусами Самосознания. Эти волевые центры, оставаясь по своей истинной природе частями Единого Целого, в своих индивидуальных сознаниях теряют связь с этим Целым и начинают жить как самостоятельные субстанции второго рода. Подобно Целому, они начинают утверждать себя, создают единичные, индивидуальные меры, различно освещая своими сознаниями истинный мир утвержденное Тварное Сознание Единой Реальности.

«*Jupiter omnipotens vel quo alio nomine appellari volueris!*»^[84]

Форма призыва Юпитера в древнем Риме.

Верховное Синтетическое Учение, Священная Книга Тота, есть система доктрин, выражающих отдельные этапы последовательного хода Самоутверждения Единой Реальности, а с другой стороны раскрывающих совокупность путей, законов и принципов, по которым творческий дух человека, создавая свой собственный мир, воссоздает некогда нарушенное Единство и утверждает себя в Нем, как сознавшая себя часть в Целом.

«Личность Еноха, автора первой Священной Книги, в сущности, идентична с личностью Тота у египтян, Кадмуса у финикийцев и Паламеда — греков».

Элифас Леви.

Священная Книга Тота есть собрание 78 Арканов, которые издревле сохранились и дошли к нам в виде 78 символических изображений. Относясь одновременно ко всем областям мысли и произведений духа человеческого, Арканы уже в седой древности были запечатлены самым различным образом. Наиболее доступными познанию являются традиционные символические изображения, которые в древнем Египте были высечены на стенах храмов и с разрушением Египта пережили его, будучи изображены на монетах, папирусах и таблицах и, наконец, в причудливых символах средневековой мистики, вплоть до общеизвестного цыганского Таро наших дней.

«Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих; но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей; которой никто из властей века сего не познал».

1-е послание Ап. Павла к Коринфянам, 2:6–8.

Каждый Аркан имеет свои символические соответствия в самых различных областях знания

людей. Десятиричная система счисления, чрез введение понятия о нуле, дающем единице новое значение и высший порядок, непосредственно проистекают из системы Арканов, в аспекте ее интерпретации Каббалой в системе Сефирот. Алфавиты всех древнейших языков земли непосредственно вытекают из системы Арканов, и рождение каббалистики (в узком значении этого слова), символики букв, представляется первым следствием этой связи. Вся мифология древних народов, так или иначе, связана с Великим Памятником, и в религиях народов с наибольшим развитием этим духовным, как, например, в Индии и Элладе, весь пантеон божеств есть не что иное, как символизация системы Арканов. Древняя наука о душе и звездах, астрология, запечатлела на скрижалях своих те же великие принципы на фоне неба в виде планет и созвездий Зодиака, и на пути веков увлекала своих адептов к изучению своей неземной символики.

«Горе тому человеку, кто не видит в Законе ничего другого, как простых рассказов и обыкновенных слов! Ибо, если бы в действительности Закон бы не содержал ничего другого, мы бы могли, даже сегодня, составить тоже Закон, вполне достойный преклонения в каком-либо другом отношении. Не видя ничего, кроме простых слов, мы бы могли хотя бы обратиться к законодателям земли, у которых часто находят еще более величия.^[86] Нам было бы достаточно подражать им и составить Закон по их словам и их примеру. Но это не так в действительности: каждое слово Закона содержит возвышенный смысл и тайну верховную. Повествования Закона суть его одеяния. Горе тому, кто принимает одеяния за самый Закон! Именно в этом смысле Давид сказал: «Бог мой, открой мне глаза, чтобы я мог постичь чудеса Закона». Давид хотел сказать о том, что скрыто под одеждой Закона. Есть безумцы, которые, видя человека, покрытого хорошим одеянием, не устремляют далее своих взоров, а между тем, то, что дает ценность одеянию, есть тело, и то, что еще более ценно — душа. Закон также имеет свое тело; есть повеления, которые можно назвать телом Закона. Обыкновенные повествования, которые с ними перемещиваются, суть одежды, которыми это тело покрыто. Простецы не останавливаются ни на чем ином, как на покрывалах и повествованиях Закона, они не знают другой вещи, они не видят того, что сокрыто под этим покрывалом. Люди более ученые не останавливаются на покрывале, а лишь на теле, которое им покрыто. Наконец, мудрецы, служители Верховного Царя, Того, Кто живет на высотах Синая, занимаются лишь душою, которая есть основа всего другого, которая есть Закон как таковой; в будущих временах они будут подготовлены к тому, чтобы созерцать душу этой души, которая дышит в Законе».

Зогар.

«То, что вы принимаете за полную мысль Моисея, есть лишь самая грубейшая ее интерпретация. Вы сражаетесь против фантомов, против покрывала Изиды, но богиня находится сзади, улыбающаяся и также вас любящая».

Сент-Ив д'Альвейдр.

«Кто настолько глуп, чтобы подумать, будто Бог, по подобию человека-земледельца, насадил рай в Эдеме на востоке и в нем сотворил древо жизни, видимое и чувственное, чтобы вкушающий от плода его телесными зубами тем самым обновлял свою жизнь, а вкушающий от плодов древа (познания) добра и зла участвовал бы в

доброе и зло? И если говорится, что Бог вечером ходил в рай, Адам же спрятался под деревом, то, я 'думаю, никто не сомневается, что этот рассказ образно указывает на некоторые тайны, через историю только мнимую, но не происходившую телесным образом».

Ориген.

Ясными, резкими гранями система Арканов разделяется на три части. Первую составляет Аркан 0, гласящий о Божестве и мире и слиянии их в Абсолюте, Сущности Божественной, «Эйн Софе» Каббалы, «Не То» индусов. Вторую часть составляют 21 Аркан, гласящих о целостном человеке, о рождении его из Абсолюта и принципах его существования, определяющих синтез и смысл его жизни. Последние 56 Арканов, в противоположность первым — *Великим*, называются *Малыми*, они составляют третью и последнюю часть Великой Книги и гласят о природе вещей и человеке как члене и звене в целостной жизни мироздания. Это единственное абсолютное разделение Книги Мудрости интерпретируется в ее общем символе, т. е. — квадрате, имеющего внутри треугольник, а посередине точку. Точка, как и нуль, является естественным символом Абсолюта, навсегда и в принципе недоступного пониманию нашему; нуль выше всякого числа, он всякое из них в себе содержит и, вместе с тем, он навсегда недоступен пониманию и познается лишь путем приближения. Треугольник — это символ Реальности; все, что существует, человеком познается в тернерах, все другое есть абстрактные формы мышления, которые оживают постольку и постольку существуют, поскольку им дает жизнь принцип тернера — эта единственная и естественная эмблема бытия. Квадрат — это символ мира реализации, мировой иллюзии — майи, зиждущегося на четырех стихийных принципах, осуществляющих как самое его бытие как таковое, так и определяющих русло течения всей его жизни.

Единственная Реальность, Истинная и Непреложная, раскрывается познанию испытующему духу человека в виде системы двадцати одного Великого Аркана, составляющих вторую часть Священной Книги Тота; к первой мы можем лишь приближаться постольку, поскольку мы будем синтезировать воедино знания, полученные из второй; третья часть будет становиться доступной пониманию постольку, поскольку мы сумеем общие принципы, почерпнутые из второй, прилагать в мир, нас окружающий. Таким образом, путь к познанию один, он вполне абсолютен для каждого человека и раскрывается духу его Божественным Светом 21 Великого Аркана.

«Даже истинные мнения стоят немногого, пока кто-нибудь не соединит их связью причинного рассуждения».

Платон.

Каждый Аркан — есть абсолютный принцип в своей чистоте первородной скрывающийся от испытующего духа нашего в пучинах Абсолюта, где он становится его аспектом совершенным, как Само «Не То», а потому он выше пределов познаваемого. В мире целостного человека принцип каждого Аркана претворяется в систему абсолютно совершенных законов и предначертывает и создает аспект этого мира. В мире природы каждый Аркан расплывается в систему законов ее жизни и создает самую сущность ее, ибо законы природы — есть и сама природа. Так каждый Аркан гласит о трех мирах; вот почему Наука Царственная постижения Арканов носит имя Науки о Боге, о Человеке и о Вселенной.

«Philosophiae objectum triplex: Deus, Natura et Homo». [\[91\]](#)

Бэкон.

Настоящее исследование имеет своей целью изучение первых двух частей Книги Тота — Великих Арканов, гласящих о Боге и Человеке. Проистекая из неведомой седой древности человечества, преемственная традиция передает последовательность и нумерацию Арканов; причем 21-й Аркан имеет два обозначения: Аркан XXI или Аркан 0, а 22-й Аркан — Аркан XXI или Аркан XXII. Система 22-х Великих Арканов представляет собой исчерпывающее, замкнутое целое; их число и порядок представляются не случайными, а проистекают из чистого разума.

«Вещь справедлива не потому, что этого хочет Бог, но Бог именно потому ее желает, что она справедлива».

Св. Фома.

Каждый отдельный Аркан есть полное Космическое Учение в определенном индивидуальном сознании, он проникает повсюду, решает все вопросы, раскрывает все доктрины и законы, но все это он неизменно равно освещает своей индивидуальностью. Отдельный Аркан — это Абсолютное, видимое в зеркале относительного, и тот, кто знает свойства зеркала присущие ему самому, может, пользуясь чувством синтеза, выявить в своем сознании Абсолютное в его истинной природе. Именно благодаря этому, каждый Аркан есть часть и Целое, он заключает как себя самого, так и же другие Арканы; Совершенный Человек, обладающий полнотой чувства синтеза, может одинаково постигать как через любой отдельный Аркан, так и через любые их сочетания. На пути всемирной истории учения отдельных Арканов, будучи сокровенной сущностью религий, составляли Конечную Науку об Абсолюте, и давали полные, исчерпывающие решения. Эти учения были отличны от других подобных только в глазах толпы, ибо высшие представители аристократии духа через развитое чувство синтеза неизменно видели Один и Тот же Абсолют под всеми этими покровами, в одной и той же чистоте первородной.

«Вселенский ключ магических искусств, есть ключ всех древних религиозных учений, ключ к Каббале и Библии, «ключик Соломона». Так как этот «ключик», считавшийся потерянным на пути веков, мы нашли вновь, то мы можем открыть все могилы древнего мира, заставить говорить мертвецов, увидеть вновь все величие памятников прошлого, понять загадки всех сфинксов и проникнуть во все святилища».

Элифас Леви.

Каждый отдельный Аркан в своей истинной природе есть аспект Самосознания Единой Реальности, а потому всякий Аркан есть сама Реальность. Подобно самоутверждающемуся духу, каждый Аркан утверждает свою заповедную сущность в присутствии ему метафизическом теле. Будучи субстанцией, Аркан из своего собственного существа развертывает и эмануирует законы и принципы в строгой гармонии с представившимся ему пассивным полем действия. Чем ниже метафизический уровень этого поля, тем дифференциальнее и конкретнее эмануируемые Арканом принципы и законы. В силу этого, постижение Аркана идет в строгой зависимости от личности познающего и ее особенностей; Аркан всегда будет активен по отношению к воспринимающему сознанию, т. е., иначе говоря, постижение Аркана всегда идет сверху, но предельная вершина познанной доктрины обуславливается развитием познающего человека.

Целостность и замкнутость Системы Арканов проистекает не только из единства и общности объекта их учений, иначе говоря, они связаны между собой не только в высших трансцендентальных доктринах и принципах, аспектах Абсолюта. Чем полнее и совершеннее человек выявляет в своем сознании их отдельные следствия, тем более он убеждается, что отдельные Арканы дополняют друг друга. Совокупность двух или нескольких Арканов не только повышает порядок индивидуальности учения, приближая его к Абсолютному, но и увеличивает особым образом глубину законов и понятий. Хотя все Арканы равноправны между собой, будучи полными учениями, но все же они все в самом существе своем отличны друг от друга, будучи различными аспектами Самосозерцания Реальности. Все сознаваемое и самое сознание есть движение, есть вибрирование; глубина сознания и его тембр зависят от природы и высоты колебания духа; *каждый Аркан и присущее ему сознание утверждается видом и высотой этих вибраций*. Подобно тому, как, изменяя густоту одной и той же краски, художник может написать любую картину, так и каждый отдельный Аркан раскрывает любое учение. Вселенная в аспекте одного Аркана есть картина, написанная одной краской; совокупность Арканов есть гамма красок духа; система всех Арканов есть многокрасочная картина мира. Вот почему, хотя каждый Аркан раскрывает то же самое Герметическое Учение, но только их полная совокупность делает это Учение Абсолютным.

«В момент сотворения мира, огненным резцом выгравированные на августейшей короне Господа, двадцать две буквы иудейского алфавита, вдруг сошли со своих мест и разместились перед Ним. Затем каждая буква сказала: «сотвори мир через меня».

Рабби бен Акиба.

В гармонии с изложенным, каждый Аркан, будучи, вообще говоря, причиной и следствием всех остальных, вместе с тем тембром своих вибраций занимает совершенно определенное, одному ему присущее место. Одна и та же Космическая Реальность, Мировая Первопричина, сознавая Себя в различных уровнях синтеза, ориентирует отдельные аспекты Своего Самосознания в инволютивной преемственной цепи. Последовательная совокупность Арканов, выражающая процесс Самоутверждения Космического Единого Однородного Духа в совокупности Своих дифференциальных манифестаций, есть абсолютная основа всех космогонических учений. Космогония есть творчество человеком мира в своем сознании как естественный и единственно возможный путь расчленения целостного мироздания в последовательную совокупность Верховных Творческих Космических Принципов по порядку синтеза. Первые 10 Арканов и являются мировой космогонией. Аркан I учит о Единстве Вселенского Духа и Его Трансцендентальном Бытии; Аркан II есть Учение о Его Внутреннем Однородном Трансцендентальном Сознании, Аркан III раскрывает Доктрину о Божественной Природе как Тварном Сознании Космического Духа, представляющем собой по отношению к внешней феноменальной природе Источник ее Произрождения; Аркан IV есть учение о Логосе как совокупности единичных индивидуальных монад, эманлирующемся во вне Нерасчлененного Божественного Единства для возможности независимых самоутверждений отдельных Первообразов — аспектов Реальности; Аркан V учит о сознании и индивидуальности отдельной монады, о расколе и вихревой природе сознания; Аркан VI представляет собой учение о космической семье монад и подобии мира Божеству; Аркан VII есть учение о монаде как самоутверждающемся Первообразе; Аркан VIII учит о законах личности и сверхличной природы; Аркан IX — о человеке, как утвержденном Первообразе; Аркан X — о мире как устойчивом и замкнутом вихре — утвержденной Тварной Природе Божества. Первые 10 Арканов лежат в Мире

Принципов и представляют собой Верховные Трансцендентальные Доктрины, в своей совокупности раскрывающие человеку внутреннюю затаеннейшую сущность мироздания; эти Арканы неразрывно связаны друг с другом, выливаются один в другой и только в своей полной совокупности представляют полную картину и притом целостную и замкнутую. Вторые 10 Арканов связаны с первыми законом строгой аналогии и являются Активными Космическими Деятелями, реализующими доктрины первого цикла. Первые 10 Арканов суть учение о мире Духа, вторые 10 Арканов учат о космической среде, и, благодаря этому, каждый цикл освещает мир с только одному ему присущей точки зрения. Аркан 0, или Аркан XXI, и Аркан XXII представляют в своей совокупности Конечный Синтез. Аркан 0 есть учение о Абсолютной Мировой Первопричине, о Единой Реальности; Аркан XXI есть Самосознание Реальности в аспекте Единого Духа, грезящего о своей майе, а потому этот Аркан синтезирует цикл первых 10 Арканов; Аркан XXII есть Самосознание Реальности в аспекте мировой среды, единой феноменальной quasi-Реальности, а потому этот Аркан является синтезом вторых 10 Арканов.

Такова в общих чертах стройность и целостность системы Арканов. Будучи венцом всех изысканий человеческого духа на пути веков в области Вечного — Арканы имеют право на авторитет. Они не требуют слепой веры, но всякий человек, встретившись с ними, должен хоть на некоторое время удержаться от бесполезных вопросов и выслушать хоть первые слова, которые вещают эти символы. «Credo ut intelligam» («Я верю, чтобы понять»)^[94] — должен сказать всякий приступающий к постижению, и в этом состоит первый залог его успеха. Если он будет опрашивать раньше, чем они что-либо услышат, то ему не суждено будет пройти в Святилище; лишь тот, кто почувствует трепет перед тысячелетним Памятником Истины, может приобщиться к его ведению. Чем дальше пойдет он по раскрывшемуся пред ним пути, тем величественнее и стройнее предстанет пред ним древнее как мир Верховное Синтетическое Учение. Если все первые философы искали Конечные Принципы, то здесь они смогут воочию убедиться, что они в действительности есть, что они выражены со всем совершенством и что их именно столько, сколько Арканов в Книге Тота *pop solum rationae imperii, sed etiam imperio rationis*.

В совершенном сознании Арканы представляют собой замкнутое целое, в котором все отдельные члены одинаково достигают полного совершенства, но это сознание свойственно лишь чистому духу; всякий искатель, эволюционируя на пути своем, всегда познает одни Арканы с большей глубиной, чем другие, и именно в этом и лежит залог его успеха. Каждый более совершенно познанный Аркан своим светом озаряет все другие Арканы и вызывает у человека стремление постоянно переносить прилагаемые им усилия на вновь возникающие вопросы в системах других Арканов. Таким путем, *человек как бы попеременно находит себе опору то в одном Аркане, то в другом, и постепенно все вновь и вновь обходя га-круг, он движется вверх по спирали*. Арканы лежат за пределами времени, они выше даже принципа его, а потому самое понятие о последовательности их может существовать лишь в относительном сознании. Каждый человек, выявляя их в некотором пространственном наклонном сечении, тем ставит в своем сознании одни синтезом других. Это свойство познания является неизбежным для нашего мышления, ибо *великая система Арканов гласит о Природе Живой как эманации Бога Живого, а потому процесс мирового творчества непрерывен, и как таковой претворяется в нашем сознании в виде перманентного приоритета первых Арканов над последующими*. Принцип последовательности для воплощенного сознания абсолютен, как абсолютен и для всего физического сознания, а потому, всегда и неизменно, последующие Арканы будут выявляться лишь до тех пор, пока не исчерпана сила предыдущих; вслед за этим человек неминуемо должен возвращаться к первичным принципам, ибо они с этих пор перестают давать ему опору.

Величие и мощь системы Арканов сказываются прежде всего в том, что с самых первых

шагов пути своего человек получает возможность совершать свою работу по строгой, идеально закономерной системе. *Классификация* — это колыбель всякой науки, всякого познания, без нее невозможно изучение даже простого преходящего знания ока. Человек никогда бы не смог подняться в те заоблачные вершины духа, куда зовет его призвание, если бы с первых шагов выраженного им ясного желания постигать он не был бы самими законами природы заботливо охраняем и направляем в нужную сторону, где минимальная затрата усилий дает максимальные по значению результаты. Когда человек приступает к сознательному и последовательному постижению мироздания, когда он начинает изучать Великую Книгу Арканов и пред восхищенным взором его раскрываются все новые законы и принципы, он, вместе с тем, неизменно убеждается, что все познаваемое им, непонятным для него самого путем, ориентируется в строгой и совершенной системе. *Система Арканов есть прежде всего для всякого ученика идеальная философская машина, которая постоянно помогает ориентироваться в новых вопросах, замечать недочеты, сравнивать и оценивать, располагать и синтезировать и намечать на будущее русло своей жизни и течение своего развития.*

«Это есть истинная философская машина, которая препятствует духу впасть в заблуждение, всецело, вместе с тем, представляющая ему его инициативу и свободу; это есть математика, приложенная к Абсолюту, есть союз позитивного с идеальным, это есть чередование мыслей совершенно точных как числа, наконец, это по всей вероятности то, что есть наиболее простого и вместе с тем возвышенного из всего доступного человеческому гению».

Элифас Леви.

«Прежде всего необходимо заметить, что Таро представляет собой *философскую машину*, имеющую несколько применений:

а) Оно дает возможность *откладывать* в различных графиках (подобно вышеприведенным треугольнику, точке и квадрату) и символах метафизические идеи, трудно укладываемые или совсем не укладываемые *в слова*.

б) Оно является *орудием ума*, необыкновенно усиливающим его способность к метафизической интуиции.

в) Оно является неизменным средством для гимнастики ума, для его идеалистической тренировки, для расширения сознания, для приучения его к новым расширенным понятиям, к мышлению в мире высших измерений, к пониманию символов.

В бесконечно более широком, глубоким и разнообразном смысле *Таро* по отношению к метафизике представляет то самое, чем являются счеты по отношению к арифметике, т. е. средство откладывать найденное, находить новое и развивать ум в желаемом направлении».

П. Д. Успенский

Человек может подходить к изучению Великих Арканов с многоразличных сторон; даже более того, путей их постижения столько, сколько людей, ибо каждый человек имеет свой собственный путь, различие которых увеличивается с развитием людей. В начале оно касается лишь формы восприятий и проистекает из того, что знания отдельных людей всегда чресполосны лишь в некоторых пределах, остальная часть знания у различных людей различна.

С развитием людей чресполосность их знаний увеличивается, они начинают как бы друг друга дополнять, и, в силу этого, разнствование восприятий по их форме уменьшается настолько, что с первого взгляда может показаться, что все эти различные пути начинают сливаться в один путь. Действительность противоположна этому кажущемуся явлению. С увеличением знаний в человеке постепенно начинает просыпаться сознание духа, и в строгой гармонии с этим происходит постепенное развитие *индивидуальности*. Различие между людьми неразвитыми происходит лишь от различия их предшествовавшей жизни; истинная индивидуальность раскрывается в душе человека сознаваемым образом лишь после долгой и усиленной работы и служит наилучшим показателем его быстрого роста. Из изложенного вытекает, что общие указания о наилучшем методе и наиболее разумной последовательности постижения Арканов могут быть даны лишь для первых шагов человека, когда его личная индивидуальность еще не развита настолько, чтобы формы мышления, предложенные другим человеком, были бы в принципе лишены возможности ему служить. Во всяком случае, однако, этот период не может простирается менее как на целый ряд лет напряженной и интенсивной работы. Вот почему крайне важно для всякого начинающего знать наперед наиболее совершенную и планомерную систематику его работ, ибо хотя он и может к ней придти самостоятельным путем, но все же это может оказаться для него если и не непосильным, то, во всяком случае, весьма затруднительным. Человек, лишенный еще самостоятельной мысли, должен получить поддержку, и таковая дается ему древней традицией; использовав ее окончательно, он может и должен уже сам намечать свой путь и приводить его в исполнение.

«Философия подчас претворяется в верование, для того, чтобы стать доступной массам».

Элифас Леви.

Будучи конечным верховным синтезом, Великие Арканы могут постигаться с самых различных сторон. Нет ни одного крупного представителя мистицизма, который бы не понимал величия этого Учения и его систематики, хотя бы как *идеальной философской машины*.

На первом месте стоит Каббала евреев; учение о мистических значениях букв еврейской азбуки является древней Герметической Наукой о Арканах во всей чистоте. Каждая буква соответствует Аркану, а потому изучать по Каббале тайны **⚡** значить изучать Аркан I и т. д.; с другой стороны, космогоническая система Сефирот есть эквивалент цикла первых 10 Арканов; в силу этого мистика гебраизма есть один из лучших путей к изучению Арканов; происходя из Египта, оба эти Посвящения неразрывно связаны между собой.

«Почему пишем мы эту букву одним символом (**⚡**), но образуем ее из трех знаков? — Потому что она понимается как одна, наподобие Бога, Кто есть Един, хотя в то же время признание Его Имени Тройственно и тройственно Его прославление».

Рабби беи Акиба.

Каббалистическая литература, подобно всем мистическим сочинениям Востока, обладает крупным недостатком, заключающимся в отсутствии систематики и преемственности изложения. Книги Каббалы до такой степени страдают этим недостатком, что уяснение их идей требует весьма большой работы. Излагая учения высочайшей мудрости, они, сплошь да рядом, смешивают их с тенденциозными повествованиями, а порой и с узкими закоренелыми заблуждениями. Это обстоятельство дало повод целому ряду авторов сказать, что свод еврейских учений есть ярмарка, на которой можно найти все, от редчайшего жемчуга до никчемной ветоши. Учение Священной Книги Тота, хотя и сквозит с очевидностью через все

хитросплетения иудейских писателей, но все же отдельные доктрины ее доступны постижению лишь путем скрупулезного исследования. С особенной яркостью учение Гермеса выступает у наиболее ранних авторов. Среди них на первом месте стоит рабби бен Акиба, который в своем «Отийёф» («Алфавите») стремился выразить это учение во всей его чистоте. Симон бен Йохай, Исаак Лория, Маймонид, Ибн Эзра, Моисей Кордуеро и другие почти с исчерпывающей полнотой выявили учение о «Меркабе», т. е. о космогоническом происхождении человека и его месте во вселенной. Ряд других авторов дает возможность дополнить это учение до стройного целого. Рассматривая их произведения, мы видим, что указания на Арканы как на конечные принципы всякого Богопознания вообще встречаются среди самых разнообразных повествований. Так, например, мы можем указать следующие места в Зогаре (ג'ג'ג', т. е. — «Сияние») непосредственно относящиеся к Книге Гермеса:

I, 15 в, 17 ав, 19 в, 21 а, 25 в, 30 в, 32 в, 51 а, 55 в, 77 ав, 94 в, 95 в, 96 а, 143 а, 145 а, 159 а, 193 в, 204 а, 205 а, 210 а, 224 а, 234 в, 239 а, 249 в.

II, 9 а, 51 в, 53 в, 91 а, 128 а, 132 а, 134 а, 135 а, 137 а, 139 а, 151 а, 159 а, 168 а, 172 в, 180 а, 181 а, 209 в, 212 в, 226 в, 227 а, 233 а, 235 в.

III, 2 ав, 10 в, 35 в, 52 а, 57 а, 65 в, 66 в, 74 в, 77 в, 78 а, 91 в, 105 в, 155 а, 156 в, 180 в, 210 а.

Весь европейский мистицизм связан с Каббалой, а потому его представители, сознательно или бессознательно, на пути веков занимались изучением Священной Книги Тота. Астрология, хиромантия и алхимия — отдельные ветви Единого Знания, посвятившие себя изучению феноменальной природы при свете синтеза, сводят магнетические и флюидические влияния к определенным импульсирующим субстанциональным фокусам — активным деятелям в виде звезд и планет и их герметических соответствий; но эти последние суть те же Арканы: 12 знаков Зодиака, 7 планет и 3 Буквы-Матери (שןק) по Сефер Иецире (הרצ'י רפד) в точности соответствуют 22 Арканам Книги Тота.

Несмотря на всю безграничность влияния Книги Гермеса на историю человеческой культуры, сам этот памятник как таковой оставался неведомым не только широким массам, но даже многим из преданных учеников оккультной науки. Большинство авторов мистических сочинений указывали лишь на существование какого-то тайного, всераскрывающего ключа, но не только не задавались целью дать хотя бы краткое его описание, но и хранили строгое молчание относительно самого его имени.

Среди сонма апокрифических преданий о Иисусе Христе заслуживает глубокого внимания XLVIII глава «Евангелия отрочества»^[99] (Evangelium Infantiae arabicum), в которой обрисовывается прирожденное высочайшее ведение Христа мистических тайн букв еврейского алфавита, т. е. Арканов Книги Тота.

«Был человек в Иерусалиме по имени Закхей, который учил юношество. И он сказал, обращаясь к Иосифу: «Почему, Иосиф, не присылаешь ты ко мне Иисуса для того, чтобы он научился грамоте?» Иосиф решил последовать этому совету и сказал об этом Марии. Они отвели тогда ребенка к учителю, и когда тот Его увидел, он написал алфавит и сказал Ему произнести Алеф. И когда Он это сделал, он приказал Ему произнести Бет. Но Господь Иисус ему сказал: «скажи мне сначала значение буквы Алеф, и тогда я произнесу Бет». Тогда учитель захотел его ударить, но Господь Иисус начал ему рассказывать значение букв Алеф и Бет, каковы суть буквы, которых форма прямая, у каких она косая, какие из них двойные, те, которые сопровождаются точками и те, которые их лишены, и почему такая буква предшествуется другой, и Он сказал ему много таких вещей, каких учитель никогда не слышал и которых он не читал ни в какой книге. И Господь Иисус сказал своему наставнику: «Послушай, что Я тебе скажу». И Он начал ясно и точно объяснять Алеф, Бет, Гимель, Далет, до конца алфавита. Наставник пришел в восторг и сказал: «Я думаю, что этот Ребенок родился раньше Ноя», и, повернувшись к Иосифу, сказал

ему: «Ты Его ко мне привел, чтобы я научил Его, Ребенка, Который знает больше, чем все мудрецы».

Хотя здесь нет прямого указания на Тайное Знание, все же более чем трудно допустить, что все поучения Иисуса касались бы только простой грамматики. Не таковы были Его слова, если учитель сознался в своем неведении и признал Его мудрейшим из мудрецов. Действительно, мы имеем самые разнообразные указания, что Христос оставил после Себя тайное учение, завещанное любимым ученикам и давшее толчок многочисленным гностическим школам. Не говоря о «Πύσις Σοφία» и других апокрифических свидетельствах, — достаточно процитировать конец канонического Евангелия от Иоанна:

«Многое и другое сотворил Иисус; но, если бы писать о том подробно, то, думаю, и самому миру не вместить бы написанных книг». ^[100]

Первые столетия христианской эры католическая церковь не только не чуждалась магических наук, но даже целый ряд святейших отцов были ревностными служителями герметических знаний. Sanctum sanctorum тайных учений являлись знаменитые «Claviculae Solomonis». ^[101] Эти «Ключики», по преданию, легли в основание оккультного завещания папы Льва III, известного под именем Enchiridion'a, ^[102] переданного им императору Карлу Великому. «Ключики Соломона были бесследно утеряны, ^[103] хотя существуют некоторые указания, что будто бы они сохранились в рукописном отделе библиотеки Ватикана.

Первым, кто познакомил Европу с Таро, является Court de Gebelin. В своем сочинении «Monde primitif» он не только поставил своей целью показать мистическую ценность карт Таро, но и пытался дать им философское объяснение.

Карты Таро сильно видоизменяли свой внешний облик на пути веков. Сравнивая между собой египетское Таро, иероглифы которого описаны рёге Kircher'ом, ^[104] с китайскими ^[105] или вавилонскими, ^[106] мы можем убедиться в тождестве лишь после вдумчивого анализа. Карты, которые мы знаем, имеют еврейское происхождение и не древнее Карла VII. Наиболее старинным экземпляром является карточная игра Jacques Gringonneur'a. Наряду с ними имеют особое значение карты Эттейлы. Лишенный всякого образования и будучи простым парикмахером, Alliette, обладая большой интуицией, посвятил себя специально изучению Таро, и после тридцати лет работы и изучения различных мистических сочинений, восстановил систему иероглифов Таро. Эти иероглифы были получены не только сравнением различных начертаний, но и путем тщательнейшего анализа символических аллегорий. Карты Alliette'a, или, как он каббалистически читал свою фамилию — справа налево — Etteilla, представляются, по-видимому, наиболее совершенными до настоящего времени. Со своей стороны, я внес, руководствуясь интуитивными восприятиями, лишь немногие дополнения, касающиеся главным образом красок, отдельных деталей и общей обстановки. Надлежит здесь заметить, что первое исторически известное появление цыган в Европе относится лишь к XV веку, причем их глава носил гордое имя «князя египетского». Загадка о происхождении этого народа по-видимому останется навеки неразрешимой. Кроме бесспорной связи с Египтом, цыгане имеют сродство и с другим полюсом древнего мира — с Индией. Цыганский язык оказывается весьма близким к санскриту и само имя их, под которым они известны Западной Европе «bohémien», есть извращенное санскритское слово bo — hamī, что значит, «отойди от меня». ^[107]

Основателем герметической философии в Европе является знаменитый таинственный майоркский алхимик и философ Raymond Lull. Его личность окружена целым ореолом легенд, ему приписывается открытие философского камня и делание золота в огромных размерах для английского короля Эдуарда III, причем эти соверены из алхимического золота и по сие время носят название раймондин. Это последнее обстоятельство не помешало ему однако, как

истинному адепту, умереть нищим. Другая легенда приписывала ему обладание quasi-бессмертием, и лишь после нескольких столетий тяжких страданий искупления за преступное вмешательство в течение законов природы он вымолил у Господа ниспослание смерти. Перу Раймонда Луллия принадлежат два глубоких исследования, где он пытался восстановить все величие Верховной Герметической Науки: «Ars Magna» и «De Auditu Kabbalístico, sive at omnes scientias introductorium».^[108]

Учение Раймонда Луллия было воспринято его гениальным последователем Джордано Бруно. Преемственность своих взглядов и всю глубину своего восхищения пред Луллием Бруно выражает в своем труде: «De compendiosa architectura et complemento artis Lulli». Попытки воссоздать герметическую науку выразились у Бруно в целом ряде сочинений: «Cantus Circoeus», «De Umbris Idearum», «Delia Causa, Principle ed Uno», «DelPInfinito Universe e Mondi», «Degli Heroici Furori», «De Minimo, Magno et Mensura», «De Monade, Numero et Figura», «De Immense, Innumerabilibus et Infigurabili Universe».

За Раймондом Люллием следует целый ряд авторов, писавших о Каббале для христиан. На первом месте стоит знаменитый исследователь области таинственного Пико делла Мирандола. Его «Conclusions Kabbalisticæ»^[109] представляют собой основание капитальных исследований в этой области.

За Пико делла Мирандолой следует Вильгельм Постель; его стремление создать конечную философию вылилось в труде «Clavis absconditorum a constitutione mundi».^[110] В этом труде Постель именуется Таро «Бытием Еноха». Это последнее наименование было столь же распространено в средние века, как и «Ключики Соломона». Будучи каббалистом, Постель искал истину главным образом в этом аспекте; ему принадлежит один из лучших переводов основы каббалистической мудрости, — «Sepher letzirah» с философскими комментариями — «Abrachami patriarchae liber lezirah, ex hebraeo versus et commentariis illustrates a Guilelmo Postello».^[111] Будучи пламенным энтузиастом, Постель, исполненный радости, что ему удалось коснуться абсолютного учения, не только стремился как можно шире обнародовать свои открытия, но даже дошел до наивности. Так, он написал послание отцам заседавшего в то время Трентского Собора, что он нашел абсолютную доктрину, скрывавшуюся от начала мира, и настаивал на том, чтобы это учение стало бы догмой католической веры.^[112]

Каббалистическая герметическая философия в алхимическом аспекте, изложенная в «Asch Mezareph»,^[113] таинственной мистической книге, была дешифрована Николаем Фламмелем, достигшим с ее помощью, по преданию, успеха в Великом Делании наравне с Раймондом Люллием.^[114] По обычаю средневековых мистиков, Николай Фламмель не обнародовал результатов своих исследований, и «Asch Mezareph» дошел до наших дней в своей загадочной символике недоступным пониманию.

В противовес Фламмелю, учение Каббалы было раскрыто Европе работами Reuchlin'a: «De arte cabbalistica»^[115] и «De verbo merifico».^[116] Труды Reuchlin'a, хотя и не относятся непосредственно к Таро, но они открывают целый ряд частных доктрин, изъясняя синтетические воззрения каббалистов по основным вопросам космогонии и философии.

За Рейхлином следует знаменитый Cornellius Agrippa; его работы также представляют собой попытки достижения конечного синтеза. Обладая огромным талантом, Агриппа вмещал в себе самые разнородные крайности: в «De occulta philosophia»^[117] он излагает общие основы герметической науки с пламенным энтузиазмом; наоборот, в «De incertitudine et vanitate scientiarum»^[118] он предается самым скептическим рассуждениям. Труды Агриппы, несмотря на крайне темный язык и отсутствие должной систематики, являются однако по обилию материала и смелости мысли классическими трудами европейского мистицизма.

В противовес Агриппе, Knorr de Rosenroth дал классический образец систематического изложения наиболее трудных и малоисследованных проблем. Его «Kabbala denudata, seu Doctrina Hebraerum transcendentalis»^[119] является одним из наиболее известных и классических трудов по исследованию каббалистических учений.

Не менее известен также труд Генриха Кунрата: Непг. Khunrat. «Amphitheatrum sapientiae aeternae, solius verae christiano-cabbalisticum, divino-magicum...»,^[120] в котором автор также излагает синтетическую философию.

Переходя к позднему времени, мы видим, как и раньше, что большинство оккультных авторов умалчивают о Таро, хотя, тем не менее, они не только с ним знакомы, но именно на основании его и по его схеме излагают свои идеи. На первом месте стоит апостол мартинизма маркиз Клод де Сен-Мартен. Его классический труд: Louis-Claud de Saint-Martin (Le Phil... Inc...) «Tableau naturel des rapports qui existent entre Dieu, l'Homme et l'Univers»^[121] целиком написан по схеме Таро и разделен на 22 главы. Сен-Мартен занимается главным образом философией мистики и поясняет ряд основных доктрин, благодаря чему он является одним из наиболее ценных авторов. Сен-Мартен, излагая свое учение, поддерживается quasi-христианского аспекта, что делает его «христианским каббалистом», весьма близким знаменитому апологету первых веков христианства — Оригену.^[122]

Подобно Сен-Мартену, по схеме Таро пишет Éliphas Lévi: «Dogme et Rituel de la Haute Magie»;^[123] это сочинение представляется одним из наиболее известных в настоящее время. Не давая конкретных ценных сведений, Элифас Леви вводит читателя в круг мистических воззрений, захватывая его блеском языка и изяществом построений. Первая часть этого труда есть в русском переводе, сделанном весьма неудовлетворительно. Из других работ Элифаса, весьма многочисленных, особую ценность в наших глазах имеет также «Histoire de la Magie».^[124]

Среди представителей мистики XIX века с особенной яркостью выделяется Станислав де Гуайта. Первый его труд «Essais des Sciences maudites — Au Seuil du Mystère»^[125] представляет собой введение к его главному труду — «Le Serpent de la Genèse», который должен был выразить во всей полноте оккультные законы Книги Гермеса. Разделенный на три септернера (т. е. по семь Арканов, а последний Аркан долженствовал быть общим заключением), этот труд был разбит на три отдельных сочинения. Первые два тома были напечатаны под следующими названиями: Première Septain (Livre I) «Le Temple de Satan»^[126] и Seconde Septain (Livre II) «La Clef de la Magie Noire».^[127] Третий том, долженствовавший носить название «La Science du Mal», касающийся 3 септернера Арканов, не был издан, вследствие ранней смерти автора в 36 лет. Труды Станислава де Гуайта представляют собой величайшую библиографическую редкость, ибо по воле наследников (черных католиков) они не могут быть переизданы вновь. Эти книги являются одними из наиболее ценных во всей европейской мистической литературе.^[128]

Из современных авторов в первом ряду стоит Папус с его трудами, специально посвященными Таро: Papus: «Le Tarot des Bohémiens» и «Le Tarot divinatoire». По русски есть перевод «Предеказательного Таро». Чрезвычайно ценны приводимые рисунки карт Таро; они являются лучшими из всех, которые нам пришлось увидеть.

Из русских трудов надо отметить: Курс энциклопедии оккультизма, читанный Г. О. М. в 1911–1912 академическом году в городе, С.-Петербурге. Составила ученица № 40 Ф. Ф. Р. С. Р.». Труд Г. О. М. (Григория Оттоновича Мебеса) является весьма ценным по материалу и замыслу, но изложение прямо невозможное. Заслуживает внимания также «Символы Таро»^[129] Успенского — небольшая брошюра, но весьма красиво, вдохновенно написанная. Переведена на английский язык. — «The Symbolism of the Tarot. Philosophy of occultism in pictures and numbers» by P. D. Ouspensky. Translated by A. L. Pogosky. St.-Petersbourg, 1913.

Если современные мистические источники столь немногочисленны, то с другой стороны религиозные и философские памятники представляют собой безбрежный материал для изучения Таро. Религиозно-философская литература Индии представляет собой такую роскошь бесконечно интересного материала, что способна заполнить не одну, а несколько жизней пытливого исследователя. На пути моего исследования я придерживался главным образом воззрений школы веданты, как наиболее древней и спиритуалистической. Великий исполин разума и мудрости Йогавасишта и его школа через свои изречения украсили мой труд бриллиантами Истины. Пураны и Упанишады помогли мне разобраться в самых сложных вопросах. Литература о памятниках индусского гения настолько обширна, что я лишен возможности ее привести и предоставляю читателю самому обратиться к специальным исследованиям.

Гностические школы первых веков христианства и апологии его главнейших деятелей также представляют собой богатейший материал. Многие из сочинений ересиархов суть величайшие памятники мудрости, находящиеся в прямой преемственности с мистериями античного мира и мистицизмом Востока. Учение об Демиурге и Зонах является одной из блистательнейших страниц истории человеческого мышления; идеи Симона Мага, Валентина и Василида, вылившиеся в сонм творений гностических во главе с «Πιστις Σοφία»,^[130] послужили звеном между Каббалой средних веков и герметизмом древности. Характерной особенностью гностических учений является их стремление к эзотеризму, т. е. строгому отделению чистой науки, предназначенной для избранных, от элементарных верований, предлагаемых толпе. Благодаря этому, гностики находились в непосредственной преемственной связи с мистериями Востока и Эллады; именно на основании их великого научного опыта они стремились воссоздать величие древних Посвящений, тщательно откидывая догматизм и формализм узкой иудейской мысли. Эллинизируя христианство, они вливали в него мощным потоком учения, древние как мир, и обновив и проанализировав их, они создали стройную систему религиозного и философского мышления.^[131] К сожалению, именно благодаря этой своей черте они навлекли на себя дикую ненависть представителей иудейской традиции, решившей во что бы то ни стало сделать религию доступной массам. Одержав победу, отцы церкви, державшиеся взглядов противоположных гностическим, с таким усердием уничтожали все произведения ересиархов, что до нас дошли лишь немногие из них отрывки. Так, например, для нас осталась навеки непонятной личность одного из интереснейших деятелей в области религиозных исканий — Симона Мага, благодаря не только утрате его главнейшего сочинения: «Ἀλφασίς μεγάλη», но и работ всех его ближайших последователей. Апологеты церкви, в особенности Ориген и Тертулиан, исказили учения гностиков до полной неузнаваемости, до бессмысленного абсурда. К счастью, в половине XIX в., на Афоне была найдена замечательнейшая рукопись, известная под именем «Philosophumena» — «Φιλοσοφοῦμενα» — настоящее название которой есть «Κατὰ πασῶν ἀρέσεων ἐλεγχος», автором которой является епископ Ипполит. Это замечательнейшее произведение было переведено и издано на латинском языке в Геттингене под следующим названием: «S. Hippolyti episcopi et martyris Refutationis omnium haeresium librorum decem quae supersunt». Ed. Duncker et Schneidewin. Gottingae, 1859. Можно сказать, что почти все сведения современной исторической науки о гностицизме и истинном характере работ его представителей почерпнуты именно из творения Ипполита. Бессмысленные бредни, приписываемые гностикам ревностными апологетами, под могучим воздействием правды, нерушимо сохранившейся на пути стольких веков, сразу претворились в блистательнейшие творения философского гения.

Наряду с гностицизмом, на весьма почетном месте стоят *неоплатоники*, которые, подобно гностикам, сочетали в своих системах арийский и семитический гений. Поскольку гностики

брали от иудаизма главным образом его экзотерическую сторону, а эзотеризм заимствовали из арийского мира, так неоплатоники, наоборот, питались главным образом эзотеризмом Иудеи. На основании таинственных сокровенных учений Египта и Иудеи, неоплатоники воскресили вместе с гностиками величие древности. Дионисий Ареопагит открыто стремился воссоздать великое учение Гермеса; неоплатоники — Филон, Плотин и Порфирий^[132] — и доньше озаряют нас светом своего гения через столько минувших столетий.

«Неопифагорейство явилось образом синкретизма, видевшего во всех религиозных традициях Эллады, Фракии, Финикии, Египта, Сирии, Малой Азии, Ирана, Индии — лишь разные формулы Единой Истины, непознаваемой для толпы, но доступной чуткости отдельных высоких сознаний, укрепленных особым Посвящением».

Ю. Николаев.

Творения святых отцов христианской церкви^[134] освещают самые глубокие философские вопросы, и мои современники глубоко виноваты, что они их игнорируют. Иоанн Златоуст, Макарий Египетский, Василий Великий, Климент Александрийский и весь сонм христианских подвижников, изречения которых собраны в выдержках в «Добротолубии» и «Отечнике»,^[135] раскрывают как тайники сердца человеческого, так и извилистые пути познающего разума.

Глубокого интереса, в особенности для нас русских, заслуживают наши сказания и былины, ибо большинство их возникло на оккультно-философской почве. Крайне замечательна древняя мистическая книга, известная под именем «Голубиной», вернее — «Глубинной» книги; вместе с требником Петра Могилы они являются основами древнего русского мистицизма.^[136]

Из русских писателей-классиков — говорит о Таро Всеволод Соловьев, в своем знаменитом романе «Великий розенкрейцер»:^[137]

«Великий розенкрейцер исполнил желание старца и начал читать ему двадцать два правила развития воли, постигнув и исполнив которые человек делается победителем и владыкою природы. Эти двадцать два правила, преподанные от древности легендарным Гермесом-Тотом, и затем разъясненные и дополненные величайшими адептами оккультизма, составляли драгоценное сокровище розенкрейцеров. В них действительно заключалась глубокая человеческая мудрость».

Мировые представители философского мышления на пути истории подходили с различных сторон к Верховной Тайной Доктрине и в совокупности создали величественное основание, которое вместе с конечными выводами современной науки есть полный подход к тому последнему слову разума, которое говорит Книга Арканов.

Герметическая философия венчает собой все искания гения человеческого, все усилия его разума на пути бесчисленных веков. Ее стройное целое объемлет собой как возвышеннейшие воспарения духа, так и все чаяния глубочайших сердец. Витая в надзвездной выси, она воспринимает и впитывает в себя все движения рода людского к возвышенному и идеальному, она дарит мощью несказуемой всякого, кто тоскует по своему светозарному отечестве, обожженный пламенем мира. Она есть истинная свобода, абсолютный вселенский простор; она ответственна всему, она слышит всякий зов, а потому самая мысль указать путь к ней, т. е. ограничить ее вездесущность, есть тьма невежества и безумия. К ней равно ведут все пути и весь низший мир для того и существует чтобы вызвать жажду у каждого — найти его путь.

«Все редкое, чудесное, которое там и сям в книгах показывается, к чему иногда

приводит нас какое-либо явление в Натуре, есть только намеки, только раскиданные приманки, дабы дать человеку заметить, что еще высшие Истины в лоне Натуры скрываются».

Эккартсгаузен.

Нет человека на земле, кто бы хотя в затаеннейших уголках сердца своего не таил бы жажды к приволью жизни необусловленной... Велики сомнения у каждого впервые вступающего на путь; труден шаг решающий; ужаса полон миг, когда человек теряет опору в старом, не закрепив себя в новом; бездонна грусть, когда пред взором человека рушится ему привычный мир; жутка холодная высь истины, спокойной и величавой в своем безмолвии; нестерпимо почти одиночество в разверзнувшемся пред неофитом океане знания; но пусть не трепещет дерзающий! Многотруден путь, но безмерны и силы, вложенные в человека! Он должен помнить, что он цезарь мира сего, его призванный повелитель, а потому нет и не может быть препятствий для того, кто решил победить или погибнуть!

«Ученик: «Я теперь не могу перенести, чтобы что-нибудь отвратило меня от достижения. Как я могу достичь этого кратчайшим путем?»»

Учитель: «Иди тем путем, который труднее всего. Бери то, что мир отвергает. Не делай того, что делает мир. Иди против мира во всех путях его. И тогда ты дойдешь до этого кратчайшим путем».

Яков Бёме.

«Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их».

Евангелие от Матфея, 7:13–14.

Тот человек, кто найдет в себе достаточно сил душевных, кто действительно возжаждет Истины Непреложной, кто сумеет возжечь в себе неугасуемое пламя стремления к Вечности — сумеет найти все, что потребно для достижения!

«Ищи путь, отступая все более внутрь; ищи путь, выступая смело наружу. Не ищи его на одной определенной дороге... Достигнуть пути нельзя одной только праведностью, или одним религиозным созерцанием, или горячим стремлением вперед... Ищи путь, пробуя всяческие испытания; чтобы понять рост и значение индивидуальности»...

Из древней мудрости.

«Нужно быть многострунным, чтобы заиграть на гусях Вечности», ^[139] — для успешного движения по страдной стезе искателя Истины нужно всем пожертвовать, все претерпеть, ни перед чем не останавливаться, ничего не бояться, ничему не верить, кроме внутреннего голоса сердца. Человек должен всюду искать, рыться в древних фолиантах мистиков, углубляться в трансцендентальные изыскания философов, изучать древность и ее памятники, черпать из музыкальных созвучий, жить с каждым листком в природе, понять все страдания и их

умиротворить, жить в вихре суетного света, любить и ненавидеть, порой жить грезой и качаться в волнах фантазии, порой анализировать с холодной усмешкой скептика, путешествовать, читать романы, любить искусство, понять прелесть варварства, вечно искать, всюду, везде искать, все нанизывать на ось опыта и оставаться теплым и ясным, как солнечный луч, быть спокойным, холодным, недвижимым, как снег Гималаев, быть буйным и мятежным, как море — таков должен быть истинный искатель! Читатель, таков ты? — Если нет, то ты не поймешь меня, и потому брось эту книгу, она не для тебя!..

СВЯЩЕННАЯ КНИГА ТОТА

Великие Арканы Таро

«Я не собираю свое знание из писаний и книг, но ношу его в самом себе, ибо небо и земля со всеми их обитателями, и даже Сам Бог, заключаются в человеке.»

Яков Бёме.

«Истинный служитель Изиды есть тот, кто правильно восприняв учение о вещах Божественных, его подвергнет анализу разума и проникнет духом в те истины, которые оно содержит.»

Плутарх.

Аркан I

I. Традиционные наименования:

Magus. Единство. Скоморох.

II. Буква еврейского алфавита:

א (Алеф).

III. Числовое обозначение:

Единица.

IV. Символическое начертание:

Перед массивным каменным столом стоит муж лет тридцати пяти, в полном расцвете своих сил. Стол этот сделан из серого камня: массивная доска опирается на две каменные вертикальные стенки, соединенных посередине перекладиной. Сзади него видна массивная завеса кроваво-красного цвета, наполовину отдернутая, на ней девять складок. За занавесью видна лестница, идущая вниз, в землю. На полу под ногами Мага разостлан зеленый ковер с вытканными на нем желтым цветом гирляндами и лавровыми венками. Маг одет в белые, слегка розоватые одежды с золотистым оттенком. Туника короткая доходит лишь до колен и широким кожаным поясом собирается во множество складок.

На столе стоит чаша из чеканного золота, совершенно почерневшего от времени. Рядом с чашей лежит меч; его клинок, уширяющийся к острию, сделан из матовой платины, ручка из почернелого золота. Кроме этого, на столе лежит сикл (пентакль), — золотая монета с равноконечным крестом в круге; на обратной стороне монеты видна царская корона.

Маг стоит, его правая нога выдвинута вперед. Лоб опоясывает змея, кусающая свой хвост. Над головой виден знак бесконечности. Правая рука его высоко поднята к небу и держит золотой жезл, верх которого состоит из следующего скульптурного изображения. На огромной змее, обвившей древко скипетра, покоится исполинская черепаха, на спине которой стоят три белых слона, поддерживающие сферу с семиярусной пирамидой над ней и ослепительным источником света наверху в виде золотого треугольника. На груди Мага висит равноконечный крест с раздвоенными и закругленными концами. Посреди его на тонкой спирали блещет ярким огнем красная точка.

§ 1. О Божестве Абсолютном

«В начале был только Абсолют, Единый Абсолют, другого не было».

Чхандогъя упапишада.

Аркан I Священной Книги Тота возвышается над всеми другими Арканами, ибо он гласит о Первопричине всего существующего, о переходе Абсолюта из пралаи и выявлении Им Активного Триединого Божества, и потому он заключает в себе все принципы мира Проявленного. В этой чистой Природе своей он недоступен познанию, и мы должны спуститься с этих высот и рассматривать этот Аркан в его более низком сечении, когда он является членом *primus inter pares* системы Арканов.

«Абсолют есть Разум, Разум в Его Собственной Сущности; Он есть потому, что Он

есть, но не потому, что Его предполагают; Он есть или ничто не существует».

Элифас Леви.

«Ни одна из наших мыслей не в состоянии понять Бога и никакой язык не в состоянии определить Его. То, что бестелесно, невидимо и не имеет формы, не может быть воспринято нашими чувствами; то, что вечно, не может быть измерено короткой мерой времени; следовательно, Бог невыразим. Правда, Бог может сообщить нескольким избранным способность подниматься поверх естественных вещей, дабы приобщиться к сиянию Его духовного совершенства, но эти избранные не находят слов, которые могли бы перевести на обыденный язык Бесплотное Видение, повергнувшее их в трепет. Они могут объяснить человечеству второстепенные причины Творчества, которые проходят перед их глазами как образы космической жизни, но Первопричина остается нераскрытой и постигнуть Ее можно лишь по ту сторону смерти».

Так говорил Гермес Трисмегист, Учитель Египта, своему ученику Асклепию тысячи лет тому назад. Всеобщая Мировая! Первопричина, Бесконечный и Недостигаемый Абсолют, Вседержитель, «Кого никто же виде нигде же», Эйн Соф, Не изреченный Неведомый Бог Эллады, Истинное Бытие, Единая Реальность — Sat индусов, Zervane-Akéréne («Бесконечный», «Круг времен») Зенд-Авесты, Тот, Кто есть, Кто был, Кто будет — ὁ ἕστως, στήσόμενος — гностиков,^[142] *Божественная Сущность, нашим сознанием воспринимается в виде абсолютного отрицания всякого определения. Абсолют объясняют кзк «Не Это», «Не То» и т. д. только посредством отрицания. — Бог есть Сущий, не могущий иметь Имени — Ἐστε γάρ δ ὦν ἀνώνομος, ибо — Он есть Абстрактное Бытие.*^[143]

«Его Слава слишком возвышенна, Его Свет слишком блистателен, чтобы человеческий разум мог Его понять, чтобы смертное око могло Его узреть».

Зенд-Авеста.

«Бог Един; То, что Едино, не имеет надобности в определенном имени».

Lactance.

«Не может, вообще, человек познать, что есть Бог. Одно знает он хорошо: что не есть Бог: и тогда разумный человек это отбрасывает!».

Мейстер Экхарт.

«Все вещи до рождения сокрыты В Едином и Великом Бытии; Откуда при рождении исходят, В Него по смерти снова погружаясь».

Бхагавадгита, II, 28.

לָא טַתְּלָא מִן שְׁמַיָּא לָא מִן
Талмуд.

Оно есть «Не То» (neti, neti), заповедали нам великие учителя Индии, и мы вслед за ними на всякое слово дерзнувшему что-либо сказать о Нем должны отвечать лишь это вечное «Не

То», ибо — «Он скрывает Свое Имя» Он ненавидит чтобы произносили Его Имя», — как говорили древние египтяне,^[147] — и эта заповедь их хранилась нерушимо на пути веков, неизменно подтверждаемая всеми мыслителями, невзирая на различие условий и времени их жизни.

«Не произноси Имени Господа твоего!».

Исход, 20:7.

«Определять Бога — это отрицать Его!».

Спиноза.

«Всякое понятие Бога есть отрицание Его, и самые попытки определения есть оскорбление Божества».

Фихте.

Вот почему, по учению гностиков валентиниан — Эон Христос научил довольствоваться понятием о непознаваемости Божества-Первопричины, и не дерзать искать проникновения в эту тайну.^[148]

§ 2. О Божестве Творящем, Его Троиединстве и Божественном Тернере

«Как из пылающего огня тысячами вылетают искры, все подобные огню, так, о друг, из Вечного возникают разнообразные существа и снова возвращаются к Нему».

«Как паук выпускает свои нити и снова втягивает в себя, как на земле растут травы, как на голове живого человека возникают волосы, так возникает все из Вечного».

Брахмана ста тропинок.

Когда человек встречается с какой-либо идеей, возможно два случая. Если идея *конечна*, он может, смотря по степени своего развития, подняться или опуститься до нее; почувствовав ее своим духом, он может разумом обнять эту идею так, как футляр^[149] охватывает заключенный в него предмет. Если идея *бесконечна*, а таковая идея только одна — идея о Сущем, то как бы человек высоко ни стоял, подняться до нее он не в силах. *Но человек сам Божественен, так как Атман его есть луч Божества; через эту эманацию Сущего человек может проникать в сферы, навсегда закрытые его разуму, и все усилия его должны быть направляемы лишь к тому, чтобы откровения духа переводить в сознание разума.* Так, Великие Учителя человечества, постигнув сами, претворяли свои небесные откровения в язык земной, и как луч маяка указывает дорогу страждущему кораблю, так свет этих Исполинов духа и разума раскрывает путь всякому, алчущему и жаждущему Правды.

«Индра, Митра, Варуна, Агни, — так именуют Его, а Он златоперистый Гарутман. Мудрые говорят о Едином как о многих; они называют Его Агни, Яма, Матаривша».

«Вознесемся духом к Сущему, из Которого истекает творение, продление и разрушение этой вселенной, потому что Он объемлет все вещи и вместе с тем остается Нераздельным».

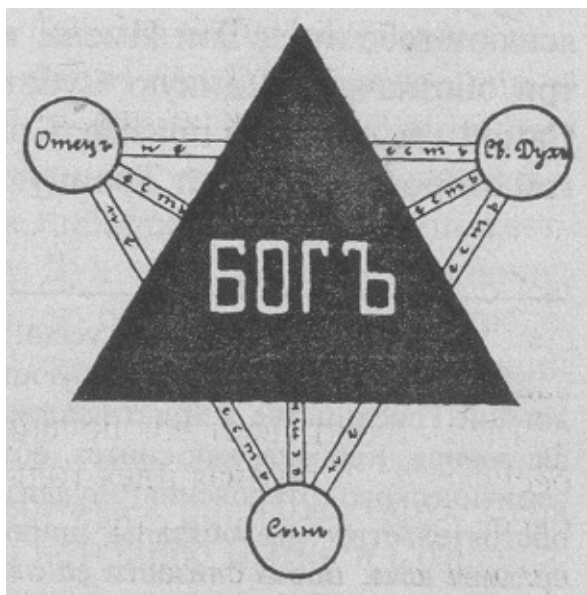
Бхагавата пурана.

«Трудно найти Создателя и Отца этой вселенной, но и найдя Его, невозможно выразиться о Нем языком, понятным для всех».

Платон.

Высшая истина, которая в первоверховном достоинствесвоем лежит в основе всех Посвящений, есть учение о *Триединстве Духа и Троичности всех Его проявлений*; об этой Троице, Единосушной и Нераздельной, и гласит первый тернер Великих Арканов. Триединство Духа определяет Его Субстанциональную Природу, Абсолютную и Совершенную как Самый Дух, с Которым Она по принципу идентична. Внутренняя, сокровенная Природа Духа есть синтез Его субстанциональных категорий, определяющих облик Духа в разуме на

конечных ступенях его развития. Разум не есть конечная цель и первичный источник, коему дан великий дар быть зеркалом Бытия Абсолютного и Его Безначальной Истины. Разум, не может проникнуть в сокровеннейшие недра Духа, но он может проникнуться Им, насытиться Его Светозарной Природой и потому может сам стать светоносцем. Такова верховная цель разума; он не может изъяснить Дух, но с совершенством великолепия Его отблеска, разум превращается в скрижаль Верховного Завета, и вещи словеса на ней начертанного Глагола жгут сердца людей и вызывают в них ответное пламя.

«Древний, да будет благословенно Его Имя, обладает тремя Главами, которые образуют лишь одну Главу; это есть то, что есть наиболее возвышенного между возвышенным. И так как Древний, да будет благословенно Его Имя, представляется числом три (בגיודעתיקא קרישא אתרשם בתלת), то все другие светочи, которые освещают нас своими лучами (другие Сефироты), одинаково заключаются в числе три».

«Божественная Троица образуется из: $\text{רוח קדש בן אלוה אלהים}$ — Бога, Сына Божия и Святого Духа».^[151] Таким образом, Бог имеет Единое Имя, показывающее Единство Его Сущности, но в то же время Он Троичен, и эта Тройственность Едина. Как это тебе не кажется странным, уже эти Имена объясняют тебе это... Эти Имена, которые суть три и которые все три обозначают Единую Субстанцию, тождественную в Себе Самой как тройной призыв: Святой, Святой, Святой... и с другой стороны содержат Троицу: Мудрость, Разум и Науку».^[152]

Абулафия.

Сефер Иецира объясняет существование Единого Бога, показывая нам в области многообразия и множественности присутствие единства и гармонии; ибо таковая целостность не может произойти иначе как от одного Повелителя».

Iehouda Hallevi.

Триединство Духа есть доктрина о Его Существовании в Себе Самом. Первичная Субстанция не может не быть Единой, ибо, в противном случае, Она была бы ограничена;^[155] самое основное определение Ее состоит в том, что Она Всеобъемлюща, т. е. что Она есть исчерпывающее средоточие всей совокупности мировых атрибутов. Понятие о *единстве* возможно лишь при совместном существовании понятия о *множественности*; как то, так и другое одинаково имеют реальное бытие лишь в мире феноменальной природы; в Мире Божественном они претворяются в *априорные потенции*, и притом *первичные*. Единство имеет своим высшим прообразом Бытие, множественность — Сознание; поэтому Дух есть Бытие и Сознание; это Сознание имеет *две потенции*: быть *единым* по природе, или же заключать в себе *множественность*; эти две потенции Сознания соответственно утверждают две потенции Бытия: *Единого Однородного и Единого, как Синтез частных*; множественное Сознание о Своем Бытии, объективируя Себя как таковое, утверждает третью потенцию Бытия и Сознания. Эти три потенции в своей истинной природе при соединении Бытия с Сознанием претворяются в три Ипостаси Духа, Единосущные и Нераздельные. Первый тернер Великих Арканов в своем высшем аспекте есть учение о Триединстве Чистого Духа, и, в силу этого, он в своем целом доминирует и возвышается над всеми другими Арканами и выявляет высочайшую доктрину, до сознания которой человек может подняться. Эта доктрина в своих трех Ипостасях выражается так:

Аркан I есть учение о Едином Однородном Космическом Бытии (*Sat*) — о Первичном Вселенском Сознании, как Единой Реальности.

Аркан II есть учение, о Едином Всеобъемлющем Бытии — о Субстанциональном (*a потому содержащем потенции атрибутов*) Космическом Сознании, как Единой Реальности.

Аркан III есть учение о Едином по сущности, но Тварном по природе Бытии — о Синтетическом (*как интегральная совокупность атрибутов, отдельных дифференциальных аспектов*) Интегральном Космическом Сознании Единой Реальности.

«*Das reine Seyn macht den Anfang, well es sowohl reiner Gedanke, als das unbestimmte einfache Unmittelbare ist, der erste Anfang aber nichts Vermitteltes und weiter Bestimmtes seyn kann. Dieses reine Seyn ist nun die reine Abstraction, damit das Absolut-negative, welches, gleichfalls unmittelbar genommen, das Nichts ist.*».

Hegel.

«Близость святилища дает услышать раздающиеся вместо приветов Божественные Слова: «Познай самого себя», и человек отвечает всем своим существом: «Эл, — Ты еси». Ибо единое наименование, единое определение Божества заключается в утверждении, что Оно *есть*».

Плутарх.

Бог есть Чистое Бытие — необходимо существующее (Вайибул-вууд)».

Учение суфиев.

«Имя, которое обозначает «Я семь» אהיה, нам показывает объединение всего того, что есть, состояние, в котором все пути мудрости еще сокрыты и соединены вместе без возможности разделить одни от других. Но тогда Он намечает линию разделения, когда хотят выделить Мать, несущую в Своем Лоне все вещи и явить их к существованию, чтобы раскрыть Верховное Имя, то Бог говорит, говоря от Себя: «Я Кто есть» ^{158]}. אהיה. אשך] Наконец, когда все уже облечено формой и вышло из Материнского Лона, когда каждая вещь имеет свое место, и когда хотят определить сразу Качествование и Бытие, Бог именуется *Иегова* или «Я есмь Тот, Кто есть» אהיה אשך אהיה. Таковы суть тайны Святого Имени, открытые Моисею, и знание которых ни один человек не разделил с ним».

Зогар.

Первичность понятия о Трансцендентальном Бытии проходит красной нитью через большинство религий, учений и философских систем. Древнейшая формула этой доктрины была дана древним Египтом:

«Я есмь Тот, Кто есть»! ^[160]

Это есть высочайшая степень выражения Бытия через тройственное его утверждение, ибо в понятиях «Я», «есмь», и «есть» одинаково заключается Бытие, а потому эта формула в сущности гласит: «Бытие — Бытие Бытия». В полной гармонии с египетской формулой гласит философия Вавилона. В египетско-ассирийском отделе Британского музея находятся три небольшие потрескавшиеся таблички из глины, относящиеся к царствованию Син-Мубалита и его сына Хамурапи; они равно содержат формулу:

т. е. Jahve есть Бог». А так как «Jahve» значит^[161] — «Сущий», «Постоянный, «не Подверженный изменению», «Существующий вне времени и проявляющий Себя в подчиненной вечным законам вселенной», то мы убеждаемся в *полном тождестве* вавилонской формулы с египетской. Через автора Пятикнижия эта формула целиком перешла в Тору —

«Бог сказал Моисею — Я есмь Сущий».

Исход, 3:14.

Зародившись в Египте, эта формула с одной стороны через Тору вошла в Каббалу, а с другой была воспринята философами Греции. Знаменитый средневековый мистик и каббалист Рейхлин в своем труде «О Слове Чудесном»^[162] сопоставляет воззрения Платона и Каббалы, устанавливая полное тождество в выражении ими этой доктрины.

אֶהְיֶה אֲשֶׁר אֶהְיֶה — «Ego sum qui sum».

Каббала.

«τό οὕτως ὢν»,

Платон.

Учение иерофантов Египта, частью в прямой преемственности, частью через посредство каббалистических течений евреев, совместно с философией Эллады вылилось в неоплатонизм и гностицизм. При этой передаче доктрина о Бытии как Высшей Первичной Трансцендентальной Категории Божества была воспринята в полной чистоте.

«Бог есть Совокупность и Первоисточник потенций Бытия».

Симон Маг.

«Она была, когда ничего не было, только это *ничего* не относится к чему-нибудь из сущего (т. е. к реальному миру), но, говоря просто и ясно, без всяких софизмов, Она была до небытия. И когда я говорю — была, я не хочу сказать, что Она была, но лишь обозначаю свою мысль, говоря, что было Преведущее Ничто. И Это не было То, Что называется Неизреченным, ибо Неизреченным обозначается Нечто, а Это даже не

Неизреченное, ибо Оно превыше всякого слова или обозначения».

Василид (гностики).

Отзвук этого учения дошел и до наших дней, запечатлевшись в философии и мистицизме новейшей истории Европы.

«In conceptu entis summe perfecti existentia necessaria continetur».

Декарт.

Эти взгляды разделяет также и Сен-Мартен, знаменитый «неизвестный философ» — апостол мартинизма.

«Несовершенство, присущее временным вещам, показывает, что они ни равны, ни со-вечны с Богом и раскрывает в то же время, что они не могут быть перманентными как Он, ибо их несовершенная природа, не содержа совершенно Сущности Божества, Которой Единой присуще совершенство жизни, должна мочь терять жизнь или движение, которые она могла получить; Истинная же Природа Бога есть Непреложное Бытие, т. е. Бытие Безначальное».

Сен-Мартен.

«Бог вечен и вечно неприменен; Он есть Тот, Кто есть, наше же бытие заемное; горделиво мы скажем, если назовем оное каплей Его Сущности. Пусть светила померкнут, и миры, в которых мы столько удивляемся порядку, согласию, красоте и великолепию, распадутся; мы же, ползающие муравьи, пусть обратимся в прах, а духи со всеми тварями в ничто, — но и тогда останется еще Бесконечное, Беспредельное Существо, Неизмеримое Бытие Того, Который Один только сказать может: «Я есмь Тот, Кто есть».^[167]

«Он есть Тот, Кто был, и будет Тот, Кто есть, и есть Тот, Кто будет.^[168] Он Бытием Своим превосходит всех тварей — Он Начало и Источник, из Которого всякое конечное бытие, одно после другого, истекает, однако ж так, что сие не переменяет и не истощает Его Существа».

Эккартсгаузен.^[169]

Творчество есть Проявление Субстанциональной Сущности, есть выход Ее из состояния Нераздельного Единства, есть перенос Сознания во вне этого Единства через изменение вида Самосозерцания. *Единичность Бытия есть синоним отсутствия критерия, стремление к каковому определяет сущность Сознательного Бытия; нераздельность. Единство есть поэтому отсутствие Самосознания; это есть продление, но не жизнь, это есть бытие и небытие.* Праляйя, т. е. Непроявленная Субстанция, не только непостижима в силу ограниченности познающих начал человека, но и более того, — это есть *махитим махитогим* возможных противоречий. Праляйя есть только метафизическая идея, это есть лишь постулат, начало всякого миропонимания, имеющий свой *raison d'être* в том, что оно определяет абсолютным образом начало всех относительных построений. Проявление Субстанции есть не свойство Ее, могущее быть и могущее не быть, а самое Ее Существо, так как лишь с проявлением

Субстанция Себя утверждает. *Мировое Творчество как таковое есть утверждение Божества в Себе Самом.*

«Энергия Бога есть Его Воля; Его Сущность есть Желание, чтобы Вселенная была, ибо Бог, Отец и Добро, суть не что иное, как Бытие того, что еще не существует».

Гермес Трисмегист.

Субстанциональное Творчество есть расчленение Самосознания Сущности, это есть выявление потенциальной возможности бытия Ее отдельных аспектов, как самостоятельных субстанций второго рода, аналогичных Субстанции Основной. Дальнейшее изменение Целостного Самосознания осуществляется Основной Субстанцией уже через посредство этих отдельных аспектов. Отсюда следует, что Субстанциональное Творчество первично по Природе и не может иметь продления, Оно заканчивается в момент порождения идеи творчества как таковой и ею исчерпывается. Таким образом, акт мирового Творчества есть акт выявления идеи о нем Божественной Сущностью, как следствие противопоставления ей Мирового Инертного Начала, Абсолютного Ничто.

«Праджапати, Господь всего создания, возжелал: «О если бы Я был не Один, если бы Я умножился!»... и прежде всего Он создал Брахму».

Сатапатха брахмана

Мысль есть внешнее проявление воли, идея мысли есть самое существо этой воли. В процессе мышления до его выявления в конкретную форму выявляются все те атрибуты, по которым только мы и познаем силу самодовлеющую. Мышление конкретное есть реализация во вне волевых импульсов; мысль сама по себе есть источник силы и только в человеческом мире она как таковая отделена еще от ее реализации; в Мире Божественном этого разнствования нет и *мышление есть осуществление воли*. Вот почему Мировое Творчество, порождение Абсолютом Идеи Творения, есть выявление Им Творящего Божества, Которое является синонимом эманированной во вне Воли Эйн Софа.

По отношению к Триединому Творящему Божеству Аркан I гласит о Его Существо как о Воле Абсолюта, эманированной во вне, для осуществления реализации принципов Бытия и Небытия в мире природы.

«В начале Бог сотворил небо и землю. Земля же была безвидна и пуста и Дух Божий носился над бездной». — Так Бытие раскрывает тайну, что Творчество Абсолюта выливается лишь в создание идеи творения, чрез утверждение дилеммы Неба и Земли; дальнейшее Творчество осуществляется уже Его эманацией, Идеей Творения, которая есть Дыхание Бога. Фабр д'Оливе^[170] так передает точный текст начала Книги Бытия:

1. «В начале Элоим, Существо Существ, сотворил в принципе (берешит) то, что составляет существование Небес (Шамаим) и Земли (Аретц).

2. Но земля была только потенциальное пространство в метафизическом абстрактном пространстве (тоху во боху). Темнота (Хошек), сила вяжущая и сжимающая, обнимала бездну (Тгом), бесконечный источник потенциального существования и Дух Божий (Руах-Элоим), Дыхание расширяющее и оживляющее (приготавливающее пространство к свету), проявляло силу своего порождающего действия, проникая Воды (Маим), состояние универсальной пассивности вещей».

Идея Мирового Творчества есть Аспект Самосознания Божества, а потому Она также

является Аспектом Самого Божества; этот творческий Аналог Абсолюта есть *Божество Творящее*. Через посредство этого деятельного Аналога Своего Непостижимая Первопричина утверждает Себя в комплексе Своих расчлененных аспектов. Каждый отдельный аспект рождается из Божества, а потому он есть Его эманация; выявляя аспект и утверждая его в относительном мире, Божество в нем отражается; поэтому *Творчество есть одновременно Эманирование, Выявление и Отражение*. Идея мысли есть связующее звено между эманлирующим центром и самой мыслью как таковой. Это и приводит нас к Доктрине Аркана I: *Творящее Божество связывает меж собой Абсолют и Мир Проявленный*. Отходя от Непознаваемой Первопричины, человек обращается к постижению Творящего Божества в совокупности принципов творчества и последовательной цепи законов, по которым оно протекает; поэтому Божество Творящее есть Абсолютный Источник всякого познания вообще и его Конечная Цель.

«Бог есть Абсолютный и Вечный Брахман, точно так же, как и Отец вселенной. Неделимый Брахман подобен безграничному, безбрежному океану, в котором я могу только биться и утопать, но когда я приближаюсь к вечно деятельному Божеству, я обретаю мир как утопающий человек, который приближается к берегу».

Шри Рамакришна Парамахамса.

Аркан I раскрывает испытующему духу нашему основную доктрину, что возникновение мира есть следствие Проявления Божественной Сущности, захотевшей познать Себя в Своем творении. Она отразилась в Ей же порожденной Мировой Пассивности и перешла в этом отблеске Своем в состояние динамическое, воспринимаемое человеком в виде Трiediного Творящего Божества. Его Троичность является аспектом Троичности Абсолютной и познается в Динамическом Тернере, составляющем второе, низшее сечение Триады первых трех Великих Арканов.

Аркан I гласит о Мировом Творчестве как переходе Абсолюта из состояния прапайи в состояние динамического отражения выявленного Им Трiediного Творящего Божества в выявленной Им же Самим Мировой Пассивности (Космической Среде, Высшем Астрале Аркана XXII).

Аркан II гласит о Мировом Творчестве как следствии выявления Божественной Сущностью Мировой Пассивности, отражаясь в которой Трiediное Божество выявляло из Себя Свои образы, и обволакиваясь которыми Оно и породило принцип Майи — Мировой иллюзии.

Аркан III гласит о Жизни Мироздания как отблеске в волнах иллюзии Истинного Бытия Сущего в Его пралайе.

«Тот, Кто создает безостановочно миры — Троичен. Он есть Брахма-Отец, Он есть майя — Мать, Он есть Вишну — Сын, — Сущность, Субстанция и Жизнь. Каждый заключает в себе двух Остальных и все Три составляют Одно в Неизреченном».

Упанишады.

Трiediное Творящее Божество, как Эманация Абсолюта, в Существо Своем в принципе Непостижимо; но человек может стремиться к Нему и постигать приближением; при этом в его сознании Оно претворяется в систему трех принципов, которые и составляют внешний аналог Божественной Триады, именуемый *Первым* или *Божественным Тернером*. Человеческий разум,

стремясь к синтезу, выявляет из множественности дифференциальных частных общие принципы, из которых эти частности вытекают как следствия. Таким путем человек постепенно создает в своем сознании метафизические концепции, которые существуют лишь абстрактно и как таковые непосредственно не наблюдаются. Выявление каждого общего принципа есть сознательное и искусственное разрывание его связей со всем тем, к чему он тяготеет. Чем выше принцип, т. е. чем совершеннее был произведен синтез, тем более сильно его тяготение ко всему, что с ним связано. *Всякий синтез человека есть постепенное накопление в выявляемых им в своем сознании принципах огромной потенциальной мощи.* Продолжая свои синтезирующие построения до абсолютного максимума, человек и приходит к постижению Первого Божественного Тернера. Если теперь человек устранит все ограничения, то этот Божественный Тернер, в силу взаимного тяготения своих членов, превратится в Единую Нераздельную Троичность, которая и есть Творящее Божество. Сделать это человек не может, ибо с этого момента его Тернер ускользает из его сознания и претворяется в Божество и в Его отражение — в мир, из которых Первое непостижимо вследствие Своей сверхчеловеческой Божественной Синтетичности, а во второй — вследствие своей дифференциальной раздробленности. Итак, Божественный Тернер представляет из себя последнюю грань, которую человек в принципе может достигнуть. Это есть построение искусственное, он должен это всегда твердо памятовать, но, вместе с тем, это есть единственный путь, в абсолютном значении этого слова, по которому он может вечно познавать приближением.

«Не может быть разобщенности в этом неподверженном превращению, не имеющем формы, неуловимом Абсолютном Бытии, Которое выше отношений субъекта, объекта, орудия, Которое всегда полно, как вода, затопляющая все во время великого потопа. В нем тонет причина иллюзий, как мрак в лучах света; по истине, не может быть разобщенности в Нем, в Высшей Сущности, не имеющей отличительных признаков, вечно Единой, второй подобной Которой не существует».

«Вивека Чудамани».

Первый Божественный Тернер лежит в основе всех религий земли. В своем существе он представляется целостным и вполне определенным понятием, но во внешних своих проявлениях он запечатлен в них в различных формах, которые, однако, могут быть сведены в три группы:

Первая: Как воды фонтана с силой устремляются вверх, поднимаются на высоту, гордясь своим мощным полетом, возвышаются и затем снова падают, чем дальше, тем все быстрее, чтобы вернуться в среду, из которой они были рождены впервые, — так и мир, как в великом, так и в малом, всегда и неизменно рождается, блещет, сияет и радуется в кульминации своего развития и вновь нисходит, чтобы раствориться в пучинах неведомого. Таково представление о Божественном Тернере в виде *закона последовательности*, сюда относятся: культ Брахмы, Вишну и Шивы, учения, легенды и мифы о трех Парках, трех Норнах,^[173] о суточном пути Озириса, Аполлона и Феба.

Вторая: Отец, Мать и Сын, Начало Активное, Начало Пассивное и Начало их взаимодействия. Такое выражение Божественного Тернера было наиболее распространено: Молох и Ащера, Ваал и Танита, Зевс и Афродита, Озирис и Изиды, Мардук и Бэллита, Бэлл и Эа, Брахма и Майя, Тримурти Индии, Трехликий Янус и вообще все фаллические культы.

Третья: Дух, Разум и Сила, т. е. учение о Демиурге по Каббале и гностикам, учение Аверроэса^[174] о Мировой Душе, тернер Индии: Ар, Ари и Виради.^[175] Все эти учения сводятся к идее о самодовлеющей силе, порождающей себе противопоставление в виде Пассивного Начала,

отражающейся в нем и порождающей, таким образом, мир из небытия.

Аркан I, гласящий о Целостном, Божественном Тернере, в следующем низшем сечении своем гласит о Мировом Активном Начале и здесь впервые становится равноправным членом со II и III Арканами Священной Книги Тота.

§ 3. О Мировом Активном Начале

Мировая Первопричина или Божество воспринимается сознанием человека прежде всего как высочайшее развитие принципа самодовлеющей силы. Субстанциональность, т. е. независимость от внешнего и самобытность как каждого данного проявления, так и самого принципа всякого проявления вообще, и составляет важнейший атрибут понятия о Божественности. Всякое конкретное проявление Субстанции по своей природе лежит ниже понятия о субстанции как таковой.

«Субстанция по природе первее своих состояний».

Спиноза.

Как проявление само по себе, так и результаты этого проявления суть атрибуты Субстанции; возникая к бытию, они тем самым координируют в Субстанции соответствующий им аспект; этот аспект, осуществляя проявление, эманурует во вне силой своей собственной мощи часть своей сущности, бывшей дотоле в состоянии потенциальном, переводя ее тем в состояние объектированного бытия.

Активностью я называю то Начало, которое управляет субстанциональным проявлением, т. е. проявлением независимым, осуществляемым силой и ресурсами проявляющейся сущности. По отношению ко всему космосу это Начало претворяется в мировое Активное Начало, являющееся в нашем сознании естественным прообразом Творящего Божества; оно именно осуществляет как мировое творчество, так и все течение последующей жизни мироздания. Всемирное Активное Начало, как сущность Божественного Тернера, лежащее в основе всего Мира Проявленного, может быть познаваемо лишь по его атрибутам, классифицированным в строгую и определенную систему. Через эти атрибуты свои Активное Начало входит в существо всех отдельных проблем и задач, лежащих пред человеком, а потому, отойдя от недоступного его целого, мы должны перейти к постижению его отдельных проявлений, о котором гласит вся система Великих Арканов.

§ 4. О Воле и Вере

Дилемма пралайи и Проявления определяет собой конечный предел воспарениям разума, ибо он здесь доходит до утверждения состояний самой трансцендентальной природы духа. Состояния духа и модусы его самосознания зиждутся на *продлении*; будучи нуменальными потенциями духа, пралайя и Проявление сами по себе имеют нуменальную природу, являются недвижимыми и совершенными прообразами всего комплекса дальнейших категорий, нисходящих по порядку синтеза, и соответствующих им реализующих факторов. Этим основным нуменальным модусам духовного самосознания соответствуют в феноменальной природе два модуса самоутверждения духа, могущие иметь различную степень совершенства

(синтетичности), но во всей совокупности конкретных манифестаций по законам среды представляющие собой совершенные аналоги модусам нуменальным; эти два вида самоутверждения суть *Воля* и *Вера*.

Вера есть стремление человеческого духа замкнуться в себе самом через игнорирование, отрицание, пренебрежение всякой утвержденностью вообще; *экстаз веры* есть высшая степень отчужденности от феноменального мира, забвение опыта, забвение всех средств феноменальных чувствований и утверждений, забвение собственной личности; человек целиком погружается в неизведанные глубины и тайники своего духа, он входит в живущую в нем тайну и застывает в трепете сознания «аз семь». Велик и сладостен этот «миг! Немногим его суждено пережить, а те, кто проник в этот Свет Незримый — не находят средств, чтоб передать другим людям все упоение беззвучного созерцания.

Чистый дух есть все, но выразить его ничто не может; «он есть», и в этом бытии есть все; в нем нет вопросов, нет сомнений, нет жажды, нет исканий, нет смен; «он есть», и в этом его сознании есть все; он ощущает себя, он проникает себя, он живет в себе, он исполняется собой и в величественном ритме вибраций своего светоносного «семь» он опьяняется ароматом своего бытия. *Вера* есть предвосхищение Небесного Эдема, есть сознание Божественности своей природы, непоколебимая убежденность, что таящаяся искра духа воспрянет и развернет свои возможности. *Вера* не требует ничего для своего укрепления и рождается вне зависимости от эмпирического опыта; она есть чувство истинного самосознания, а потому зависит лишь от степени бодрствования человека; воздействия извне могут дать толчок к возникновению в сознании чувства веры лишь подобно камню, упавшему на голову спящего человека и заставившему его невольно открыть глаза и увидеть то, что пред ним давно непосредственно находится. *Вера есть внутреннее самосознание духа; человек постольку верит, поскольку он чувствует собственный дух; совершенное духовное сознание есть полная вера, а потому достижение полноты веры есть достижение полного духовного сознания.*

«Вера есть чувство бесконечного, благородное сознание себя самого».

Элифас Леви.

Воля есть стремление человеческого духа разобраться в себе через выявление, разграничение и утверждение отдельных своих возможностей, бывших дотоле заключенными в потенциальном виде; *экстаз воли* есть высшая степень погруженности в феноменальный мир, забвение созерцания, забвение всей многокрасочности и глубины колоритов его величавого течения, забвение сознания своего «Я». Человек целиком погружается в перспективную картину мира, в нем рождается способность частичного забвения, он начинает упиваться красотой форм, наивностью цветка и бешенством бури. Человек начинает жить во вне себя, он роднится с миром, целиком входит в него, живет его жизнью, вполне отождествляется с ним; такова *пассивная воля* Живя жизнью мира, человек другой стороной своего существа объективирует опытом свою личность и утверждает свое «Я». Входя в конкретную форму жизни, он с одной стороны живет в ней, как части мира, а с другой созерцает ее, как часть своего «Я»; первой стороной он отрицает себя, а второй он себя творит. В этом творчестве человек доходит до высшего напряжения воли, все существо его томится сладкой негой смерти и возрождения, оно наполняется могучим вибрированием, он разрывается на части и сковывает себя могучей рукой. *Экстаз творчества, истинная магия духа, есть мгновение предельной красоты, блаженства почти нестерпимого, счастья конечного...* Например, человек впервые видит море и он отдается ему... его дух наполняется его могучим раздольем, он чувствует, еще немного, и он вознесется над

ширью средь синевы вод и неба, но какая-то другая сила щемит его грудь, приковывает к земле, шепчет о его ничтожестве; мгновение он чувствовал себя исполином и вдруг увидел себя пигмеем... Таково всякое творчество! Тот, кто испытал его, кто во всеоружии Высшего Знания приобщался к нему, кто испытал восторг реализации, знает также и его *страдность* Эти могучие переживания передать нельзя, и тот, кто сам не знает, не поймет меня!..

В творчестве дух исполняется самосознанием, он начинает чувствовать, ощущать свою реальность, в нем не рождается жажды дальнейшего самоопределения, не возникают вопросы, не появляются сомнения, он целиком уходит в упоение своей властью, своим достоинством, своими возможностями. Ощущая свое творчество, входя в свою реализующуюся волю, дух живет в своем творении, исполняется чувством самоутверждения, всецело увлекается инволюющим ритмом своих вибраций. Воля есть реализация Божественности достоинства человеческого духа, она есть нуменальный аспект духа, а потому ни от чего не зависит и ничем не обуславливается. Будучи природным свойством духа, воля не зависит от эмпирического опыта; соответствуя в своем высшем развитии совершенному духовному самосознанию, начало воли проявляется в человеке постольку, поскольку он может его воспринять в зависимости от своего развития; таким образом, человек не создает волю путем опыта, а лишь реализует ее, выявляя возможность ее активному проявлению. *Воля есть внешнее самосознание духа, человек постольку обладает волей, поскольку он сознает свой собственный дух; совершенное духовное сознание обладает совершенной волей, а потому достижение полноты власти над волей есть достижение полного духовного сознания.*

«Вся жизнь, во всех своих проявлениях и формах, создана Божественной Волей. Человек, как существо, созданное по образу и подобию своего Творца, заключает в себе великие задатки творческой силы и, в том случае, если его воля не противоречит Божественной Воле и гармонирует с Ней, он может развить ее до громадных размеров. В таких условиях человек может создавать формы жизни. Истинный адепт обладает такой волей, которая способна создания воображения наделять объективной, действительной жизнью — насколько действительна жизнь всяких видимых форм в области материи...»

Всеволод Соловьев.

Воля и вера, одинаково присущие чистому духу, неразрывно связаны между собой по самой своей трансцендентальной природе: *воля есть активная, кинетическая, утверждаемая во вне вера; вера есть пассивная, потенциальная, утверждаемая внутри воля.* Будучи связаны между собой в своем высшем развитии единством субстанционального духа, воля и вера остаются неразрывными во всех феноменальных проявлениях. Вся человеческая жизнь, вся деятельность обуславливается веянием его духа, неизменно выливающимся в одну из этих его основных категорий. Постольку, поскольку человек живет внутри себя, поскольку он разбирается в своих единичных способностях, свойствах и качествах, поскольку он отдает себя внутренней переориентировке своих элементов и их анализу, постольку человек живет преимущественно *верой*. Постольку человек проявляется в окружающей его среде, поскольку он утверждает себя в ней, поскольку он черпает из нее и объективирует свой дух в конкретных аспектах, постольку он живет преимущественно *волей* Как в том, так и в другом случае, одинаково, во всяком отдельном своем действии человеческий дух обнаруживает свое субстанциональное достоинство в обоих этих аспектах. *Никакое волевое действие невозможно без наличия веры, и, наоборот, вера неизменно сопутствует всякому волевому действию.* Первичные простейшие восприятия

даются верой; воля их утверждает. Утвержденные простейшие элементы кладут основание зданию веры, побуждающей волю к дальнейшим восприятиям и объективированиям. Всякое сложное восприятие является следствием предшествующих волевых построений, утверждаемых и утверждающих веру в должствующее быть восприятия; в силу этого самое осуществление восприятия есть реализация как воли, так и веры. Переходя от внешних восприятий к внутренним, на место восприятия из среды становится вывод или восприятие интуицией, но самая техника остается неизменной. *Человек способен осуществить действие только тогда, когда он верит а свое дело, вера всегда есть следствие волевых усилий, устраняющих сомнения.*

«Все чудеса обещаны вере, но что такое вера, как не смелость воли, которая не колеблется во мраке и идет к свету чрез все испытания, преодолевая все препятствия?»

Элифас Леви.

Воля и вера, связанные единством источника, остаются, таким образом, действительно неразрывными между собой во всех видах проявлений.

§ 5. О Человеке совершенном и иероглифе Аркана I

«От солнца я веду свой древний род».

Мирра Лохвицкая.

Проявление Божества есть изменение Его Самосозерцания, есть рождение в Едином множественности, есть утверждения бытия субстанциональных частных, отдельных аспектов Единого, одинаково Ему подобных, но расчлененных разнством индивидуальностей — форм духа. Божественное Проявление протекает и ограничивается сферой чистого духа; его конечный этап — это рождение индивидуальной монады, тоже единой и бесконечной, но только по отношению к своему частному миру, аспекту мира вселенского. Дух отдельного человека, будучи аналогом и подобием Целого, вместе с тем выражает все мироздание в своем собственном, ему одному присущем освещении; на этом и основывается как многообразность, так и гармония всех творений.

«Каждая субстанция (монада) выражает всю вселенную, но одна отчетливее, чем другая, вообще каждая относительно и в зависимости от ее особенной точки зрения».

Лейбниц.

«Вечная индивидуальность человека, данная ему от Творца, основа его характера и расположения не может достигнуть высшего совершенства, как то, которое заложено в возможностях (потенциях) его существа, хотя все люди как в отношении воли, так и возможности предназначены к богоподобному и, следовательно, тому же самому совершенству».

Г. Мартенсен.

Единичный аспект Божества, определенная Совокупность Его потенций, объективированная

видом тональностей, представляет собой элемент *космической системы возможностей*. В своей истинной природе он есть часть Нераздельного Целого и имеет лишь чисто *абстрактное* существование, возникающее из ничто одновременно с рождением в Божественном Сознании возможности ограниченного бытия в соответствующих пределах. Первичное Божественное Творчество и состоит в выявлении индивидуальных единичных сознаний, модусов Сознания Космического, утверждающих бытие монад в виде quasi-независимых субстанций второго рода. Дальнейший ход Самоутверждения Реальности осуществляется уже через посредство вселенской семьи монад и их сознаний; каждая из них, утверждая себя как таковую, вместе с тем, утверждает и все Божественное Целое.

«Я был на высокой горе и узрел Великого Человека и рядом маленького. И услышал громовой голос и приблизился, чтобы расслышать глаголемое. И он изрек: «Я — ты, и ты — Я, и где ты, там и Я; и Я во всем и где бы ты ни пожелал, собираешь ты Меня, и собирая Меня, собираешь и себя».

Евангелие Евы.

Конечная цель человека есть достижение сознания своего достоинства первородного, обратное возвращение в Область Безначального Света как по праву своей природы, так и в силу достижения полноты самосознания духа. Аркан I как учение о первичном бытии монады в виде аспекта Божества, имеющей вначале лишь абстрактное существование, а затем утверждаемой в реальность работой активного сознания Мира Бытия, в своем начертании и выражает вневременного человека в виде конечного синтеза всех его кармических деяний. На этом иероглифе пред нами стоит Победитель, разорвавший оковы времени и меры относительного мира; прошедшее и будущее здесь слились с настоящим в едином вечном мгновении. *Все отдельные состояния, все конкретные стремления, успехи и неудачи с устранением протяжения по времени синтезируются в конечном апофеозе всех исканий, а отдельные этапы путей к нему нисходят на уровень единичных возможных следствий.*

«Бодрость духа есть основа силы, основа надежды, залог достижения. Человек должен быть вечно бодр, должен не допускать развиваться сомнению в себе самом. Он должен помнить, что он сын Божий, цезарь мира сего, его призванный повелитель. Он должен добиться того, чтобы даже в минуту скорби, тоски и отчаяния, в тягостный час разрыва с Целым, в минуту падения своего — вечно памятовать: ты сын Божий, — и горе оставит его. Он должен быть вечно на страже, быть полон решимости и сознания силы своей, как Маг в иероглифе Аркана, быть вечно готовым ступить в борьбу, как застыл в своем движении Повелитель, наклоненный вперед и выдвинувший правую ногу Но, вместе с тем, человек не должен давать яду гордости проникнуть в душу; он должен соразмерять силу свою, брать вещь такой, как она есть, не преуменьшая, но и отнюдь не преувеличивая ее значения. Он должен постичь искусство, в минуты самой ожесточенной борьбы не отдавать никогда на борьбу все силы свои, все свои знания, всю свою мысль, памятуя, что в борьбе побеждает тот, кто сумеет сохранить до конца неиспользованной хотя бы часть своего оружия. Эта мысль запечатлена на иероглифе Аркана I тем, что левая рука Мага согнута в локте: это выражает готовность в любой момент реализовать скрытые в нем до поры до времени силы.

Цвет одежд Мага — это цвет юности. Человек должен стремиться к тому, чтоб сердце его вечно оставалось юным; при всякой встрече в жизни, надо видеть в ней

прежде всего хорошие стороны, так как если потом и наступит разочарование, оно никогда не в силах будет погубить уже полученное благо. Великий Маг — это наш старший брат. Было время, когда рожденная из Непорочного Света Божественная искра его лишена была пороков, но лишена была и мудрости, и его чистые одежды блистали как снег. Веками скорби, в годину печали, они поблекли, мрак окутал его, вся чистота и непорочность ушли в самую глубь его существа, жизнь же еще не научила мудрости, — и был он черным. Но потеряв все, растратив все свои богатства, он начал получать извне, начал воспринимать иные вибрации, начал поглощать их и претворять их в свое существо. И мрак стал просветляться, он насытился светом и стал вновь лучезарным, но свет этот стал уже не холодным, спокойным и белым; тысячелетия страданий своих и лицемерие страданий миллионов других существ согрели его сердце; свет стал теплым, одежды Мага стали розовыми и вновь совершенными, как золото, мерцающее в их складках.

Человек должен твердо памятовать, кем бы он ни был, великую заповедь: «не теряй почвы под собой!». Сколь безмерно высока ни была бы высь, в которую возносится его дух, как ни велико было бы искушение забыть про мир земли, мир скорби и вечного плача, — он не должен давать этому обманчивому голосу ввести себя в заблуждение. Самое сильное высокое дерево глубоко уходит корнями в землю; как бы могуче оно ни было, если нет крепкой связи с землей, порывы ветра свалят его. Как бы силен он ни был, есть силы сильнее его, и в миг, когда он перестанет (как Антей) черпать силу земли, он уже будет осужден на неотвратимую гибель. Человек — это целый мир, и его высшая цель, его высшее назначение — это быть посредником между Небом и Землей; он должен связывать их в Единое Целое, должен давать им возможность черпать силу взаимно друг в друге, — вот что выражает поза Мага, указывающего правой рукой на небеса, а левой на землю. Человек должен помнить всегда, как безмерно велика награда, ждущая его, как бесконечно высока цель, к которой он стремится, тогда он поймет, почему путь так долг, так труден и так непонятен времени. Мир был бы слишком несовершенен, жизнь была бы слишком скучна и однообразна, слишком непривлекательна была бы победа, если бы путь к ней был бы прост, ясен всегда и не имел бы препятствий. *Из непостижимого многообразия путей человек прежде всего черпает своей душой понятие о бесконечности.* Препятствия, встречаемые человеком, никогда не преграждают ему путь; если он и отступает временно перед ними, то это показывает только, что еще не пришла пора их победить. Чем выше идет человек, тем препятствия менее влияют на него. В начале его эволюции непробудившийся дух еще не сознал себя, не нашел в себе Божества, не познал путей, не познал и цели, а потому сама жизнь его устраняет возможность губительного шага; она как бы создает вокруг него стену с более слабым сопротивлением с той стороны, куда он должен идти, и тем задерживает его при всяком неосторожном шаге. При достижении высших ступеней человек находит, наконец, себе опору в себе самом, ибо тысячелетия опыта и громадность познаний сообщают ему столь колоссальную инерцию, что факторы извне уже неспособны пагубно повлиять на него. На Маге одет кожаный пояс — это остаток былых оков; они уже не сдерживают его более, они не только не мешают ему, но сами служат ему орудием, дают его высшей стороне сдерживающую власть над низшей. «Нет такого таинства в натуре, которое бы вовсе было неизъяснимо; все закрыто от нас для того, чтобы возбудить волю нашу к стремлению за Истиной, и чтобы известь нас из того состояния, в которое мы ниспали».

На челе Мага видна золотая змея, кусающая свой хвост, — это символ законченности и совершенства как в великом, так и в малом. *Человек тогда могуч непреодолимо, когда он замкнут, высшая степень замкнутости — это слияние с мирозданием* Знак бесконечности над головой — свидетельствует о величии исполненной задачи, о законченности и совершенстве Победителя.

Вдумываясь в иероглиф Аркана I, вглядываясь и тщательно анализируя отдельные его детали и их взаимные между собой соотношения, мы можем трактовать этот символ в различных его сечениях; вместе с тем, мы можем убедиться что весь этот иероглиф в своем целом проводит одну доминирующую идею, в то время как отдельные частности символической картины показывают лишь единичные аспекты этой идеи или выявляют путь их реализации. Основная идея Аркана I выражается всей позой Мага. — В Мире Божественном Аркан I гласит о Божестве, осуществляющем Акт Мирового Творчества порождением из Своего Существа дилеммы Неба и Земли; по отношению к целостному совершенному человеку, Адаму-Кадмону, Аркан I гласит об осуществлении Мирового Творчества, как восприятию человеком мощи, изливаемой на него из Мира Божественного и передаче ее и претворении в Мир Земли. В мире человеческом Аркан I гласит о Первоверховном Маге, как последнем и высшем этапе развития человека, когда он, в силу своего совершенства, действительно становится посредником между Небом и Землей. Наконец, по отношению к обыденному человеку, Аркан 1 гласит о его призвании быть посредствующим связующим звеном, свободным и разумным меж Горним Миром, его законами и принципами и миром природы, который он своим действием и призывает к жизни. Все это вместе и выявляет доктрину Аркана 1: *«Всякая субстанциональная сила мира Проявленного, т. е. всякий дух, эмалированный от Божественной Сущности, является связующим звеном между Абсолютом и миром майи, и именно чрез посредство этих субстанций второго рода и осуществляется Творчество»*.

На столе пред Магом стоит чаша, лежат меч и сикл, а в своей поднятой правой руке он держит жезл; эти четыре атрибута Мага гласят о внешних проявлениях его власти и достоинства, в то время как фигура его самого выражает идею самой субстанции. Всякое проявление самодовлеющей силы в нашем сознании познается в четырех аспектах, принципы которых составляют кватернер, издревле именуемый *кватерне-ром четырех стихий* Атрибуты Мага лежат на столе, кроме жезла, который он держит в руке; они не составляют его сущности, а потому они лежат вне его, лишь жезл, как символ его власти и достоинства Божественного, с ним неразделен.

Аркан II

I. Традиционные наименования:

Изида, Gnosis, Врата Святилища, Панесса

II. Буква еврейского алфавита:

כ (*Бет*)

III. Числовое обозначение:

Два.

IV. Символическое начертание:

Пред массивным каменным пилоном — входом в храм, на гладком полированном кубическом камне сидит Женщина; ее обнаженное тело невольно поражает своим восковым, янтарным, полупрозрачным цветом; его линии очень остры и рельефны. Ноги плотно сжаты между собой, и ее застывшая поза с совершенно вертикальной спиной кажется несколько неестественной, на ногах одеты золотые сандалии, на шее узорчатое золотое кружево, слегка прикрывающее верхнюю часть спины и груди. В правой руке, прижатой к сердцу, она держит свиток папируса, лежащий частью складками на коленях и ниспадающий до ступеней ног. В левой руке она держит цветок лотоса, кисть ее сильно сжата и крепко охватывает стебель. На голову наброшено дымчатого цвета чуть прозрачное покрывало, ^[184] закрывающее колени и часть папируса, почти совсем скрывая их от глаз. На голове надето нечто вроде металлического шлема; на нем укреплены два рога, поддерживающие шар. Непосредственно сзади Женщины на фоне пилонна ясно вырисовываются две могучие колонны, поддерживающие портал. ^[185]

§ 1. О Великой Матери всего существующего, о Изиде Божественной

«Как трепещут они в необъятной вселенной, как они вьются и ищут друг друга, эта бесчисленные души, которые исходят из Единой Великой Души мира! Они падают с планеты на планету и оплакивают в бездне забытую отчизну!.. Это — Твои слезы Дионис, о Великий Дух, о Божественный Освободитель, прими обратно Твоих дочерей в Твое Лоно Неизреченного Света!»

Орфический отрывок.

Абсолютная Мировая Первопричина, Троединый Вселенский Дух, в Своей Трансцендентальной Природе Непостижимый и Невыразимый, познается приближением через тернер первых трех Арканов. В Своей первой Ипостаси Он выливается в Космическое Трансцендентальное *Бытие* и его первый атрибут — *Волю*, во второй Ипостаси Он проектируется в разум, как Космическое Трансцендентальное *Сознание*. Обе эти Ипостаси неразрывны между собой, взаимно друг друга обуславливают, и человеческий разум, лишенный мощи расчлнить верховную дилемму Бытия и Сознания, может лишь подвести к ее созерцанию сознание человеческого духа путем своих априорных построений.

«Dei Intellectum, resque ab ipso intellectas, unum et idem esse».

Spinosa.

«Первые три Сефиры: *Корона, Мудрость и Разум* должны быть понимаемы как Одно и Единое Нечто. Первая представляет знание или науку, вторая того, кто знает, и третья то, что знается. Для того чтобы объяснить себе эту идентичность, надо знать, что Знание Творца не таково, как знание творений, ибо у этих последних знание, как таковое, отлично от обладающего им и зависит от своих объектов, которые, в свою очередь, отличны от знающего. Это есть именно то, что разъясняется тремя терминами: *мысль, тот кто мыслит и то, что мыслится* (שֵׁרָאֵל מִשְׁחַבְּרֵי הַשָּׁמַיִם). Наоборот; Творец есть Сам по Себе одновременно: Ведение, и Тот, Кто ведает, и То Что ведается.² Одним словом, вид Его Ведения не состоит в том, чтобы прилагать Свою Мысль к вещам, которые суть вне Его; в Себе познавая, в Себе Самом Себя зная, Он ведает и зрит все, что есть. Ничего не существует, что бы не было бы соединено с Ним, и чего бы Он не находил в Своей Собственной Сущности. Он есть Прообраз всего существующего, и все вещи существуют в Нем в своих наиболее чистых и исчерпывающе завершенных формах; таким образом, творения обладают совершенством именно в этом существовании, через которое они делаются объединенными с Источником их бытия, и по мере того как они удаляются от Него они теряют это состояние, столь совершенное и столь возвышенное».

Моисей Кордуеро.

Трансцендентальное Бытие, будучи первой Категорией Космического Духа Сущего, выражает лишь доктрину *Продления* в наивысшей абстрактности; Продление как таковое есть лишь символ, вытекающий из долженствования, оно намечает лишь метафизическое направление, *возможность* Реальности, — но не самую Реальность. Всякая, даже относительная реальность *должна быть замкнута*, т. е. совокупно с системой своих категорий и атрибутов должна представлять собой законченное и завершенное целое, для чего необходимо и достаточно, чтобы все следствия, их взаимные соотношения и переориентировки, уже *implicite* заключались бы в синтезе, соответствующем Реальности, — как возможности. *Реальность только тогда замкнута, когда вся совокупность системы ее возможностей, как в целом, так и в любых частях, может быть объективирована независимо от вне лежащего мира.* Это определение эквивалентно другому: *«Реальное обладает самодовлеющей жизненностью»*. Ясно, что категория *Продления* не отвечает этому требованию, оно не наделено даром самобытного порождения атрибутов; оно не есть Реальность, а лишь ее первичная, но все же *феноменальная* категория. Ограничение определения Реальности одной категорией *Продления* приводит логически к самоотрицанию, к замене Бытия — нирваной, как ее узко понимают буддийские сектанты. Такова ирония, тяготеющая над ними: высшая форма существования, Истинное и Абсолютное Бытие в Своей Собственной Сущности, каковым является Дух в пралайе, может при неполноте освещения восприниматься в виде отсутствия существования, в виде небытия! Таким образом, очевидно, что кроме метафизического направления *Продления* должно существовать другое направление, которые своим взаимным пересечением в бесконечности и определяют Реальность. Этим вторым метафизическим направлением является *Трансцендентальное Сознание — Премудрость*, учение о Ней и составляет доктрину Аркана II. Бытие и Премудрость, утверждая друг друга, выливаются в третью Ипостась Космического Духа — в Божественную Природу; о ней учит Аркан III.

«Знаменитый каббалист, раввин Симеон бен Йохай, пытаясь объяснить первоначальное Небытие или скорее (ибо не могло быть начала в том смысле, как

обыкновенно принято верить) — обоюдную тщету двух расторгнутых Принципов, говорит: ^[189] לאתור ששכתי אבמין באבמין («Non respiciebat facies ad faciem»). Нужно, чтобы оба лица вверху смотрели бы друг на друга, и тогда, и только тогда, — Вечный Мужской и Вечный Женский откроются друг другу поцелуем, откуда постоянно рождается Бытие».

Станислав де Гуайта

«Ζεύς ἀρσῆν γέντο, Ζεύς ἀμδροτος έώλτο υύμφη» (Зевс есть Муж и Жена Бессмертные»),

Орфей.

«Jupiter omnipotens regum rerumque deumque Progenitor genetrixque deum».

Валерий Соран.

Безначальный Космический Дух, Источник, Творец и Зиждитель всего, в аспекте Аркана II выливается в учение о Божественной Материи, о Великой Матери всего существующего, Изиде Божественной, о Абсолютной Истине как Первичном Теле Духа.

«Ты обладаешь тремя гунами, или свойствами, но Ты причина всех миров; даже боги не могут измерить всю глубину Твоего Неизмеримого Могущества, благодаря недостатку полного знания. Ты опора всего, вся эта вселенная лишь часть Тебя; Ты Неделимая Первопричина, Высшая Пракрити! О Божественная Мать! Ты та Высшая Наука Непостижимой Силы, к Которой обращаются мудрецы, жаждущие освобождения, возвысившиеся над слабостями укрощением внутреннего могущества своих чувств».

Saptasati (Markendeypusana).

«Подобная красавице, спрятавшейся во внутренностях своего дворца, которая в то время, как ее любимый проходит, открывает на мгновение потайную дверь, через которую она видима только им и снова исчезает надолго, доктрина показывает себя только избранным и показывается не с одинаковой полнотой всем избранныкам. В начале она лишь делает знак рукой мимоходом, и тогда дело в том, чтобы узреть этот знак, — это есть метод, который называют *методом намека*, позднее она приближается несколько ближе, нашептывая несколько слов, но облик ее покрыт густым покрывалом, через которое взоры не могут проникнуть, — это есть метод, именуемый *методом образным*, еще дальше она предстает пред избранныком с лицом, прикрытым лишь легким покровом, — это есть *метод Аггады*; наконец, когда он, таким образом, привыкает к такому общению, она предстает пред ним, лицо к лицу и раскрывает пред ним затаеннейшие уголки своего сердца, — это есть *метод мистический*. Посвященный тогда легко постигает все те многообразные таинственные истины, которые скрыты под внешним смыслом и которые не могут быть ни сокращены и не дополнены».

Зогар.

Абсолютная Истина есть чистый Дух; Они суть взаимные отражения, порождающие друг друга; *если Бытие есть Истина Конечная, то Истина есть Предельное Бытие*. Человеческий разум смолкает при приближении к Области Безначального Света: все, что бы он ни сказал, — будет ограничением, затуманиванием Сущего, а потому он исполняется трепетным безмолвием. В этом Царстве Света может черпать лишь самый дух, все остальное замирает; в лицезрении Бытия и Истины — бездонный океан красоты, но ее можно только петь, ибо никаких слов не дерзает изъяснить язык.

«Кибелла! Кибелла! Великая Мать, услыши меня! Первозданный Свет, эфирное пламя, вечно вспыхивающее в беспредельных пространствах, в котором таятся отголоски и образы всех вещей! Я призываю Твоих сверкающих вестников, о Душа вселенной, Согревающая бездны, Сеющая солнца, Влачащая в эфире Свою звездотканную мантию!.. Тончайший Свет, Скрытый и Невидимый для телесных очей!.. Великая Мать всех миров и Богов, Хранящая все Первообразы в Недрах Своих!..»

Из фригийских мистерий.

«Премудрость подвижнее всякого движения и по чистоте своей все сквозь проходит и проникает. Она есть дыхание силы Божией и чистое изливание славы Вседержителя: посему ничто оскверненное не войдет в нее. Она есть отблеск чистого света и чистое зеркало действия Божия и образ благодати Его. Она — одна, но может все, и, пребывая в самой себе, все обновляет»...

Книга Премудрости Соломона, 7:24-27

«Аура-Мазда» — значит: «Бытие-Мудрость».

Гауг.

Сознание Духа есть Самосозерцание Реальности, Самосознание Ее Собственного Бытия. Чистый Дух в Своем Бытии содержит безграничное множество потенциалов, отдельных Своих аспектов, различных фазисов Бытия, соответствующих различным относительным ограничениям. Реальность Бытия, будучи абсолютно первична по самой своей трансцендентальной природе, вместе с тем, первична и по порядку синтеза. Каждый отдельный аспект Бытия, атрибут Реальности, обуславливает и обуславливается соответствующим модусом Сознания; Сознание Духа в Своем Целом относится к этим модусам как Субстанция к атрибутам. Таким образом, Бытие и Сознание, Ипостаси Единой Реальности, хотя и однородны по принципу, но, в то же время, заключают в себе возможность рождения принципа тварности. Эта возможность тварности выливается в сознании Духа в чувство своей *глубинности*, Дух, *хотя и сознает Себя однородным, но все же одновременно чувствует всю многократность Своего Синтетического Существа, сознания отдельных модусов, хотя и составляют, сливаясь вместе, единую гармонию, все же прославляют Целое Сознание ощущением потенциальной многообразности*. Аркан II есть учение о Внутренней Природе Космического Сознания Вселенского Духа. Он живет в Себе Самом, Он созерцает Свое Бытие и тем рождает Свою Божественную Природу. Как первая Ипостась Божества выливается в нашем сознании в Принцип Воли — синоним Субстанциональности, так вторая Ипостась есть Божественное Самосознание. Мысль и разум суть лишь ступени и следствия созерцания и самосознания; вот

почему Изида Божественная, как Начало Сознания, есть, вместе с тем, Начало Разума Абсолютного и Мышления — Разума Запечатленного,^[195] который есть Источник относительного бытия, мировой иллюзии — майи.

«Вечный, Неизменный, Чистый, Всепроницающий, Всевидящий. Верховный Дух грезит о внешней форме и тем творит качества Своей майи».

Бхагавата пурана.

Вселенское Духовное Сознание — Великая Матерь, Изида Божественная — Едина и Нераздельна. Когда Дух приступил к Проявлению через Триединое Творящее Божество, Великая Матерь вылилась в Принцип Истины Вечной и Мудрости Абсолютной. Она Единая, Чистое Излияние Неизреченного Света, при самом рождении Своем была уже Божественно Совершенна, подобно Палладе-Афине, вышедшей во всеоружии из головы Юпитера. Когда Великий Дух наполнил пространство волнами лучей своих, пронзившими тьму, создавшими мириады миров, Она Светлая, Чистая и Совершенная продолжала Единой царить в мироздании. Ни на мгновение не замирала Она в покое мертвенном; Она оплакивала гибель Целого — Своего Божественного Супруга, Она переживала все изгибы жизни каждого духа, всякое движение души каждого существа. Она осталась Нераздельной в Своем Великом Целом и, витая в безбрежных пространствах вселенной, Она заботливо собирает воедино останки Своего Супруга и ткёт из Его осколков величавый Облик. Ничто не вечно в мире, все появляется лишь на миг, все исчезает, чтобы вновь блеснуть коротким существованием и вновь растаять в пучинах времени; Она Единая Вечна. Все изменяется, вечно варьируются формы мироздания, отдельные души совершенствуются или вновь ниспадают; Она Единая Неизменна в Своем царственном спокойствии. И на пути веков, от ясной тишины дыханья гор и голубого моря святой страны, Индии далекой, чрез знойные пески долины Озириса, под негой кедров Сирии томной, до чудных берегов страны эллинов, лилася песнь, гремели гимны в честь Бога Лиры и Солнца, погибшего растерзанным. В ночной тиши, при факелах мистерий там призывали Дух Его Великий, и слезы там лились о Его Божественной Подруге, странствующей по свету, собирающей заботливой рукой останки Своего Брата и Супруга.

«Изида сияющая является мстительницей за Брата.

Она без устали ищет Его.

И с воплем блуждает по этому свету.

Не зная покоя, пока Его не найдет!»

Гимн Озирису XVIII династии Египта (1500 лет до Р. Х.)

Повсюду это убитый, разорванный и расчлененный великанами Бог. Его ищет Богиня и в поисках обходит мир, а обходя его, дает законы, обычаи, основывает города, дает науку, искусства, культ и обряды. А убитый Бог, разорванный на части великанами, после многочисленных битв и страданий воскресает и, наконец, прибывает торжествующим и победоносным. Во Фригии это Кибелла, безутешная от неверности Атиса, в гневе бегаёт мир и заставляет Атиса изуродовать себя в отчаянии от измены, которую она от него вынесла. В Египте это Изида в отчаянии от смерти Озириса, убитого изменнически Тифоном, заставившим его примерить свой гроб, и разорванного на куски великанами Изида обходит мир, чтобы собрать эти куски; она собирает их все, кроме фаллоса, которому она посвящает свой образ, при этом она повсюду дает законы, искусства, культ, а Озирис — после многочисленных битв и трудов

является победителем Тифона и великанов и возрождается для счастья мира. В Финикии это Венера, безутешная от смерти Адониса, убитого жестоким Марсом; она обыскивает мир, чтобы найти его тело, но Адонис устрашает наконец это отвратительное животное, и возрождается победоносным, утешая Венеру. В Ассирии это Саламбо и Бэллус, с которыми происходит тождественное. В Персии — это Митрас и Митра, у скандинавов — это Фрейя и Балдур, — с аналогичной историей. В Самофракии, в Тройе, в Греции, в Риме — это Церера, безутешная от похищения своей дочери, путешествует по всей вселенной и утешается лишь тогда, когда видит бездну, через которую Плутон увлек Прозерпину (Персефону). Это Вахх, убитый, разорванный и растерзанный гигантами, трепещущее сердце которого находит Паллада, части тела которого собирает Церера (или Деметра), который наполняет мир своими подвигами, остается победителем и завоевывает себе место среди богов.

«Эвридика! О Божественный Свет!» — проговорил Орфей, умирая. — «Эвридика!» — простонали, обрываясь, семь струн его лиры, и его голова, уносимая навсегда потоком времен, продолжает призывать: «Эвридика! Эвридика!..»

Орфический гимн

Этот призыв, этот плач о Растерзанном Боге, звучал на всем пространстве древнего мира и вылился в создании Божественных мистерий во славу Озириса, Диониса и Атиса. Отзвук элевсинских таинств, мистерий Самофракии дошел и до наших дней, и древняя идея о Растерзанном Боге и Нераздельной Вечной Истине сказала в том, что современные масоны, считающие себя преемниками древних Посвященных, называют себя «детьми Вдовы» (иллюминизм).

§ 2. О Мировом Пассивном Начале

Великая Матерь всего существующего, Изида Божественная есть вторая Ипостась Первопричины Абсолютной — Единого Вселенского Духа. Она недоступна для человека, но он может стремиться к ней и познавать приближением С переходом Триединого Божества к Мировому Творчеству эта Ипостась выливается в сознании нашем во второй член Первого Божественного Тернера, в *Мировой Вечно-Женственный Принцип*, в *Мировое Пассивное Начало*, осуществляющее Творчество вместе с Началом Активным. То, что в обыденном языке понимается под словом «пассивность», т. е. отсутствие способности самостоятельно действовать, не имеет ничего общего с истинной природой Пассивного Начала в его космическом значении. В самом деле, пассивность, как инертность и косность, в Мире Божественном в принципе существовать не может, ибо Он есть Область Вечной Жизни, Источник Бытия и Самое Бытие в его наивысшем, абсолютном развитии Оба Великие Начала, как Активное, так и Пассивное, в одинаковой степени являются источниками жизни, одинаково активны ко всей феноменальной природе и в одинаковой степени творят и осуществляют мировую жизнь. Различие между этими началами бесконечно более глубоко и проистекает из самой их сущности, ибо они являются нуменальными аспектами Верховной Реальности.

В области феноменальной природы пассивность или активность какого-либо действия или фактора относится лишь к формальной стороне явлений и выражает относительное положение человека по отношению к объекту восприятия. *Под активностью субъекта я понимаю способность его по собственному своему желанию, или под влиянием третьего высшего*

фактора, действовать на объект Под пассивностью я понимаю способность воспринимать из вне лежащего мира, под влиянием своей собственной независимой воли, или под побуждением высшего фактора Каждый человек, согласно этим определениям, вообще говоря, обладает обеими этими способностями и становится активным или пассивным в зависимости от конкретных обстоятельств. По отношению к Субстанции, на Которую ничто вне лежащее в принципе влиять не может, ибо Она все в Себе содержит, приведенные определения активности и пассивности не могут быть приложимы. Ее Активность и Пассивность одинаково обуславливаются модусами Божественного Самосознания.

Мировое Активное Начало есть максимальное, Божественно совершенное развитие принципа активности; это есть принцип Действия Божества, как Высшей Самодовлеющей Силы во вне Своего Абсолютно-Синтетичного Единства на Свои частичные, в этом Единстве потенциально заключенные, аспекты.

Мировое Пассивное Начало есть максимальное, Божественно совершенное развитие пассивности; это есть принцип внутреннего Бытия Абсолютно Синтетичного Единства и восприятия созерцанием Своей же Собственной эманации, излитой в аспекте Активного Начала и затем отраженной в Своих единичных, потенциально заключенных в этом Единстве, аспектах.

В этой интерпретации Активного и Пассивного Начал второе приближается в нашем сознании к понятию о Божественной *пралайе*, в то время как первое лежит в основе *Проявления*. Во время прапайи Божество воссоединяет воедино оба эти Принципа; во время Проявления Он призывает к жизни Свое Активное Начало, а жизнью мироздания, опытом эманированных Им искр, Божество влияет на Самого Себя и потому призывает к жизни Начало Пассивное. Совершенный Человек выявляет Активное Начало постольку, поскольку он влияет на других существ мироздания, Пассивное Начало постольку, поскольку он живет в самом себе. При встрече двух Начал, Начало Активное побуждает Начало Пассивное переменить сферу своей деятельности, и работу, направленную ранее в глубь своего существа, перенести во внешний мир.

§ 3. Начала теории о бинере

I. Понятие о бинере и его роль в метафизике

«Евангелие не говорит одному «да» другому «нет», но одному и тому же «да» и «нет». На кажущихся противоречиях, на антиномиях, держится Евангелие, как птица на крыльях».

Каждое человеческое представление, образ, мысль или идея есть следствие *противопоставления* некоторых других представлений, образов, мыслей или идей. В силу этого, никакой фактор мироздания сам по себе, как «*Sache in sich*», непостижим и все представление о нем слагается из тех взаимоотношений, которые имеет он с другими, гармонирующими с ним по природе, но разнствующими по степени интенсивности и направлению качествований. Так, в Коране говорится: «Мы создали все вещи попарно» — это значит, что в природе каждого существа обнаруживается два противоположные начала: свет и тьма, холод и жар, добро и зло, активное начало — мужское и пассивное — женское.^[198] Это и приводит нас к трем положениям: 1) *Человеческий разум по самому существу своему способен воспринимать лишь*

разности явлений, но не их действительную сущность. 2) Каждое сложное представление есть комплекс простых представлений, порождаемых противопоставлениями. 3) Два простых представления, противопоставляемые друг другу и этим взаимно утверждающиеся представляют собой элементарную систему. Эта основная форма разума носит в традиции наименование «бинера». (По Канту^[199] — «антиномия»). Изложенное и синтезируется в двух законах:

Бинер есть относительная вообще форма мышления проистекающая из свойств человеческого разума, но являющаяся для него единственным, а следовательно и абсолютным путем постижения многообразных явлений мироздания.

Человеческий разум постигает и может постигать мир только в бинерах, который есть для него лишь их общий комплекс.

«В деле приобретения знания принимают участие три способности: 1) способность различения, 2) способность находить тождества, 3) способность сохранения (синтеза)».

Бэн.

«Через различение достигается истинное знание».

Шри Шанкарачарья.

Единичное представление утверждается простым противопоставлением; представление сложное, как совокупность единичных представлений, утверждается совокупностью ряда противопоставлений. Представление единичное или сложное одинаково является недвижимой системой, оно выражает *определенную мысль или сепаратный закон*, т. е. имеющий место лишь в данном случае. Идея или закон отличаются от конкретного представления наличием в них *элемента движения*; всякая идея, всякий закон стремятся к развитию, к обобщению, к синтезу, и это стремление всегда неразрывно связано с самым их выражением, с самой их транскрипцией, как бы случайно эта транскрипция ни была выбрана. *Таким образом, идея по отношению к представлению находится в той же зависимости, как живое существо к недвижимой форме.* Идея хотя и может быть выражена рядом отдельных представлений, но лишь с известной приближенностью, с подразумеванием внутренней связи между формами в их последовательном ряде, т. е. с предположением как бы *текучести этих форм* и плавности перехода одна в другую.^[201]

Противопоставление осуществляется введением принципа противоположности; утверждаемое ограничивается и утверждается отрицанием противоположных категорий как таковых. При противопоставлении, таким образом, все внимание сознания человека направляется исключительно на *утверждаемое* в сопоставлении; категории *отрицаемого*, отрицанием которых представление утверждается, могут быть вовсе не объединены и не выявлены в своей совокупности. Если представление единично, — ясно, что такое противопоставление есть бинер; если оно сложно, то противопоставление утверждается совокупностью ряда конкретных бинеров; при этом *синтезируются лишь те члены единичных бинеров, которые являются категориями самого утверждаемого.* Противоположные члены могут быть вовсе не синтезированы, и, таким образом, *утверждение сложного конкретного представления может быть выявлено в скрытом бинере*, т. е., иначе говоря, возможен вполне случай, что самая бинерность этого акта не дойдет до сознания утверждающего. В полную противоположность изложенному, при утверждении *идеи* не только все единичные бинеры

должны быть выявлены, но и должны быть утверждены оба бинерных синтеза; наличием этого конечного бинера и утверждается самое бытие идеи как таковой; это резюмируется законом: *всякая идея должна быть выявлена в утвержденном бинере; только в этом случае она может иметь жизненность и общий характер, в противоположном случае она превращается в конкретное представление, в недвижимую форму.*

«Познание идей открывает во временных явлениях их безвременно вечный смысл. Это познание соединяет рассудок и чувство в нечто отличное от того и другого, их покрывающее. Вот почему в познании идей мы имеем дело с познанием интуитивным».

Андрей Белый.

Всякое конкретное представление, хотя и заключает в себе *a priori* возможность синтеза своих элементов, но, тем не менее, взятое само по себе в определенных феноменальных гранях, оно является *системой неподвижной* по отношению к внешней среде; его изменения могут происходить лишь под действием более высокого импульсирующего синтеза, лежащего на той же оси аналогии в метафизическом пространстве, но отнюдь не могут быть следствием внутренней перегруппировки элементов данного представления (согласно общему принципу динамики системы, — что перегруппировка ее элементов не может вызвать изменения траектории центра тяжести). В полную противоположность этому, система в виде бинера в своем собственном существе заключает как возможность, так и двигатель своего развития. *Каждый отдельный бинер, неся в себе самом тяготение к развитию противоречий до максимума, тем самым намечает в метафизическом пространстве некоторое потенциальное направление.* Чем дальше подвинется бинер в этом направлении, тем более высок будет его порядок, тем синтетичнее будут его члены, тем более могущественно будет между ними тяготение. Рано или поздно это противоречие достигнет в своем развитии критической точки, вслед за которой бинер или растворится в другом, или, наоборот, привлечет к себе ряд более низких бинеров. Но как в том, так и в другом случае одинаково — *ось аналогии — потенциальное направление бинера — не может быть прервана и после пересечения с другой или другими подобными продолжается далее к Конечному Синтезу.*

«Всему есть место в Царстве Божиим, все может быть связано внутренней гармонической связью, ничто не должно быть подавлено и уничтожено».

Владимир Соловьев.

Резюмируя изложенное, мы можем сказать, что *всякий выявленный в разуме бинер есть сам по себе естественный указатель того направления, стремясь по которому человек может достичь соответствующей грани Вселенского Синтеза.* Совокупность представлений разума есть совокупность бинеров, а потому и совокупность направлений, ведущих к этому синтезу. Чем выше плоскость сознания, тем разноречие направлений ослабевает, единичные бинеры сводятся к конечным и, в конце концов, *разум заканчивается на грани мировых противоречий.* Познание Божества путем развития бинеров и сведения их в конечные мировые противоречия, представляющие собой проекцию в разум отдельных аспектов Божества, проходило на пути веков через ряд религий и философских систем, но особенно сильно это стремление проявилось среди гностических учений. Большинство представителей гностицизма, начиная с Симона Мага, Василида, Валентина и ряда других, строило космогонию на последовательном выявлении

Непостижимым Абсолютом пар — Эонов и Архонтов, причем эта парность, чета Эонов носила даже особое название *сизигии* — συζυγία. В гармонии с этим, *Само Божество определялось как совокупность антиномий*. По учению Дионисия Ареопагита,^[204] в момент, когда человеческая мысль достигает вершины абстракции, когда ум отрешается от всяких представлений и образов и погружается в таинственное молчание (χρυφίμυστος σιγή),^[205] в состояние полного безразумия (ἀλογία παντελής, ἀνοησία),^[206] в этот момент восхищенный дух человека (χαθαρῶς ἐχστάσει)^[207] непосредственно, так сказать, осязает Божество. Вне себя и всего окружающего, погруженный в таинственный мрак неведения, он весь пребывает в Том, Кто выше всего; освобождаясь от всякого познания, он лучшей стороной своей соединяется с совершенно Непознаваемым, познавая Его помимо и сверх естественных действий ума.^[208] Так божественный мрак (ὁ θεῖος γνόφος) является одновременно Непрístupным Светом, в котором обитает Сам Бог (ὁ θεῖος γνόφος ἐστὶ ἀπρόσιτον φῶς, ἐν ᾧ καταχεῖν ὁ Θεός λέγεται),^[209] совершенное неведение — Ведением Того, Кто выше всякого ведения (καὶ ἢ κατὰ το κρείττον παντελής ἀγνώσια γυῶσις ἐστὶ τοῦ ὑπὲρ πάντα τὰ γινώσχημένα).^[210] Бог, согласно Дионисию, одновременно — безыменный (ἀνόνομος) и многоименный (πολυόνομος), все (πάντα) и ничто (οὐδέν), бытие и небытие, νοησία и ἀνοησία, φῶς и γνόφος.

Когда простейшие формы мышления или чувствований удовлетворяют человека, он не только не может стремиться к более высоким, но даже не подозревает об их существовании. Лишь только там, где конечное сознается в своем бессилии, где оно оказывается уже несостоятельным, впервые проявляются проблески Вечного. *Пока разум целиком погружен в область феноменальной природы, он живет и удовлетворяется феноменальными законами и феноменальной жизнью; лишь при достижении границ феноменального мира разум начинает жаждать нумепальной истины и нумепальных законов* Феноменальная природа заканчивается на грани мировых антиномий; вот почему нумепальная истина не может быть выражена в разуме иначе, как в антиномиях.

Идея или закон, выявленные в бинере, являют в присущем ему аспекте Абсолютную Истину. Совершенный синтез всех *a priori* возможных конкретных представлений не может не иметь бинерной транскрипции в разуме. Относительное отличается от Абсолютного наличием условности, сознательного неведения, условного отрицания, утверждением частного критерия. Относительное постольку является таковым, поскольку оно оказывается неспособным объединить встречающиеся противоречия. Абсолютное есть прежде всего всеобъемлемость, есть утверждение и отрицание единовременное всех утверждений и всех отрицаний. *В силу этого, Истина в Своем Совершенном Целом выражается лишь в Совершенном Бинере, как совокупности всех a priori возможных единичных бинеров. Низший предел, при котором в разуме проектируется лишь дифференциальный аспект Истины, есть единичный бинер.* Итак, Истина выражается только в антиномиях, — и всякая антиномия есть аспект Истины.

«Бинер есть Единство раздвоившееся Своей Собственной Силой, чтобы творить».

Элифас Леви.

«Безусловность Истины с формальной стороны в том и выражается, что она заранее подразумевает и принимает свое отрицание и отвечает на сомнения в своей истинности принятием в себя этого сомнения, и даже в его пределе. Истина потому и есть Истина, что не боится никаких оспариваний, а не боится их потому, что сама говорит против себя более, чем может сказать какое угодно отрицание; но это самоотрицание свое Истина сочетает с утверждением. Для рассудка Истина есть

противоречие, и это противоречие делается явным, лишь только Истина получает словесную формулировку. Каждое из противоречащих предложений содержится в суждении Истины, и потому наличность каждого из них доказуема с одинаковой степенью убедительности, — с необходимостью. Тезис и антезис вместе образуют выражение Истины; другими словами, Истина есть антиномия и не может не быть таковой».

Свящ. Павел Флоренский.

«Coincidentia oppositorum — вот цель всякой философии, всякого мышления, всяких исканий духа», — сказал один из наиболее гениальных мыслителей — Джордано Бруно.^[213] Действительно, именно в уничтожении противоречий, в связывании их во единое целое, более высокое и дающее основание обоим крайностям, заключается цель истинного искателя, и в самой степени достижения этого сказывается его развитие и почерпнутое им знание.

«Самое высокое просвещение должно быть в состоянии все объяснить, оно должно быть всесторонним, самым универсальным образованием».

Куно Фишер.

Обладание этим просвещением есть истинная аристократия духа.

В метафизическом пространстве бинер может быть определен следующим образом: «*Бинер есть система двух факторов, находящихся в том или ином поступательном движении и связанных между собой постоянством разностей моментов от любой точки*» Выражаясь языком математическим, бинер есть момент, величина которого остается постоянной, величина же сил пары может произвольно изменяться, но все время оставаясь обратно пропорциональной плечам. Поступательное движение есть движение по кругу бесконечно большего радиуса; поэтому можно сказать, что *всякое движение, воспринимаемое нами в мире, есть результат действия одного или системы нескольких вихрей* Постоянство величины момента при изменении абсолютных величин сил пары и является общим принципом, из которого вытекает ряд частных законов.

По мере эволюции мышления, разность Тезы и Антитезы все увеличивается, но, вместе с тем, они сближаются между собой, и в тот момент, когда эта разность становится бесконечной, а это может случиться только тогда, когда понятие возрастает до аспекта Божества они сливаются и обрисовывают Божественную Сущность в каком-либо частном сечении. Чем дальше отстоят силы пары, тем скорость вихря ничтожнее. По мере эволюции понятия, по мере увеличения его разности с антиподом, увеличения сил пары, скорость вихря возрастает за счет уменьшения площади его распространения. В области человеческой мысли этот закон сказывается в том, что неразвитые мысли, понятия и образы, распространяясь по всему сознанию, создают медленное и слабое движение. Плечо пары настолько велико, что самое ничтожное влияние извне в виде активного действия какого-либо члена другой пары может не только замедлить движение, но даже нарушить его, дав толчок к обратному, противоестественному для данного вихря движению. С эволюцией понятия, с увеличением его абсолютной величины плечо уменьшается настолько, что потребно большое влияние извне, чтобы не только уничтожить, но и даже изменить имеющееся движение; такой вихрь является уже несравненно более устойчивым. Подобно тому, как грандиозные запасы междуатомной энергии не могут быть использованы вследствие их собственной взаимной нейтрализации, так и

воля человека лишена возможности воспользоваться скрытым в ней неистощимым запасом энергии. При эволюции человека отдельные вихри перестают взаимно друг друга обессиливать, каждый из них получает в человеческом сознании свое собственное определенное место и тем дает возможность воле человека ориентировать свою мощь плоскости моментов в том или ином направлении, использовать их силу для активного воздействия на вне его лежащие факторы.

Недоступность человеческому сознанию уравнивания противоречий во всех рассматриваемых объектах, т. е. нейтрализации бинеров, проистекает как из сложности их взаимоотношений, так и потому что «разные люди в весьма различной степени обладают способностями различения и отождествления».^[216] В мире нет ничего безразличного, все тяготеет друг к другу, все связано между собой. «Ясно, говорит Карпентер,^[217] что всякий предмет имеет некоторое отношение ко всякому другому предмету и в действительности существует только в силу своего отношения к другим предметам». *Все явления мироздания суть только геометрические места точек, в которых пересекаются линии их взаимных влияний. Всякое понятие познается нами постольку, поскольку оно связано с понятиями ранее нами воспринятыми.* Как бы ни просты были члены бинера, они, тем не менее, тяготеют друг к другу различными гранями. Их взаимоотношения создают столь сложную картину взаимных связей, что уловить ее во всех деталях, а без этого невозможно правильное восприятие целого, представляется неисполнимым. Подобно тому, как первый шаг к созданию какой-либо науки есть появление способности классифицировать явления по правильно выработанной схеме, так и в данном случае, желая нейтрализовать какой-либо бинер, человек должен разделить рассматриваемое им понятие на ряд вытекающих из него следствий, расчленив явление природы на отдельные присущие ему свойства. Как только он сумеет разбить целое на части, он сейчас же увидит, что столь трудно нейтрализуемый бинер распадается на ряд частных бинеров, из которых большинство, если не сами, так сказать, напрашиваются на нейтрализацию, то во всяком случае могут быть приведены к этому состоянию если не непосредственно, то через введение нового добавочного члена.

II. Генезис принципа бинера и его различные виды в разуме

«Он подумал: «Я могу стать множеством и размножиться», — и Он объективировался и дал из Себя все, что есть. Дав из Себя все это, Он вошел в него; а войдя, стал всем: положительным и отрицательным, духом и материей, бесконечным и конечным».

Таиттирия упанишада.

Каждый фактор мироздания имеет бытие в двух аспектах: во-первых — в своей собственной сущности, а во-вторых — как часть Вселенского Целого. Познавая его через ряд последовательных противопоставлений, через ряд частных бинеров, человек воспринимает его как нечто самостоятельно, независимо существующее, т. е. именно в первом аспекте. Лишь только тогда, когда он это свое представление доведет до максимума, ему станет доступен второй аспект, фактор потеряет свою независимость и из причины станет следствием. В гармонии с этим и вся масса частных бинеров, с помощью которых человек подходит к познанию фактора, тем самым синтезируется в одно целое. Наличие описанных двух аспектов и есть генезис принципа бинера. Когда познание фактора завершилось в нем самом, т. е. когда

идея развилась до своего максимума, то она становится аспектом некоторого высшего синтеза, который начинает на нее динамически действовать и тотчас же вызывает к бытию ее отрицание. Последнее формулируется одним из основных законов теории познания: «всякое представление или идея в своем максимуме заключает свое отрицание».^[218] Итак, бинер рождается на грани части, как части целого и части в себе самой. Из изложенного непосредственно явствует, что рождение первого бинера это есть рождение принципа частности. «Да буду Я множественностью, оставаясь Единым»^[219] — рек Суций и этим актом Своей Воли утвердил принцип бинера его и назначение. Всякая частность есть утверждение синтеза в ей соответствующем аспекте и в то же время отрицание синтеза его в других аспектах. Это отрицание может быть сформулировано лишь в отрицании утверждения данной частности; отрицание других утверждений в аспекте данной частности невозможно, ибо в себе самой она их идеи не содержит. Примером к сказанному могут служить теории Птоломея и Коперника.

Принимая частность — землю за центр, т. е. рассматривая частность в аспекте ее самой как таковой, Птоломей был прав, утверждая вращение солнца вокруг нее. Перейдя к синтезу более высшему, Коперник на место земли поставил солнце и, рассматривая эту частность в аспекте ее как таковой, он был прав, утверждая, что земля вращается вокруг солнца. В настоящее время человеку стал доступен еще более высший синтез. Известно, что солнце движется к звезде (i созвездия Геркулеса: беря последнюю за центр, мы видим, что земля движется по траектории, близкой к синусоиде. Из изложенного явствует, что *принцип бинера как такового — есть принцип абсолютный, но каждый частный бинер лежит вполне в области относительного*. Мир бинеров это мир разума, ибо именно через разум происходит утверждение и отрицание, а потому именно в разуме бинеры рождаются и в разуме же нейтрализуются.

«Английское название рассудка — «intellect» — выражает переплетение общего с частным, что составляет особенность области ума».

Макс Мюллер.

«Наука находится в уме, а не в вещах, и свойства ума, таким образом, важнее всего».

Стэнли Джевопс.

Каждый частный бинер может различно восприниматься разумом человека в зависимости от положения плоскости его восприятия по сравнению с исследуемым фактором. Здесь возможны три случая: *Первый* из них это тот, когда человек воспринимает разность двух величин одной и той же природы, в этом случае он находится в самых благоприятных условиях, чтобы не только сравнить два феномена, являющиеся двумя этапами одного и того же нумена, но и проследить промежуточные ступени развития между ними разнствования, уловить причинность и закономерность. *Второй* случай — это тот, когда рассматриваемые им величины хотя и противоположны по знаку, но равны по величине. Здесь человек также легко воспринимает всю траекторию нумена в ее последовательности и познает управляющие ею законы. Наконец, *третий* случай это тот, когда рассматриваемые явления, будучи различны по знаку, имеют и разные величины. Имея лишь совершенно определенную глубину мышления, обладая лишь весьма ограниченной способностью приспособления, обыденный человек в большинстве случаев лишен возможности так поставить свою плоскость восприятия по отношению к членам бинера, чтобы воспринять его в чистой форме, т. е. в виде разности

равных и противоположных величин.

Аркан III

I. Традиционные наименования:

Divina Natura, Partus Generatio, Venus Urania, Physis, Императрица.

II. Буква еврейского алфавита:

ל (*Гимел*).

III. Числовое обозначение:

Три.

IV. Символическое начертание.

Над землей бушует ожесточенная буря; густая тьма облаков совершенно закрывает ее от глаз; далеко, далеко, с левой стороны видны туманные смутные очертания гигантского горного массива, подчас совсем исчезающего за облачными массами. Ночь. Ослепительно сияют молнии, и все пространство кажется состоящим из их ослепительной сети.

Высоко над разбушевавшимся хаосом парит дивная фигура. Блещающий светом шар состоит из бесчисленного множества световых нитей, намотанных по спиральным меридианам, и две таких огненных сетки быстро вращаются в противоположные стороны. На сфере покоится кубический камень из еле прозрачной синей массы. На камне восседает Женщина; на ней надето зеленовато-синее одеяние, ниспадающее длинным шлейфом с ее правой стороны и частью закрывающее не только куб и сферу, но и спускающееся на некоторое расстояние вниз. В правой руке она держит фиолетовый щит, на котором виден орел, парящий в воздухе в наклонном положении; его широко раскрытые крылья проектируются на вертикальную плоскость так, что одно из них кажется опущенным по вертикали, а другое горизонтально; на груди у орла висит ключ жизни. На обратной стороне щита видно изображение ракообразного животного со множеством лап и щупальцев. На груди Женщины, на толстой кованной цепи, висит массивный крест, в центре которого виден цветок с тремя лепестками.левой рукой Женщина держит большой жезл, на верхнем конце которого помещен как бы перламутровый шар, отливающий всеми цветами радуги; под ним виден горизонтальный диск, попеременно и последовательно светящийся всеми красками спектра. Одеяние Женщины оставляет обнаженной до колена левую ногу, которой она и попирает лунный серп. На лбу Женщины сияет звезда; одиннадцать таких же звезд расположены по кругу, наклоненному под углом в 45 градусов. Этот звездный круг вращается, и каждая звезда последовательно оказывается на лбу Женщины; так как круг наклонен к горизонту, то Женщина со всеми своими атрибутами последовательно то приподнимается, то опускается.^[222] За спиной Женщины видны могучие крылья, становящиеся к их концу все более и более эфирными и светозарными и уходящими далеко в высь.

§ 1. О Природе Божественной

Аркан III Священной Книги Тота есть учение о третьей Ипостаси Вселенского Духа, Единосущной с двумя другими. Как Аркан I есть учение о субстанциональном Бытии Божества, а Аркан II — о присущем этому Бытию и с ним нераздельном субстанциональном Сознании, так Аркан III — есть учение о Самосознании субстанционального Бытия в совокупности атрибутов.

Система первых трех Арканов Книги Тота есть учение об утверждении Единым Абсолютом Троиственного Творящего Божества, как Своего Деятельного, Самосознающего и Самоутверждающегося Аналога. Эти три Аркана являются верховными принципами

космогонии, как Динамического Самосознания Духа. Аркан I в этом аспекте есть учение о Божественной Воле как высшем активном атрибуте субстанционального Бытия. Аркан II есть учение о внутреннем самосознании этого Бытия как его высшем пассивном атрибуте. Аркан I и Аркан II, таким образом, как учение о двух формах Божественного Самосознания, находятся в ясно сознаваемой связи. Великая Матерь всего существующего, Изида Божественная, вторая Ипостась Троиственного Божества есть Внутреннее Сознание Космического Духа, Сознание Своей Субстанциональности, Своего Достоинства Самодовлеющего, Своей Реальности Абсолютной, Своего истинного духовного облика, который есть Вечная Истина. Это Сознание в силу самого существа своего Едино и Единосущно Самому Бытию. Аркан II в диаде двух первых Арканов Книги Тота не может быть ограничен и противопоставлен Аркану I, они неразрывно сливаются в од-но, и самая возможность их расчлененного толкования рождается с утверждением Аркана III.

Внутреннее самосознание Космического Духа, прославляя непосредственное ощущение Им Своего Бытия и прославляясь им в свою очередь, утверждает в Себе Самом, как априорную возможность, *Бытие совокупности потенциальных тональностей Духа*, через условную группировку их в бесконечной дифференциации. Беспредельный Космический Однородный Дух сознал возможность порождения в Своей Среде *тварности*, расчленения на отдельные аспекты, и этим породил возможность иного вида Самосознания, — *Самосознания Своего Вселенского Единства как совокупности Своих аспектов, наделенных независимыми сознаниями, соответствующими конкретным сочетаниям тональностей Духа*. Это Совокупное Самосознание Божественный Дух противопоставил Непосредственному Сознанию Своего Единства, и тем выявил в Себе великую дилемму Неба и Земли. С утверждением этой дилеммы Совокупное Самосознание отдельных аспектов, потенциально заключенных в Космическом Духе, претворилось в Реальность, в третью Ипостась Сознания Духом Своего Бытия.

Учение о II и III Арканах с особенной глубиной разрабатывается Каббале евреев. Первые три Сефиры в точности соответствуют первым трем Арканам Ипостасям Божества. Вторая Сефира — Хокма (חכמה) есть, как удостоверяет Кнорр де Розенрот, *Внутреннее Самосознание Божества* — Σοφία, третья Сефира — Вина, (בינה) есть *Божественная Природа* — Θεία Ψυχή. Эти идеи подробно разрабатывались целым рядом каббалистических авторов.

«Бина есть то, что содержится в Божественном Сознании — совокупность Первичных Идей, Первообразов».

Моисей Кордуеро

«Хокма есть, таким образом, Источник Произрождения (орудие эманирования), Божественное Сознание, а Бина — система идей».

Альберт Жунэ.

«На третьей ступени духи исчезают... Дух остается Один, Испускающий лучи, Безличный, Кипящий в вечных глубинах того Бесконечного, что не является пространством; Выступающий из Божественной Любви, Жизни, Радости Света, Надежды и Божественной Красоты; Напитывающий душу невыразимыми всеведением, которое опьяняет, не давая пресыщения. Эгоистическая личность тает, исчезает, потухает на горизонте того конечного, что душа покинула. В Боге, как и в Природе («Вечной Природе» Бёме), ^[224] все прекрасно, все сладостно, все ясно, все величественно — и все страшно как поцелуй, от которого чувствуют, что умирают,

что тонут в жизни...»

Станислав де Гуайта.

Как Внутреннее Сознание Божественной Сущности, восприяв Его Волю, выявило Бытие Проявленное, которому имя есть Брахма, и тем самым породило великую дилемму Неба и Земли, как пралайи и Проявления, так Изиды Божественная порождением Божественной Жизни выявила великую дилемму Жизни Целого Духа в Его Собственном Существовании и жизни комплекса дифференцированных частных. Мировое Пассивное Начало вышло из состояния потенциального существования в виде абстрактного аспекта Чистого Духа, перешло во вне Его Собственной Сущности и претворилось в деятельный Принцип, вылилось в Мир Первообразов, Мир Первых Причин. Воля Божественная проникла эту новую Мировую Пассивность и, став *Началом разделяющим*, дифференцировала ее в бесконечной многообразности. *До той поры Божественное Сознание было лишь Сознанием Своего Бытия, с ее наступлением Божество получило возможность познавать Себя в частях Своих. Божественное Сознание из Супруги стало Матерью*, Оно породило Новое Сознание, Свое Детище, чрез Которое Божество начало проявлять Свою Жизненность. Так появился Прообраз Мира Бытия, появилась *Первоначальная Божественная Природа*, Divina Natura, νοητή φύσις, третий член Божественного Тернера.

«Прежде чем дать форму материи и бытие чувствуемой вселенной, Бог выявил в Своей Мысли Интеллигибельную Вселенную, или Архетипы, Идеи, Первообразы вещей».

Филон.

Развивая эту идею, Филон создал целую систему, выражающую соотношения между Трансцендентальной Божественной Природой и миром явлений, в котором мы живем. Его учение сводится к следующему. Когда Бог захотел сотворить мир, Он увидел, что всякое творение нуждается в нематериальной модели и Он создал сначала *Сверхчувственный Мир Идеи*. Эти Идеи не суть только типовые модели, они суть *Причины*, которые вносят порядок в беспорядочную материю. Первичная Вселенная, таким образом, образуется из невидимых сил, окружающих Бога величественной свитой, δόροφοροῦσα δυνάμεις,^[227] эти силы суть исполнители, служители Бога, колонны мира.^[228] Это суть те чистые души, которые греки называют демонами, а Моисей ангелами.^[229] Эти силы с одной стороны суть аспекты Бога, а с другой стороны они неразрывны с Ним, они суть божественные добродетели (‘Αρεταί), божественные благословения (Χαρίτες), подчас поставленные одна около другой, подчас проникающие друг друга.

Божественная Природа есть истинная Жизнь Духа Вселенского; поскольку в Аркане II Он утверждает Свое Бытие и его достоинство первородное и Сознает Себя Абстрактной Мировой Первопричиной за пределами всех расчленений в одном лишь вековечном Продлении, постольку в Аркане III Он живет Духовной Жизнью, Духовным Самосознанием, Реальным Деятельным Бытием, Аркан III есть учение о Жизни Божества в пучинах возможностей необъятных простора беспредельного Своего Духа. Если в Аркане II Вселенский Дух имеет лишь потенциальное существование, неподвижность Конечной Сущности, покоя мертвенность, то в Аркане III этот Дух заставляет бить полным ключом Свое Бытие, Он претворяется в Кинетическую Деятельную Первопричину, Конечный Синтез, где все совершенно, закончено и раз навсегда предопределено. Вечная Истина, навеки застывшая, здесь претворяется в Синтез Живый, вечно дифференцирующийся и расчленяющийся и вечно вновь восстанавливающий Свое Единство по всем безграничным путям возможностей бесчисленных, вытекающих из Абсолютности Духа.

Божественное Сознание здесь вечно живет, Оно проникает в затаеннейшие уголки системы возможностей, Оно входит в конечные дифференциальные аспекты и утверждая их как части Целого, созерцает и все Целое в аспекте каждой частности. Divina Natura — это космически беспредельная Жизнь в ее вечном продлении и совершенстве; бесконечно изменяясь в частях, она всегда бесконечно нова, всегда исполнена новой гармонией, новой красотой бесконечной. Единый Дух в вековечном Продлении всегда ново утверждает Свое Единство, всегда творит новые возможности, всегда рождает Себе новый простор, всегда отражается в нем и всегда ново в нем Себя познает. Это тот Мир, где все совершенно и закончено, это есть Царство Вечного Продления, это есть то Небо, в котором, как клялся Ангел Иоанна,^[230] времени уже не будет.

«Природу можно рассматривать двояко: I — Вечная и Небесная Природа — это есть Высочайший Эдем, Царство Единства. Понятия времени и пространства исчезают здесь в двойной идее Вечного и Бесконечного. Души, которые восстановились в этом Единстве, не подвергаются больше альтернативам смерти возродений, ибо их субстанция, окончательно одухотворенная, не дает возможности захватить себя возвратным волнам потока рождений... II — Временная и Космическая Природа, или природа падшая, тройная, как и вселенная, для которой она служит законом. Эта природа в свою очередь подразделяется: 1) на Природу Провиденциальную, или *Natura Naturans*, общую Небу и Земле; через нее временная природа соединяется с Природой Вечной, через нее вселенная завершается Эдемом, а время — Вечностью; 2) на Природу человеческую, или *техническую и волевою, промежуточную*, и 3) на Природу Судьбы, или *Natura Naturata*».

Станислав де Гуайта.

С утверждением третьей Ипостаси Своего Самосозерцания, Вселенский Дух закончил Внутреннее Творчество в Лоне Своего Вселенского Единства. Триединное Божество в Самосозерцании Эйн Софа стало утвержденным, и весь ход Мирового Творчества с этой поры был направляем через русло этого Кинетического Агента, ставшего связующим звеном между Божеством Абсолютным и творимым миром. Это Начало по отношению к Творящему Божеству стало тем, чем Оно Само является по отношению к Божественной Сущности. В силу этого, подобно Целостному Божеству, этот Принцип выявил дилемму жизни Целого и жизни частностей, выявил дилемму двух Миров, Мира Нагорного и Мира Бытия. С этого великого мига Божественное Творчество уже свершилось, ибо хотя мир еще не существовал, не было даже самых возможностей, по которым пошло созидание, но Божественная Сущность уже перестала быть всецело замкнутой в Себе; Сознание и Воля этой Сущности проявили Свое Действие и тем уже явили определенно выраженное *желание* создать мир. Если идея простого человека уже сама по себе носит жизненность, то Идея Божества есть уже Самый Предмет Идеи. Вот почему Желание Созидания, выраженное Сущностью Божественной, уже есть Жизнь в ее мировом значении.

§ 2. Мир Нагорный и Мир Бытия

«В начале Бог сотворил Небо и Землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою».

Первичное Мировое Творчество есть рождение в Недрах Абсолюта дилеммы: Бытия Нераздельного Чистой Сущности Его и Бытия Вселенского, Бытия Совокупного всей множественности бесконечной могущих быть форм, мгновенных слепков с отдельных аспектов Бытия Целого. Это есть рождение «Неба» и «Земли» Аристотеля, рождение двух великих царств: Звездного Неба, Совершенного Царства Эфира, и Царства четырех элементов — Бытия мгновенного в формах. Рождение дилеммы Неба и Земли в своем высшем аспекте утвердило Аркан III как *Divina Natura*; Самосознание Божества в своем Нераздельном Единстве противопоставилось Сознанию Совокупному — синтезу отдельных самосознаний в безграничности аспектов, потенциально заключенных в Едином Духе. Аркан III утвердил Бытие Троединого Творящего Божества как Субстанциональную Реальность, Он выявил учение о Жизни Космического Духа как отражении двух высших Ипостасей этого Духа в третьей. Во втором более низком аспекте рождение дилеммы Неба и Земли, утвердило возможность потенциального бытия феноменальной природы как отблеска и тени Природы Божественной. Здесь Аркан III стал учением о третьей Ипостаси Троединого Творящего Божества как Космической Реальности, Нуменапной Силы, утверждающей мир отражения Духа — область майи. Итак, Аркан III расчленяется на два учения: на учение о *Divina Natura* как Самосознании и Жизни Духа в Себе Самом и учение о *Partus Generatio*, о Источнике Произрождения, каковым является Природа Божественная по отношению к природе феноменальной. Доктрина о *Partus Generatio* и выливается в учение о дилемме двух миров, Мира Горнего и Мира Бытия,

עלמא דלא מלייא במלה אחרא עלאה. כלמה די בארעא חכי נמי לעילא ... ולית לך
מלה זעירא גהאי

Зогар.

Из Недр Абсолюта родились два Принципа: «Essentia» и «Existentia».^[233] Сущность в Себе Самой противопоставилась тем следствиям, которые из Нее вытекают. Сущность частности — звено общей мировой цепи, аспект единичного Целого, выявила возможность существования отдельного всего из нее вытекающего вне зависимости непосредственной от других ей подобных. Родился принцип возможности бытия отдельности, возможности ее собственной жизни, ее собственных целей, ее собственной воли.

«Эти два слова, сущность (Essence) и существо (Substance) эквивалентны следующим двум: Мир Интеллигибельный и мир чувствуемый, объединяющим весь параллелизм этих двух аспектов ведения».

Сент-Ив д'Альвейдр.

Великая мировая система возможностей переродилась в существе своем. До сих пор она была лишь внутренним Сознанием Божества, тем беспредельным простором, в котором как бы недвижно застыл Божественный Разум; теперь этот простор раздвоился и каждая половина, проникая другую, наносила ей грань и сама от нее отмежевывалась. Вселенский Разум в себе самом нашел возможность относительной жизни; взамен продления Целого он создал свободу собственной жизни частей своих, отдельных звеньев, и этим разделением утвердил целостность своего Совокупного Бытия. Произошел великий раскол в Разуме, родились два мира. Звенья Нераздельного Целостного Вселенского Разума, Идеи отдельные, потеряв неразрывность с

иньми, восприняли дар независимости в жизни, т. е. движения в стремлении доминировать. Проходя через призму их, Энергия Божества порождала то, что являлось следствием их самобытности; возникла цепь последовательная единичных следствий, совокупность которых исчерпывала частную систему возможностей отдельного первоисточника; так родился мир потенциально проявленный, родился мир земли и система его возможностей. Но, в то же время, развиваясь и проходя весь запутанный клубок нитей своих видоизменений, эта цепь как бы отбрасывала вверх свою светлую тень и создавала в ином мире нераздельную совокупность законченного и целого развития своего, создавала образ совершенный, идею в своей истинной природе, в которой запечатлена вся безграничность частных и все их развитие. Слагаясь один с другим, эти светлые облики, обнимающие все продление, друг с другом сливались, как сливались внизу конечные виды явлений. Ткалась общая сеть совершенных идей, комплексов целостных всех образов возможных, и так рожден был Высший Мир, Мир Горний — *ουρανὴ φύσις* Филона, *Olam Namouskal* (Интелигибельная Природа) Каббалы.^[235]

«Великий гигант Пушан разъят был Бэл-Мардуком на две части. Из одной Он сотворил Небо, из другой Землю», — гласят священные книги Вавилона;^[236] мифы о Хроносе и Уране выражают эту же идею, как она была воспринята греками и римлянами.

Мир Горний — это Мир Принципов Чистого Света Божественного, Мир Истин Абсолютных, лежащих вне мира пространства и времени, Мир Самодовлеющих Аспектов Божественной Субстанции; это Мир ангелов светлых, эманации Божественной Сущности, не коснувшихся мира материи; это тот Мир, где по учению каббалистов, восседает на троне Вседержитель, окруженный 22 буквами священного алфавита, и Глаголы Его вылетают из Уст в виде потоков ослепительного Света.

«Двадцатью двумя буквами, давая им форму и образ, смешивая их и комбинируя различными способами, Бог сотворил все то что есть, что имеет форму и все то что будет ее иметь. Именно с помощью этих букв Святой, да будет Он благословен, утвердил Свое Имя Возвышенное и Незыблемое».

Сефер Иецира.

«Ангелы представляют собой различные частные формы Вечного Разума; они живут в Божественной Природе, т. е. Мире Интелигибельном».

Филон.

Этот мир недоступен уму человека и только из Божественного совершенства искры духа своего он может предвосхищать все бесконечность совершенства Мира Божественного, Мира Горнего.

«Там, в равнине Истины, — Чертог Совершенного Познания, которое охватывает всю Истину в Целом. Разум же Богов питается чистой мыслью и познанием, как и разум всякой души, жаждущей питания, которое ему соответствует. Допущенный к созерцанию Существа Абсолютного, он утоляет жажду свою Истиной и погружен в восторг. Он созерцает Истину в Самой Себе, Мудрость в Самой Себе, Познание, предмет которого — Существо Существ; такова жизнь Богов!

Платон.

Мир Бытия есть мир вечного изменения, трансформации и эволюции. Как в Мире Нагорнем все вечно, незыблемо и лежит вне пространства и времени, так в Мире Бытия все изменяется, все умирает и вновь возрождается, все сковано раз навсегда числом, мерой и временем.

«По своей субстанции, внутренней сущности, все есть одно: Единое, Бесконечное Божество. Ни одна из единичных вещей не самостоятельна, каждая существует лишь поскольку она явление Вечной и Бесконечной Божественной Силы. Но эта Субстанция не представляется в виде неподвижного Бытия, исключаящего всякое движение и множественность. Это есть вечная творческая деятельность, действующая сила природы, причина всех вещей. Божество действующая Причина — *Natura Naturans* — всех вещей; Она относится к единичным вещам, как сила мышления к единичным понятиям, но Его мышление есть в то же время и создание всякой действительности. Целью этой творческой деятельности является не что иное, как совершенство самой вселенной, как реализация всей бесконечности форм и образов, возможность которых содержится в Божественной Сущности. Поэтому Божественная Субстанция представляется в одно и то же время и Мировой Причиной и Мировой Целью; Она Творческий Дух, Мыслями Которого является природа и действительность. Но творить и созидать может только Дух; Он действует в вещах, как внутренне присущий им Художник, как Идея и Творческая Сила одновременно. Вся природа вдыхает эту Божественную Жизнь, эту внутреннюю одушевленность. В Бесконечной Субстанции исчезает, таким образом, всякая обособленность, так как Она — все, то и не может быть ничем в частности. Поэтому для нас, понятия которых сложились на единичных вещах, Она непостижима и неизяснима. Но, в то же время, как Целое остается в Своей Сущности неизменным, жизнь единичных вещей представляет неустанное изменение; таким образом, природа всегда находится в бывании, но при этом она уже всегда готова и закончена; вселенная совершенна в каждое мгновение и никогда не может быть чем-либо иным, как беспредельным обнаружением Божественной Первосилы. Единичные же вещи, напротив, подчинены процессу зарождения, роста и увядания; они зарождаются в самом несовершенном виде, развиваются до полного расцвета своей внутренней сущности и опять умирают для нового несовершенства, чтобы служить зародышем новой жизни для других вещей».

Джордано Бруно.

«Проникая материю, Вечность дает ей бессмертие и незыблемость, ибо ее произхождение зависит от Бога. Произхождение и время имеют разную природу на небе и на земле, недвижимую и незыблемую на небе, подвижную и изменчивую на земле».

Гермес Трисмегист.

Учение Джордано Бруно о Горнем Мире, Царстве Архетипов, вдохновило немецкого философа Шеллинга, разработавшего эту доктрину в достойном глубочайшего внимания труде, посвященном им светлой памяти великого итальянца. Этот труд был издан в Берлине в 1802 году под именем «Бруно, или Естественное и Божественное Начало вещей». В своей книге немецкий мыслитель возносит нас далеко от земли и чувствуемых вещей на предельные вершины идеализма. В этой верховной области Духа Истина и Красота сливаются в Одно Великое Начало.

В Боге, в Абсолюте пребывают первичные образы, идеи — архетипы вещей, эти первичные типы образуют то, что можно назвать *природой первообразов*, для того чтобы противопоставить ее *природе сотворенной* или *рожденной* и которая запечатлевает в себе божественные образы в продлении. Сотворенная природа одна подчинена законам времени и движения, росту и упадку. Природа первообразов не имеет начала и не будет иметь конца, ибо каждый из них, как руководящая идея во всем мироздании, не может претерпевать изменения. Эти недвижные и вечные прототипы вещей, непосредственные творения Бога, одни наслаждаются лицезрением абсолютной истины; все сотворенные вещи обладают лишь временной и относительной истиной, они не принадлежат по своей природе к истине, они содержат истину лишь постольку, поскольку они представляют собой свои вечные идеи.

Единый Космический Однородный Дух содержит в Себе всю совокупность *a priori* возможных тональностей; вводя в Свое Сознание возможность относительного бытия, этот Дух порождает в Себе Самом отдельные аспекты, утверждаемые конкретными формами самосознания, или, иначе говоря, тональностями Духа. Аркан III, будучи учением о Совокупном Самосознании Божества, является также учением о Первообразах, утверждением которых в Своих Недрах Божество и осуществило акт Первичного Творчества, т. е. Творчества в Области Собственного Космического Божественного Самосознания.

«Интеллигибельный Мир есть не что иное, как Мысль Бога, когда Он приготавливался к сотворению мира, точно так же как архитектор имеет в своей мысли идеальный город, прежде чем построить город реальный. Или, так как этот идеальный город не занимает никакого места и образует лишь образ в душе архитектора, то также Мир Интеллигибельный не может быть нигде вне Мысли Бога, где был создан план материальной вселенной».

Филон.

Первообраз, как аспект Духа, есть тот же самый Дух, но абсолютный лишь по отношению к вытекающим из него возможностям, утверждающим присущий ему относительный, потенциальный мир. *Первообраз обладает ему одному свойственным индивидуальным созданием*, и именно это и утверждает самое его бытие как такового; это сознание может быть *потенциальным* и *утвержденным* Если первообраз обладает лишь потенциальным сознанием, то он сам по себе обладает лишь потенциальным бытием и является единичной возможностью Космического Духа. Если Первообраз обладает утвержденным сознанием, то он является реальностью, как по отношению к присущей ему системе возможностей, так и по отношению к Космическому Духу, ибо он в этом случае является Его утвержденным аспектом. *Утверждение Первообраза осуществляется чрез последовательное утверждение его целостного потенциального сознания во всех единичных аспектах свойственной ему системы возможностей и синтезирование всех этих частных к единую совокупность*. Утвержденный первообраз есть малый мир — микрокосм, подобный макрокосму. Он является реальностью, членом Общепланетарной Реальности, каковая есть утвержденный Вселенский Первообраз — Бог. Первообраз, как Дух, имеет три ипостаси, — в первой он ощущает свое бытие как таковое, во второй — он сознает себя как единое, в третьей он познает себя как совокупность своих категорий. Третья Ипостась Божества, *Divina Natura, Partus Generatio* есть совокупность третьих ипостасей Первообразов, и эта последняя ипостась обыкновенно и понимается под самым понятием о Первообразах. Ясно, что по отношению к феноменальному миру это понимание основано на реальности.

«Вместо мира совершенно материального, отделенного от Бога, вышедшего из ничто и долженствующего в него возвратиться, Каббала видит бесчисленные формы, в которых проявляется и манифестируется Божественная Сущность, следуя по неизменным законам мысли. Все существует сначала объединенным в Верховном Разуме, прежде чем реализоваться в чувствуемых формах: отсюда два мира: один Интеллигибельный или Высший, другой низший или материальный».

Синтез учения Каббалы по Фрайку.

«Таким образом, мир низший и Мир Высший одинаково предстоят пред телом Шехины; они соединены и объединены так, что образуют лишь одно тело; следовательно все есть лишь одно тело и Бог в выси и Бог в низинах, и дыхание с высот, которое все оживляет, — все есть лишь одно тело, это и есть то, когда Писание говорит: Святой, Святой, Святой, вселенная исполнена Его Славы».^[243]

Идра Рабба.

«Известно, что парсы признавали существование божественного прототипа у каждого существа, наделенного разумом, его идеи в Мысли Ормузда, его высшего гения, который его вдохновляет и живет в нем. Это учение одинаково предлагалось верованию и преданиями и законами».

Евгений Еюрнуф.

Первообраз по отношению к своей феноменальной природе есть совокупность идей и принципов, абсолютных для данного относительного мира. Идея или принцип Первообраза есть совокупность всех *a priori* возможных ее феноменальных выражений; он является целостным замкнутым вихрем, отдельные аспекты которого суть бинеры, выражающие его конкретные манифестации. Он содержит в себе, следовательно, не только самые феноменальные выражения, но и закон их причинности и последовательности хода развития от простейшей формы до конечного синтеза. Вместе с тем, каждый закон Первообраза заключает в себе всю совокупность всех *a priori* возможных взаимоотношений отдельных его феноменальных манифестаций с другими подобными, с которыми они могут взойти в соприкосновение. Отсюда непосредственно вытекает, что закон Первообраза в самой совокупности, своих феноменальных конкретных манифестаций содержит как утверждение себя как такового, во всей полноте свойственных ему аспектов, так и утверждение своей связи со всем вне лежащим миром.

«Совокупность универсальных законов, т. е. следствий взаимного воздействия принципов друг на друга, стремящихся проявиться в потенциальностях, а затем в актах — есть как бы удивительный зубчатый механизм, строго единый в своей природе, механизм, где каждая вещь управляет всеми другими и получает в свою очередь, благодаря коллективному и взаимному действию, все свойства принципа единства. Мы уже сказали, что идея какого-нибудь принципа, подверженного изменению в своей сущности, есть идея радикально ложная, ибо заключает в себе очевидное противоречие. (Всякий принцип является в корне *единым*, ибо перемена состояния предполагает *двойственность*). Если бы даже на момент признать эту возможную неустойчивость, то по свойству солидарности первопринципов, *малейшее изменение одного из них отразится во всей интеллигибельной вселенной, и хаос,*

распространяясь по всей длине цепи причинности, сразу нарушит равновесие Неба и Земли— что было бы концом мира».

Станислав де Гуайта.

Мир Первообразов, как мир абсолютных законов и принципов, есть мир расчлененного и восстановленного мирового единства. Каждый отдельный закон, каждая отдельная идея, утверждая себя самое, утверждает и всю совокупность других в свойственном ей аспекте. Каждая часть не только сознает себя частью Целого, но и сознает себя всем Целым и отражает в себе все другие части; каждая частность есть все, и все есть каждая частность, и своей вселенской семьей они являются хартией Единой Нераздельной Истины, сознающей Себя в Божественной Природе, Нуменальном Источнике природы расчлененных форм, Светозарном Небе, порождающем мир майи — природу феноменальную.

«Это то Небо, где все прозрачно и нет ничего темного и непроницаемого, и все ясно и видимо и внутри и со всех сторон. Потому что свет встречается со светом, и каждая вещь содержит в себе и видит все в другой. И все есть везде, и все есть все, и каждая вещь есть все. И сияние бесконечно, потому что все велико, и даже то, что мало, тоже велико. И солнце заключает в себе все звезды, и каждая звезда есть солнце и все звезды. В каждой, однако, преобладает особое свойство, но в то же время все вещи видимы в каждой. И содержание каждой вещи есть разум, и сама она разум. И каждая часть всегда происходит из целого, и есть в одно и то же время и часть и целое. Потому что она действительно является как часть, но тот, у кого острое зрение, увидит ее как целое»...

Плотин.

«Предметы и слова суть тени Бессмертных Творческих Идей, исходящих от Божественного Разума».

Джордано Бруно.

«Каждый элемент имеет свой источник в высшем элементе и все они имеют своим общим первоисточником Слово или Святой Дух».

Сефер Иецира.

«Нужно, чтобы ты знал, что между миром телесным и Тем, о Котором мы будем говорить (Мир Горний, Духовный), имеется такое же соотношение, как между нашей тенью и нашим телом».

Al Gazali.

Учение об этом Горнем Мире и являет собой доктрину Аркана III.

Всякое человеческое представление, понятие или идея возникают или из сравнения между собой членов бинерного представления, или же сами по себе представляются бинерной системой. Эти два случая проистекают исключительно из *форм мышления*, плоскости сознания, но не из существа вопроса. *Всякое представление необходимо имеет бинерный характер, но эта бинерность, будучи иногда не освещена сознанием, может поэтому находиться в скрытом виде.* В этом случае, вытекая из некоторого бинера, данное представление является его единичным феноменальным следствием, определенной совокупностью взаимоотношений некоторых факторов, ибо, как только это представление в себе самом получит поступательное движение, начнет развиваться, то тотчас же оно автоматически начинает выявлять в сознании человека бинерность своего строения. Идея отличается от представления своей *динамичностью*, каковое обстоятельство есть синоним *проявленности бинерного строения*; обладая динамичностью, идея, тем самым, обладает жизненностью, наделена собственным, независимым бытием. В силу этого, каждая идея в своей внутренней сущности есть *нумен*, аспект Общемирового Синтеза; она проектируется в разум как *единичный вихрь*, проходящий через все возможные состояния сознания от Космически Божественного до самого конкретного. Идея, по отношению к совокупности своих внешних проявлений, является независимой субстанцией; в целостном ей присущем сознании она противопоставляет себя самое, как нераздельную сущность, — всей совокупности своих внешних проявлений. Эта совокупность, как истина этой идеи, как вторая ее ипостась, есть комплекс всей массы бинеров, выражающих ее в отдельных аспектах сознания; чем выше сознание, тем синтетичнее утверждающие ее бинеры, тем меньше их число, и, в пределе, в ее собственном сознании, вся совокупность проявлений идеи выливается в конечный Верховный Бинер. *Сущность идеи и Верховный Бинер, ее совершенное выражение в разуме, представляют собой замкнутую утвержденную систему, которую я и буду называть Высшим Тернером данной идеи. Каждый частный бинер, выражающий идею в частном аспекте, утверждает этот аспект по отношению к себе как субстанцию; совокупность этой аспективной субстанции и двух членов бинера представляет, собой систему, которую я буду называть частным тернером.*

Высший и частный тернеры представляют собой понятия разнствующее в самом своем существе. Высший Тернер есть система, заключающая в себе всю совокупность *a priori* возможных следствий. Верховный Бинер есть *Двоица*, замкнутая и устойчивая; все единичные следствия и качества в ней уже выявлены и закончены, но самостоятельного бытия иметь не могут, — их совокупность имеет единую, *нетварную* природу. Частный тернер есть система, заключающая в себе также всю совокупность *a priori* возможных следствий. Частный бинер есть система в неустойчивом равновесии, он стремится объективировать все свои единичные качества и следствия, они стремятся получить самостоятельное бытие, ибо их совокупность имеет расчлененную, *тварную* природу. *Высший Тернер или Триада есть Триединная Сущность и интерпретируется эволютивным треугольником, где вершина есть Сущность, а бинер двух точек представляет целостное Самосознание этой Сущности. Частный тернер есть тройственная сущность и интерпретируется инволютивным треугольником, где бинер двух точек есть сущность и ее самосознание, выливающееся в тварное самосознание.*

Триада есть Субстанция, Дух в Себе Самом, в Своей пралайе; Тернер есть Субстанция Творческая, Великий Архитектор вселенной. В Аркане I мы утвердили доктрину об Эйн Софе как Непостижимом Вселенском Духе в пралайе; этот Аркан есть учение о первой Ипостаси Творящего Божества как Космическом Прообразе Триады Духа в Его пралайе; он рождается

вместе с II и III Арканами, но среди них он является членом *primus inter pares*. Система первых трех Арканов есть Верховный Божественный Тернер, Космический Прообраз Триады и его мощь выливается в Творческую Силу Божественную, именуемую Великим Мировым Архитектором; [251] учение об этом Архитекторе и есть доктрина второго тернера Великих Арканов. Резюмируя изложенное, мы видим, что Субстанция утверждает Себя последовательно: в Триаде, Верховном Тернере и частном тернере.

II. Начала учения о частном тернере

Частный бинер представляет собою *a priori* неустойчивую систему, ибо полярные тяготения его членов выливаются в стремление объективировать всю совокупность единичных взаимоотношений; влияний и тяготений. Эти отдельные объективные аспекты представляют собой, в свою очередь, бинеры, но эта бинерность может быть утверждена только после выявления объективированного аспекта как такового, который, в этом случае, и является конкретным единичным представлением, *частным андрогинном*. Это последнее и выражается первым законом частного тернера. *Всякое явление и всякое восприятие явления проистекают из взаимодействия биперов, т. е. из того, что явление имеет место, необходимо следует, что существует какой-то бинер и, обратно, если мы воспринимаем какой-нибудь бинер, необходимо следует, что существует где-то выявляемое им явление — его андрогин*. Следуя этому закону, каждый частный бинер утверждает себя во всей совокупности своих дифференциальных аспектов, единичных представлений из него следующих, т. е. порождает цепь своих андрогиннов. С другой стороны, каждый такой бинер утверждает соответствующий ему аспект нуменальной первоначальной истины. Вследствие этого, *всякий нумен запечатлевается в феноменальном мире в системе четырех элементов» в интеграле, в бинере и цепи андрогиннов*.

Интегралом бинера я называю относительный нумен (аспект Общемирового Синтеза, утверждаемый данным бинером), выявленный в разуме в виде конкретного бинера; объединяясь в интеграле, члены бинера ускользают из разума, выявляя истину, возвышающуюся над его возможностями.

Андрогинном бинера я называю частный синтез отдельных аспектов членов бинера; каждый бинер порождает целую цепь андрогиннов; андрогин может обладать свойствами отличными и даже противоположными свойствам членов бинера.

Нейтрализацией бинера я называю выявление бинера и отдельных андрогиннов в разуме и подъем сознания до восприятия нуменальной истины, раскрывающейся в бинерной системе. Дальнейшее чувствование и достижение нераздельного сродства с переливами сознания истины, скользкой по всей системе составляет дар созерцания.

Тернером я называю систему членов бинера и их интеграл.

На плане физическом классической иллюстрацией нейтрализации бинеров являются химические соединения. Так, например, вода есть андрогин кислорода и водорода; каждая молекула ее состоит из элементарных частей, атомов двух газов, ее родоначальников, но, вместе с тем, вода, хотя и может быть вновь разделена на эти газы, но этим она уже теряет все свои свойства. Поэтому, можно сказать, что хотя вода и включает в себе свойства каждого из ее газов в отдельности, но это содержание является лишь ее потенциальным свойством, так как сама по себе она обладает уже иными, ей самой и только ей свойственными особенностями. Но, вместе с тем, вода не есть интеграл О и Н, потому что в ней они еще продолжают существовать, и даже более того, они могут быть нами познаны только чрез этот или другие андрогинны, а не сами по себе. В данном случае их интегралом будет первичная материя, откуда они оба произошли, из

корпускул которой они составлены.

*Тяготеющие друг к другу члены бинера, совокупностью своих взаимодействий выявляют совместное отражение — общий андрогин, в котором хотя и заключены свойства каждого из них в отдельности, но они могут быть обнаружены лишь при обратной дифференциации на составные части. Этот андрогин обладает свойствами, присущими лишь ему самому, андрогин представляет из себя новое вполне законченное и самостоятельное целое, вполне независимое от би-нера родоначальника. Если андрогин заключает в себе все свойства членов бинера в состоянии полного устойчивого равновесия, т. е. когда полярные свойства и качества одинаково спроектированы, то он именуется **полным или общим андрогином**; если это равновесие не соблюдено, т. е. один полюс бинера в андрогинном отражении доминирует над другим, то андрогин именуется **частным андрогином**; наконец, если андрогин заключает в себе лишь часть аспектов членов бинера, то он называется **частным относительным андрогином**.*

«Тернер непосредственно вытекает из бинера; движение, рождающее два, рождает три; три есть ключ чисел, так как это первый числовой синтез, так как в геометрии это треугольник, первая замкнутая и завершенная фигура, производящая всю бесконечность треугольников, будь они различны или подобны».

Элифас Леви.

«Подобно тому, как половое соединение покоится на трех основах (мужской, женской, результат объединения), точно также не могло бы существовать единения всех вещей, не могло бы быть иного источника благословения, как из числа три».

Зогар.

Интеграл, бинер и общий андрогин представляют в своей совокупности целостную систему, утверждающую нумен в разуме. Полный андрогин аналогичен и полярен интегралу; объемля все качества членов бинера в совершенной гармонии, андрогин есть аналог интеграла — сущности, которой и присущи все эти качества, как атрибуты; вместе с тем, андрогин полярен интегралу, как совокупность внешних отражений, манифестаций — полярна субстанции в себе самой. Интеграл, как субстанция, *нетварен*, андрогин же есть его *тварная природа*, в этом и состоят их аналогичность и полярность. Бинер и полный андрогин представляют собой проявление и утверждение интеграла в разуме. Истинная Триада — сущность и двойственность самосознания в духе нумена недоступна человеческому разуму; он утверждает его в Верховном Тернере, как высшую метафизическую истину, но сознательное ощущение этой истины доступно лишь созерцанию. Деятельный разум начинается с вторичного тернера: бинера и общего андрогина; слияние этой системы есть его конечная цель и последняя грань его бытия. Весь мир в его истинной сущности построен по закону Триады, но истинная абсолютная метафизика доступна только светлостному сознанию духа; наш разум живет в мире реализуемых и реализующихся бинеров, и его бытие заканчивается на грани бинеров, для него навек непереступаемой. *Цель и назначение разума целиком сводятся к одной высшей задаче: выявить в строгой отчетливости всю совокупность бинеров, изучить процессы выявления ими цепей частных андрогинов, утвердить по ним общие андрогины и, таким образом, дать возможность сознанию подняться до созерцания духовного света сущности, область которого лежат по ту сторону выявленных тернеров.*

«Для того чтобы создать равновесие, необходимо разделить и объединить:

разделить по полюсам и объединить в центре».

Элифас Леви.

«Тао произвел одного, один произвел двух, двое произвели трех и трое произвели все существа».

Лао-цзы.

Выявление полного андрогина есть нейтрализация бинера; осуществление этого есть постепенное созидание конечного синтеза последовательным утверждением одного за другим относительных синтезов в эволютивной последовательности. Бинер искусственно расчленяется на ряд составляющих частных, т. е. могущих реально существовать, как выразители более дифференцированных идей, и даже условных, т. е. могущих существовать лишь в относительном метафизическом пространстве через утверждение соответствующих модусов мышления. Эти единичные бинеры нейтрализуются с несравненно большей легкостью, а затем наступает период обратного синтезирования в начальный бинер с обобщением частных относительных бинеров в их общий синтез — полный андрогин. Сложность конституции всех познаваемых бинеров безмерно усложняет их нейтрализацию, ибо *нет в мире таких двух связанных между собой феноменов, между которыми полярная противоположность наблюдалась только в одном сечении*. Всегда и всюду человек убеждается, что привести эти взаимоотношения к одному какому-нибудь бинеру совершенно немыслимо, так как разнствоование, полярная противоположность, наблюдаются одновременно в нескольких плоскостях сечения, которые между собой не могут быть ни совмещены, ни объединены в новой плоскости.

III. О природе членов бинера

Система бинера утверждается полярностью его членов, т. е. *равенством противоположностей*; тезис и антитезис взаимно утверждают друг друга; утверждение одного есть отрицание другого. Их совокупность утверждает бытие синтеза; она есть его форма в разуме; их объединение есть одновременно: взаимное уничтожение в разуме и выявление синтеза в его собственной сущности. *Уничтожение в разуме, т. е. обращение в нуль, вовсе не показывает прекращение бытия как такового, а знаменует лишь прекращение возможности разумного познания*; именно в силу этого на пути веков нуль являлся символом и эмблемой Божества как Сверхразумного Бытия. В системе: интеграл, бинер и андрогин, нуль занимает срединное положение и одновременно утверждает как бинер, который есть расчлененный аспект нуля, т. ак и дилемму интеграла и андрогина, в которой первый есть сущность, а второй внешнее ее проявление. Несмотря на полную полярность членов бинера, представляется, тем не менее, возможным установить меж ними различие, грандиозность значения которого прямо неизмерима.

*Тезис есть утверждение утверждения и отрицание отрицания, антитезис есть отрицание утверждения и утверждение отрицания. Утверждение утверждения есть активная форма самосознания реальности; реальность не может себя не утверждать — проявлена она или нет — это есть ее **исконное субстанциональное свойство**. Отрицание отрицания есть внешняя, манифестированная форма утверждения утверждения; оно имеет **явно феноменальную природу** и бинерное строение, ибо оно утверждает отрицание понятия*

(отрицания) вне не только его самого, но и самой сущности, как таковой, лежащего. Отрицание утверждения есть пассивная форма внешнего самосознания реальности; реальность в себе самой не может себя отрицать, ибо иначе она не была бы реальностью, субстанциональным бытием; отрицание утверждения есть внешняя манифестированная форма самосознания, для какой цели оно и выливается в утверждение отрицания. Тезис есть внешняя форма реальности, он входит в нее и обратно эмаллируется ею, как ее динамическое самосознание, а потому тезис есть носитель реальности. Антитезис есть лишь бинерное соответствие тезиса, он есть необходимая для его самоутверждения полярность, он есть фон его проявления. Тезис есть реальность, он образует самую природу данной модификации бытия, антитезис нереален, он лишь очерчивает это бытие, как мрак окружает свет.

«Влияния солнца изменяются непрерывно в нашей атмосфере: то ветры из теплых стран нас согревают, то, наоборот, свежие ветры дают нам прохладу; человек сам может усиливать или ослаблять действие этого светила, сообщая или рассеивая его лучи; между тем, действие солнца всегда одно: оно испускает беспрестанно вокруг себя один и тот же свет, его активная сила действует постоянно в одинаковой степени, с одинаковым избытком, между тем, в нашей изменчивой области мы от него наблюдаем столь противоположные результаты.

Сен-Мартен.

Тезис по самому существу своему независим; его развитие и степень совершенства синтеза его выражения в разуме зиждутся на нем самом. Антитезис есть лишь тень тезиса, он не может иметь своего самостоятельного развития, он даже не может быть выражен самостоятельно и утверждается лишь как отрицание тезиса.

IV. О нейтрализации бинеров

Нейтрализация бинера есть утверждение и восстановление сущности как Первообраза. Рассмотрим этот процесс с двух сторон: в его истинной сущности, как он протекает в области духа, и в его внешней форме, как он отражается и протекает в сфере разума.

Интеграл и бинер представляют собой Верховный Тернер: первый есть субстанциональное бытие как таковое, второй есть целостное самосознание сущности, *implicite* заключающее в себе всю совокупность возможных андрогинов. Нейтрализация бинера есть восстановление Верховного Тернера в Триаду. Активный член бинера, как прообраз сущности, есть совокупность всей массы ее отдельных атрибутов; при конечном выявлении тернера эти атрибуты находятся в предельно дифференцированном состоянии; иначе говоря, этот активный член представляет собой комплекс утвержденных свойств, качеств и их взаимоотношений, наделенных независимым в их сознании бытием. В гармонии с этим, пассивный член бинера является комплексом полярных свойств, качеств и их взаимоотношений. Нейтрализация бинера есть постепенное синтезирование дифференцированных аспектов активного члена; чем выше этот синтез, тем более приближается активный член к сущности, тем более становится он реальностью, и, наоборот, пассивный член теряет свою многокрасочность, теряет иллюзию самостоятельного бытия. Синтез дифференциальных аспектов активного члена осуществляется в строгой гармонии с последовательными утверждениями, одного за другим, каждого из них в интеграле, как его собственного свойства. В дилемме двух полярных частных аспектов членов

бинера за минусовым отрицается самостоятельность бытия, ибо он представляет собой лишь обратную величину плюсового. Соответственным изменением плоскости сознания качества минусового члена выявляются как недоразвитый аналог плюсового; благодаря этому частный бинер становится нейтрализованным, а потому пассивный член всего бинера как бы приближается к активному, через что весь бинер подымается к сущности. Таким образом, в своей истинной природе бинер нейтрализуется в двух аспектах сознания: в утверждении плюсового члена как синтеза, прообраза интеграла и в отрицании минусового члена как искаженного отражения плюсового.

«Каждый человек, кто бы он ни был, может быть в прямом общении с Богом. Сознание есть голос Бога в человеке; Бог, будучи везде, существует для каждого. Таким образом, грех есть воля, противоположная той, которую Бог нам лично открывает».

Jacob.

В мире разума тернер представляет собой систему двух членов бинера и общего андрогина. Нейтрализация бинера в разуме есть выявление этого андрогина; за этой гранью начинается область сознания духа.

Когда два феномена координированы в метафизическом пространстве постоянством расстояния от некоторой определенной точки, они могут иметь лишь известное число *форм свободы*; так, например, в геометрическом трехмерном пространстве — две; очевидно, что самая степень свободы определяет некоторую поверхность. Если мы теперь возьмем разность этих феноменов, то увидим, что она будет иметь свободу степенью больше, чем каждый из феноменов в отдельности, т. е. одно координатное стеснение падает. В нашем примере такая разность будет иметь три степени свободы, каковая свобода для трехмерного пространства уже представляется абсолютной. Два равные и противоположные начала определяют некоторое меж ними расстояние, т. е. протяжение, пространственность. Каждый из членов бинера, каков бы бинер этот ни был, сам по себе представляется комплексом бинеров низшего порядка, и является составляющим членом ряда высших и, наконец, связан гармоничностью сочетаний и взаимоотношений с членами бинеров того же самого сечения космоса. *Когда из анализа отдельных членов бинера мы переходим к анализу их разности, мы уже тем самым переходим к исследованию явления высшего порядка.* Действительно, в состав связей каждого из членов бинера входит ряд связей тождественных; беря разность их, мы тем самым уничтожаем координатную от них зависимость, т. е. получаем высшую степень свободы. Разность эволюционирующих планов вселенной мы воспринимаем прежде всего в увеличении свободы, в нарастании ее степеней. *Как в низшем плане физического мира все совершенно определено и раз навсегда связано, так Мир Божественный есть Мир истинной беспредельной свободы.* Получив новую степень свободы, мы тем самым избавляем себя от необходимости рассматривания связей и взаимоотношений с целым рядом внележащих феноменов. Этим упрощением задачи мы и получаем возможность как *правильной классификации* вообще всей системы нарастания эволюционирующих полярностей, так и *правильной квалификации* рассматриваемого нами в данный момент феномена.

Для *нейтрализации* какого-либо бинера надо, прежде всего, ясно, отчетливо и определенно выявить полярную противоположность его членов, т. е. привести два рассматриваемые нами феномена к положению полярных членов бинера, для чего необходимо определенным образом ориентировать плоскость сознания. Две величины, равные и противоположные по знаку, определяют некоторую среднюю точку, относительную вообще, но абсолютную для данного

бинера; эта точка, обозначаемая нулем, определяется дифференциальным приближением по методу анализа пределов^[259] и характеризуется отсутствием знака. Определение этой точки и составляет подготовительную работу нейтрализации;^[260] именно точным определением нуля члены бинера и выявляются величинами равными и противоположными. Вторая ступень подготовительной работы — это строгая и точная формулировка в чем именно состоит противоположность. Как только эта противоположность строго выявлена, мы, тем самым, уже ясно обрисовываем в своем сознании *траекторию*, по которой эта противоположность постепенно нарастает. Мы начинаем отчетливо воспринимать нить, по которой последовательно, один за другим, идет ряд феноменов, из которых — первый совпадает с членом бинера, второй представляет его же, но с более слабым очерчиванием его основных свойств, т. е. мельчайшие дифференциальные детали, создающие всю красочность бинера уже более слабо и в меньшем числе выражены; третий и дальнейшие до нуля идут по тому же закону, постепенно расплывая до полного уничтожения все характерные свойства члена бинера. Переходя ко второй половине бинера, ряд феноменов идет аналогично, но в обратном порядке, постепенно приобретая все новые и новые свойства другого члена бинера, все более и более уподобляясь ему во всех дифференциально мелких частях.^[261] Когда такой ряд ясно восстает пред нашим умственным взором, мы получаем возможность передвинуть по этой нити относительный нуль не только до совпадения с каким-нибудь членом бинера, но и вывести его за пределы этого ряда. В этом и состоит процесс переориентировки плоскости нашего восприятия. Мы приводим наш бинер к разности двух одноименных, одинакового знака, но разных по величине феноменов. Затем, мы уже переходим от исследования бинера к исследованию этой разности и тем сразу освобождаемся от целого ряда координатных зависимостей, получаем новую степень свободы, получаем новую величину уже более высшего плана, и тем самым переходим от изучения состояний явления к изучению самого существа явления. Представляя члены бинера одноименными величинами одного и того же знака, но различной величины, мы этим приводим их к положению различных состояний того же самого нумена.

«Igitur cum dicitur Deus unum amâsse, alium odisse, sensus est minus amâsse, ac proinde um omnes eligi non possent rejecisse. Ut autem enim minus bonum induit aliquando rationem. mali, ita in casu concursus duorum amorum, minor amor potest dici induisse odii rationem, etsi minus propria sit talis locutio».

Leibniz.

Активный член бинера есть носитель реальности, и потому при перенесении нуля сознания за его пределы мы выявляем в нашем разуме *реальность*, т. е. истину. Наоборот, при вынесении нуля за пределы пассивного члена мы тем самым утверждаем в нашем разуме тень — как реальность, т. е. *ложь*. Это последнее и есть истинный генезис *лжи* как таковой, т. е. не относительного мышления, не полного, а потому не истинного, а ложного, т. е. явно ошибочного при самом своем построении. Ближе к изложенному подходит понятие о ереси. Ересь есть умышленное или ошибочное утверждение одного члена бинера с простым пренебрежением другим. *Еретическое учение есть неполное, одностороннее учение, а потому застывшее в косности и неспособное дать ответ на антиномичные запросы духа; истинное учение всегда антиномично, и в этом и состоит его основная особенность, важнейший признак и высшее достоинство.* Резюмируя изложенное, мы должны сказать, что восприятие и нейтрализация частного бинера идет по следующим этапам.

I. Человек должен себе уяснить прежде всего, что каждый воспринимаемый им феномен

есть результат взаимодействия членов некоторого бинера и следствие их одновременного влияния, т. е. что он есть их андрогин. В это время, человек не только не постигает сущности этих взаимоотношений, но даже лишен возможности проследить внешнюю технику их течения. Поэтому первое, что должен сделать человек, это выявить в своем сознании бинер, существование которого для него *a priori* несомненно, но который еще конкретно им не изучен. Для этого он начинает пользоваться методом приближения, т. е. выбирая наиболее характерные свойства явления, он начинает их развивать до максимума одновременно в противоположные стороны. Благодаря этому, человек получает ряд новых явлений, которые, вместе с представившимися ему, лежат на одной и той же кривой динамического цикла феноменов. Эта кривая асимптотически приближается к максимальному развитию крайностей, совокупность которых и представляют собой члены бинера. Остановливаясь в этих своих построениях в некотором месте, человек и ставит пред собой, таким образом, систему трех факторов: один это непосредственно путем опыта полученный феномен, два другие — это некоторые сечения той же самой траектории феноменов.

II. Производя эти умозаключения, человек убеждается, вместе с тем, что полученные им новые сечения траектории феноменов, путем развития полярностей, потенциально заключавшихся в основном наблюдаемом факторе, являются феноменами более высшего порядка, ибо к тем же самым сечениям можно придти и от других непосредственно наблюдаемых факторов природы; иначе говоря, что его первоначальный фактор является лишь частным случаем взаимодействия некоторых полярных систем, которые, в своей чистой форме и являются членами бинера, абсолютного для человеческого сознания в данном сечении космоса.

III. Взявши теперь высшее, наиболее возможное для него к ним приближение, человек и выявляет, таким образом, в своем сознании бинер, частным андрогином которого является полученный им путем опыта объект.

IV. После этого человек приступает к нейтрализации этого бинера, т. е. к познанию как того нумена, внешнее запечатление которого суть феномены, составляющие бинер, так и всего цикла феноменов в их динамической цепи в низших планах. Прежде всего, он постепенно убеждается, что полученные им сечения общего бинера суть равные величины, но противоположные по знаку, т. е. он решает проблему о нуле; этот нуль высшей плоскости проектируется в низшую в виде того состояния андрогина, когда свойства обоих членов бинера равноправно в нем перемешаны.

V. Далее, человек приходит постепенно к сознанию, что все сечения бинера суть лишь различные состояния того же самого нумена.

VI. Затем он переходит к исследованию разности между этими состояниями и тем постепенно начинает воспринимать интеграл бинера, и лишь поняв его в большей или меньшей степени.

VII. Он вновь переходит к исследованию процесса разделения его на два члена, бинера и на рождение из них андрогина.

VIII. И вот, только замкнув этот цикл изучения, человек начинает сознавать не только процесс, но и существо как дифференциации в андрогинах, так и синтеза в интеграле. Не имея возможности ничего постигнуть вполне, человек может все постигать приближением; так и в данном случае, с помощью полученных им сведений, он начинает видеть все с несравненно большей глубиной и ясностью сознания, чем раньше. Начав сызнова строить свои умозаключения, он будет с каждым новым законченным циклом все глубже и глубже проникать в сущность проблемы и постигать все новые и новые истины, дотоле остававшиеся ему непонятными.

Привыкнув с ранних лет воспринимать явления мира в формах раз навсегда установленных, человек, тем самым, лишается возможности критически относиться к тем постулатам, на которых зиждутся самые основные формы восприятия. Целый ряд положений человек с детства привыкает считать раз навсегда и абсолютно доказанными, а между тем в действительности они чисто условны и не имеют под собой никакого положительного и реального основания. Нет ничего более ошибочного в мире, чем так называемая «очевидная истина»; именно вследствие этой кажущейся очевидности человек и не дает себе труда заглянуть в ее глубь и ее проанализировать. Большинство великих открытий в области техники^[263] прививались так трудно именно потому, что они шли вразрез с принятыми тогда «очевидными истинами». Вот почему так трудно говорить об основных элементах восприятия, вот почему потребна столь громадная воля, чтобы неослабно следить за своим сознанием во время логических построений, когда человек обращается к анализу первооснов самого сознания. Мы можем непосредственно наблюдать в мироздании явления и движения отдельных факторов лишь как результирующее следствие действия всей массы заинтересованных причин. Явления мира бесконечно сложны по своей наблюдаемой внешности, хотя в действительности они проистекают из весьма простых и общих законов. Следуя общему методу познания, мы и в данном случае должны прибегнуть к строгой классификации, твердо памятуя, что такой путь есть единственный, нам доступный. Ясное дознание в разуме соотношения между истинной природой явления и его наблюдаемой внешностью может быть достигнуто лишь путем отчетливого расчленения действующих причин от их феноменальных результатов. *Каждое наблюдаемое непосредственно явление в мироздании есть результирующий комплекс ряда частных, которые являются элементами его составляющими. Каждый элемент есть атрибут и непосредственное частное следствие некоторого общего принципа, представляющегося истинной первоосновой явления.* Обращаясь к проблеме о природе движения, мы можем сказать *a priori*, что наше познание должно коснуться трех видов его: первоисточник движения, априорные элементы движения и, наконец, простейший вид движения, могущий быть наблюдаемым непосредственно.

Пульсацией я называю первоисточник всякого движения. Она есть субстанция, познаваемая по своим атрибутам

Элементом движения я называю атрибут пульсации; совокупность абстрактных и не могущих быть воспроизведенными в отдельности элементов создает наблюдаемые в действительности движения.

Простейшей формой или траекторией движения я называю такую, которая получается при действии независимого нумена, при устранении от влияния всех других факторов мироздания.

«Первый из основных законов мирового проявления есть всемирный закон смены, чередования. Ничто во вселенной не развивается по непрерывной прямой линии. Каждая вещь двигается до известной точки, потом отступает назад; новое движение вперед подвигает ее дальше чем предшествовавшее и т. д. (по извилистой кривой, геликоиде)».

Браман Чаттерджи.

Человек воспринимает мир как движение, ибо его разум способен воспринимать лишь разности состояний или явлений. Мир соткан из различных модификаций единой космической

энергии; в своем потенциальном состоянии она создает иллюзию материи,^[265] а в кинетическом она осуществляет жизнь мира; все выше и выше синтезируясь, она переходит в пределе в энергетивную природу чистого духа. Учение об энергии и движении, как анализ первоосновы сознаваемого мира, представляет собой в своем высшем развитии учение о технике самоутверждения духа. Понятие о движении представляет собой нуменальный принцип, и в силу этого оно может быть познано с наибольшей глубиной в применении его к высшим метафизическим факторам. Мы будем изучать движение в метафизическом пространстве, оставляя за собой свободу переносить полученные нами сведения по законам аналогии в мир движения физического.

Прямолинейное движение совершенно ошибочно почитается за основной вид движения, в этом случае особенно рельефно обрисовывается вся нелепость так называемой «очевидной истины». Прямолинейное движение не может быть основным элементом движения, потому что оно требует для своего наличия существования целого ряда добавочных факторов. Во-первых, нужна действующая сила, а она может возникнуть лишь при наличии некоторой вне лежащей и находившейся в контакте массы, в свою очередь приведенной в Движение; во вторых, оно требует для своего существования инерции, т. е. массы движущего тела. Отсюда следует, что масса перее движения прямолинейного, т. е. такое движение возможно лишь в мире уже существующих масс, иначе говоря, это движение по самому существу своему имеет феноменальный характер и не может иметь места в мире нуменальном. Масса есть основное качество материи, наличием которого определяется самое ее присутствие. Элемент материи, атом есть, согласно новейшим данным науки, вихрь корпускул, который суть не что иное, как единицы электричества, т. е. энергии. Таким образом, в действительности оказывается, что не масса, порождает энергию, а наоборот, что она сама есть порождение энергии. Отсюда окончательно выводим, что простейшая форма движения, т. е. непосредственно порождаемая нуменальным энергетическим источником при наличии независимости действия, должна иметь некоторый другой вид.

Нашему познанию доступны два случая независимого простейшего движения, соответствующего истинной потенциальной модификации энергии (см. Аркан XI): атом и космическая туманность. Как в том, так и в другом случае, наличие энергетического источника, непостижимого в своей собственной природе, сказывается в замкнутом вихревом движении. Отсюда чисто эмпирически мы уже имеем возможность сделать вывод, что элементарной формой движения является вихрь. В дальнейшем изложении мы не раз будем иметь возможность показать, что это является следствием *pop solum rationae imperii, sed etiam imperio rationis.*^[266]

Вихревое движение неотъемлемо включает в себе элемент времени или, вернее, *продления*, т. е. наличие измерения по координате времени. В силу этого, *вихревое движение по самому существу своему лежит в четырехмерном пространстве и может восприниматься человеком лишь в проекции на плоскость восприятия, лежащую в метафизическом пространстве, перпендикулярно координате времени.* При этом проектировании вихрь переходит в траекторию движения, имеющую следующий вид: *Самый общий вид движения в трехмерном пространстве есть спираль, навитая на эллиптический конус, дающая в проекции на горизонтальную плоскость Архимедову спираль, имеющую больший или меньший эксцентриситет с центром кругового сечения, на вертикальную же плоскость — затухающую синусоидальную кривую..*

В природе в действительности имеет место лишь истинное вихревое движение, но так как мы воспринимаем пространство методом координатных проекций, то мы в каждой из них получаем не составляющую движения согласно метафизическому разделению, — его элемент, но проекцию целого в искаженном виде. Отсюда становится понятна причина, почему истинная природа движения ускользает от исследования путем применения, вообще говоря, условных

законов механики, приноровленных к трехмерному пространству.^[268] Но зная истинный вид траектории движения, мы можем разложить его на его составные части, на его элементы: I— поступательное, прямолинейное движение, II— вращательное движение, III— движение расширения, IV — движение сжатия. Все эти четыре элемента неразрывно связаны между собой и друг друга обуславливают, причем первый из них вызывается непосредственно нумеральным действием духа, а другие три являются его следствием и по природе своей возникают из среды В своей совокупности эти три элемента выявляют природу флюида — прототипа всякого феноменального движения вообще.

«В нашей книге «Au Seuil du Mystère» мы осветили, согласно постоянному преданию учителей мудрости, тройную природу универсального флюида, рассматриваемого или в его движении расширения — Аод ПИ, или в его движении ограничения — Аоб ПИ, или же в интегральном круге его двойного движения восходящего и нисходящего — Аор ПИ.

Станислав де Гуайта.

Прямолинейное движение, таким образом, имеет место лишь в области духа, как следствие его субстанциональности.

§ 5. О иероглифе Аркана III

В левой руке Женщины иероглифа Аркана III держит скипетр, жезл Венеры — великий символ жизни. Шар, укрепленный наверху — это символ Божественной Сущности, одновременно содержащей в Себе всю вселенную, все ее проявления, краски и гармонии: он есть естественное изображение законченности, совершенства и полноты. Как шарообразная форма не имеет ни начала, ни конца, так как в любом месте ее может быть назначено как то, так и другое, так и понятие о Божественной Сущности исключает представления о каких бы то ни было пределах, о каких бы то ни было условных ограничениях. Она есть все и ничто, Она есть Источник всякой жизни, всякого движения, но, обнимая все в мире и будучи совершенной, Она недвижима. Человеческий дух — это луч Божества, пронизывающий все миры, и все наполняющий, ибо — он сам по себе есть источник всякой силы; таков символизм жезла Женщины. Диск, укрепленный на жезле, есть символ Мирового Пассивного Начала. Оно не имеет собственного света, но Оно способно светить всеми цветами, отражая все цвета, формы и гармонии Мировой Активности. Как диск попеременно меняет цвета свои, так и Пассивное Начало не способно задерживать свой отраженный свет, и как только видоизменяется активность, тотчас же соответственно изменяется и отраженный свет Начала Пассивного. Диск и жезл проектируются в крест, символ жизни. Пятьдесят тысяч лет тому назад созвездие Большой Медведицы имело вид правильного креста, и этот начертанный в мировом пространстве символ был воспринят людьми и положен в основание всех мировых религий.^[270] Женщина держит Жезл левой рукой так, что ее кисть образует отверстие, символизирующее ктеис, ибо в мире физическом естественным символом Активного и Пассивного Начал являются перекрещенные фаллос и ктеис.

«Привет тебе, крест; но не ты со мной радуешься. Ибо я знаю твою тайну, тайну воздвижения твоего! Ты укреплен в мире, для укрепления стоящих, ты простираешься

до неба и вещаешь о Высшем Слове. Ты распространяешься вправо и влево и изгоняешь темные силы и собираешь рассеянное. В земле укреплен ты и соединяешь земное с небесным... О крест, в земле посаженный и приносящий плоды в небесах»!

Обращение ап. Андрея перед мученичеством своим ко кресту.

Луч Божественной Сущности, символизируемый древком жезла, не прерывается на месте встречи с пассивным сопротивлением; это и указывает на то, что *энергия человеческого духа равномерно задерживается всеми планами проявленного мира*, так сказать, всей его толщей. Этим человеческий дух получает возможность не только проникнуть до самого дна мира бытия, до самых низин физического мира, не только одновременно жить, мыслить и чувствовать во всех планах и во всех мирах, но и одновременно с тем он получает возможность стремиться, работать и познавать всем своим протяжением, т. е. одновременно эволюционировать во всех планах космоса, воспринимать и создавать все вибрации во всем великом многообразии вселенной. [\[272\]](#)

Позади Женщины видны два крыла, постепенно становящиеся все менее и менее материальными и переходящими наконец в два светлых луча, теряющиеся в выси эфира. Этот символ указывает на то, что жизнь мира есть следствие возникновения в Божественной Сущности двух Великих Мировых Начал — Начала Активного и Начала Пассивного. Это и есть Первый Божественный Тернер. Жизнь — это движение; живет только то, что изменяется, остановка есть смерть, но всякое движение может одинаково стремиться к максимуму или к минимуму. Вот почему самое положение Женщины, в правой руке держащей щит, а в левой жезл, указывает на то, что жизнь есть рождение второго Божественного Бинера, рождение двух великих мировых Начал Инволюции и Эволюции. Мировая жизнь есть следствие одновременного стремления отдельных частей космоса, одних к эволюции, других к инволюции, Мир и Божественная Сущность составляют вместе Великое Целое, составляют космический замкнутый круг.

Кубический камень, покоящийся на сфере и служащий седалищем Женщины, есть символ того, что эволюция человека зиждется на восприятиях ментального мира. Масса полупрозрачна — это изображает идею, что эти восприятия способны осветить мир лишь до известной степени, после этого человек уже должен пользоваться восприятиями лишь мира духовного. Кубическая форма символизирует, что мир материи с присущими ему силами зиждется на принципах четырех стихий. Женщина попирает левой ногой уменьшающийся лунный серп; это указывает, что человек должен сделать пассивное начало своим помощником; постольку, поскольку оно олицетворяет мир материи и принцип неподвижности, он должен восторжествовать над ним. Человек должен достигнуть того, чтобы смена времен и все внешние видоизменения уже не оказывали бы на него никакого действия. Время должно перестать существовать для него из сознания, что его в действительности не существует вовсе. В своей правой руке Женщина держит щит параболической формы с изображенным на нем орлом, у которого одно крыло вертикально опущено, другое горизонтально, а на шее висит ключ жизни. Гордый и могучий, свободный царственный орел, легко парящий высоко над землей, есть естественный прообраз духа человеческого; вместе с тем, символ орла раскрывает нам причину прерывности манифестаций феноменов в мироздании. Всякое движение идет по зигзагу, но в большинстве случаев мы воспринимаем лишь одни составляющие этой линии, так как другие лежат в высшем недоступном для нас измерении. Иначе говоря, эта истинная зигзагообразная траектория движения проектируется в наше трехмерное сознание в виде пунктирной линии. Сказанное резюмируется так называемым «законом орла»: *«Всякий интеграл, выявляющей бинеры, никогда и ли при каких условиях не может одновременно активно работать или*

пассивно воспринимать сразу в обеих полярностях, наоборот, всегда в одновременной работе, совершаемой членами бинера, деятельность одного полярно работе другого, т. е. когда некоторый аспект члена бинера активен, в другом член бинера этот аспект пассивен и наоборот. На груди у орла висит «ключ жизни», причем его направление совпадает с равнодействующей сил, изображаемых крыльями; этот символ и выражает всю идею зигзага. Как бы ни различен был, казалось, иногда путь человеческой эволюции, как ни сильно разнствование работ человека во время отдельных звеньев, отдельных этапов всего пути, он продолжает идти к своей цели, вечно к ней приближаясь, и идти при этом по пути кратчайшему. Как ни различны эмоции, переживания, чувствования и желания отдельных сторон его существа, как ни противоречивы с первого взгляда требования и стремления полярных членов его бесчисленных бинеров, как ни сложен и извилист его путь с первого взгляда, одинаково, в действительности, все стороны его существа тяготеют к единой цели.

Аркан IV

I. Традиционные наименования:

Йод-Хе-Вау-Хе, Forma, Auctorifas, Adaptatio, Император.

II. Буква еврейского алфавита:

т (*Далет*)

III. Численное обозначение:

Четыре.

IV. Символическое начертание:

Наступает утро; воздух чист, прозрачен и звонок; он весь наполнен чарующей нежностью и благоуханием, и моя грудь широко раскрывается, стремясь захватить его возможно больше. Могучие горы сходятся на горизонте и круто обрываются, давая место пройти великой реке; лучи восходящего солнца заливают ее блистающим светом, превращая ее в сверкающее жидкое серебро. Река впадает в море, виднеющееся далеко влево; там небо еще темно и видны догорающие звезды; серп луны, горизонтально лежащий и напоминающий ладью Изиды, опускается и его нижняя часть только что коснулась водной поверхности.

Я обернулся назад, и среди столпившихся гор увидел на мгновение Великий Облик. Могучий Муж, увенчанный тройной короной фараонов страны Кеми, нижней красно-фиолетовой, средней золотисто-зеленой и верхней голубой, в правой руке держит жезл Венеры, левой же рукой, у которой три пальца соединены вместе, а четвертый отогнут в сторону, указывает на положение ног. Его правая нога заложена за левую и они образуют Крест. Сзади Него я увидел камень кубической формы, на нем изображен орел, у которого одно крыло опущено, а другое горизонтально, а по биссектрисе угла висит символ, известный под именем «ключа великого иерофанта». Нижняя перекладина кровавого цвета, вторая зеленого, третья оранжевого; петля и вертикальная часть белого цвета; внизу видна черная точка. Одежания Повелителя сверкали белизной, вокруг шеи виднелась серебротканная пелерина, ноги были босы.

И как только солнечный диск показался краем своим из-за горных цепей, неведомо откуда, из безоблачного неба ударила ослепительная молния в жезл Царя, и весь Его Облик сразу окутался белым дымом и светом. От блеска молний я зажмурил глаза, и когда открыл их вновь, там, где стоял Повелитель, виднелись лишь остроконечные очертания бесчисленных скал, виднелась лишь гряда камней, смешавшихся в могучем хаосе.

§ 1. О Первичном Мировом Творчестве через Логос — Слово Творения

«Все было сотворено посредством Вака,^[273] точно также все, что было сотворено, было также Вак».

Панкавимса брахмана

Безначальный Свет, Вселенский Божественный Дух, Единый и Всеобъемлющий, Однородный, но в то же время и Источник всякой многообразности, пребывает в Бытии, сознает его и в нем отражается в вековечном Продлении. Испытующий дух человека зрит Божество в первой Ипостаси в безначальности Продления, во второй в безбрежности Сознания, в третьей во

всеобъемлемости Пресуществления. Единый, утверждая Самосознание в Творчестве, родил в Себе возможность множественности, многогранности Бытия, Сознания, Пресуществления. Первая Ипостась претворилась в Бытие утверждающееся, вторая — в идею множественного Единства, третья — в Созерцание Единства во множественности. Это претворение выявило Самосознание Безначального Духа в Божестве Творящем, как множественном Единстве; Оно претворилось в совокупность граней, ему присущих и его утверждающих. Каждая отдельность в первой Ипостаси по принципу, во второй как возможность, в третьей как Первообраз, аспект Божественной Природы, претворилась в состояние готовности независимого утверждения; осуществление этого Первичного Творчества и представляет собой доктрину Аркана IV. Целостное Самосознание Божественной Сущности в совокупности безначальной возможностей Своих, *Божественная Природа*, претворилась в Божественный Первообраз феноменального бытия и тем утвердило Себя по отношению к нему как *Источник Произрождения*. В этом Космическом Акте, заре Творчества Первичного, Совокупное Самосознание Божества как бы образовало в метафизическом пространстве внешний Облик Непознаваемого Единства Нерасчлененного. Этот Облик стал на грани Мира Единства Нерасчлененного и Утвержденного во множественности и мира утвержденной множественности и утвержденных отдельностей. В этом противопоставлении и родился Космический Логос, как Деятельное Космическое Сознание, — Внешний Аналог Божественной Природы.

«Своим Словом создаешь Ты вселенную, и, сотворив ее, Ты проникаешь ее».

Вар— Ману, Гуру V.

«Ангел Творческого Огня есть Слово Бога. Слово Бога породило землю и жизнь на ней, а также жар, который ее убивает. Слово Творца есть Само по Себе Творец и есть в то же время Его Единственный Сын».

Оурнек 'hat.

Логос, как осуществитель Воли Бога, является орудием Его творчества, по выражению Филона катлер ριανω προσηρημενος κοσμοιτοει. [\[275\]](#)

«Бог воспользовался Логосом как орудием, чтобы сотворить мир».

Филон.

Логос есть принцип формы; его рождение есть осуществление Акта Первичного Творчества. Рождение формы есть утверждение расчлененного Вселенского Целого, начало относительного бытия, рождение единичных космических деятелей нуменального мира, рождение феноменальной природы. Форма — это утверждение отдельности, и если в феноменальном мире всякое проявление неразрывно с формой, его утверждающей, то в мире духа форма есть самая сущность единичного бытия, субстанции второго рода.

«Души при самом выходе из Эдема уже имеют определенную форму, которая отражается в лице».

Зогар.

Аркан III, как учение о третьей Ипостаси Вселенского Духа, выявляет доктрину о Божественной Природе как Самосознании Божества в совокупности Своих аспектов. *Самосознание Божества в Его Божественной Природе по самому существу Своему Едино, Однородно и Нерасчлененно.* Божественная Природа, как космическая совокупность Первообразов, представляет собой лишь как бы духовное поле, по которому скользит Единое Однородное Сознание. Каждый Первообраз является как бы ячейкой, но все эти ячейки наполнены выше краев Божественным Космическим Сознанием, свободно переливающимся непрерывно из одних ячеек в другие. Будучи Едино и Однородно, Сознание одинаково чувствует Себя в каждой ячейке, в каждом Первообразе, а также во всей множественности всех *a priori* возможных сочетаний. В этом вечном круговороте, в вечном взаимном отражении частей своих, Божественное Сознание тклет величественный узор Своей Вековечной Жизни. *Мировое Творчество есть эманация Вселенским Духом Своего Сознания во вне Его Нерасчлененного Единства.* Божественное Сознание подходит к Своему предельному уровню, когда Оно совпадает с верхними гранями всех ячеек; это и есть миг Первичного Мирового Творчества, Акт рождения Логоса. Дойдя до этой последней возможной грани, Божественное Сознание, Целостное и Однородное, претворяется в Источник Произрождения. Своей высшей стороной, обращенной к Божеству, это Сознание является *Его Природой Божественной*, ибо Оно есть Его Духовное Тело, отражающее как всю совокупность его атрибутов, так и каждого из них в отдельности, совместно со всей многообразностью их взаимоотношений. Своей нижней стороной, обращенной к ячейкам, к расчлененному отображению Верховного Синтеза, Божественное Сознание является *Источником Произрождения*, ибо все, что ниже Его — лишь из Него вытекает. В этот последний критический миг Сознание Божественное продолжает скользить по ячейкам; каждый Первообраз остается растворенным во множественности других, в каждом Первообразе живет вся их совокупность; Божественное Сознание проникает все аспекты Свои, проходит все извилистые нити тяготений взаимных, оставаясь Единым и Однородным, будучи одновременно и Ведающим и Ведением и Ведаемым. Но вот, повинувшись космической пульсации, Сознание отходит, эмануясь от Высшего Синтеза, и в первый дифференциально малый этап этого движения грани ячеек как бы врезаются в Сознание, бывшее дотоле Единым и Однородным, и расчленяют Его на космическую совокупность отдельных реальностей, каждая из которых обретает свое собственное независимое бытие, в принципе теряющее возможность общения с другими подобными. Каждый Первообраз, бывший дотоле потенциальной возможностью Единого Сознания, претворяется в реальное единичное сознание, начинает утверждать себя силой своей собственной мощи и этим впервые становится *монадой*. Космическая совокупность ячеек есть Тварность Космического Божественного Самосознания; в первых трех Арканах, в Целостном Самосознании Божественном, эта Тварность имеет лишь потенциальное бытие; в Аркане IV эта Тварность впервые делается реальностью, и именно этот Аркан и есть рождение Космического Логоса, который есть *Утвержденная Тварность*.

«Истина Сама Себя сознающая есть Жизненная Мысль. Истина есть Мысль в Себе Самой; Мысль выраженная есть Слово. Когда Вечная Мысль желает иметь облик, форму. Она гласит: «Да будет Свет!»

Элифас Леви.

Дух человека — это искра Божественной Сущности, эманировавшая от Целого; он совершенен и бесконечен, как аспект Совершенного и Бесконечного Целого. Все проходит, все

разрушается, все тонет в пучинах бесконечности и времени, чтобы вновь возникнуть ко временному бытию и вновь погибнуть, одни только искры Божественной Сущности продолжают жить вечной и неизменной жизнью. Эта великая сила духа человеческого, не только наделяющая его самого бессмертием и несокрушимостью, но дающая ему дар самому по себе быть источником бесконечной силы, изливаемой на все окружающее, есть лишь следствие его истинной природы. Каждая монада, как бы далеко ни отходила в своем сознании от эманировавшей ее Божественной Сущности, в действительности всегда остается неразрывно с Ней связанной в силу божественности своей природы. Учение Лейбница^[279] о полной независимости и расчлененности монад друг от друга представляется относительным, ибо оно верно лишь в феноменальном мире; в самом же существе, в области чистого духа, оно является противным истине. Действительно, монада как таковая есть бесконечность, есть субстанция, что утверждает сам Лейбниц. Между тем Спиноза в «Этике» доказывает с исчерпывающей полнотой, что существование двух субстанций бесконечных, а Субстанция не может быть иной, как бесконечной, — невозможно. Множественность субстанций возможна лишь тогда, когда каждая из них выражает собой конкретный аспект Единой Субстанции. В этом случае, эта частная субстанция или монада представляет собой относительную бесконечность, в то время как Божество является Бесконечностью Абсолютной. Понятие о существовании ряда относительных бесконечностей включает само по себе постулат о существовании различных точек зрения на ту же самую сущность; относительное, хотя и может быть мыслимо самостоятельно, но оно не имеет самодовлеющего существования и является по самой природе своей аспекттивным изображением Абсолютного. Отсюда следует, что все относительные бесконечности наложены одна на другую и соединены неразрывным образом, причем эта доктрина является не следствием умозаключительных построений, а непосредственно вытекает из самого факта существования в нашем сознании дилеммы относительного и Абсолютного. Таким образом, рождение монад есть не расчленение Божественного Единства, в принципе Нерасчленимого, но объектирование Его в совокупности отдельных аспектов, претворяющихся независимые реальности в их собственных сознаниях, отдельных аспектах Единого Божественного Сознания, чрез утверждение принципа индивидуальности.

«Душа (The Self), говорит философ веданты, не может быть отлична от Брахмы, потому что Брахма содержит всю реальность, и ничто, что реально существует, не может быть отлично от Брахмы. И затем, индивидуальная душа не может быть рассматриваема как видоизменение Брахмы, потому что Брахма не может меняться ни в Себе, потому что Он Един и Совершенен, и ни вне Себя, потому что вне Его ничего не существует».

Макс Мюллер.

Эти идеи, впервые зародившись в древней Индии, затем проникли в Грецию и вылились в элеатическую школу философов «Эти элеатические идеи», — говорит тот же автор, — «что есть и может быть только одно Единое и Абсолютное Существо, Бесконечное, Неизменное, не имеющее Себе подобного, не имеющее частей — это те же самые идеи, которые лежат в основе Упанишад и полностью разработаны в «веданта сутрах». Сохранившись в чистоте на пути ряда веков, эта доктрина проникла и в новейшую европейскую философию, где и получила почетное место.

«Поэтому в Боге есть идея человеческого духа, поскольку Бог образует существо

человеческого духа. Следовательно, в человеческом духе должна существовать *idea mentis*, т. е. идея его самого; это следует из природы человеческого духа, как модуса Божественного Мышления».

Спиноза.

Истинное Бытие присуще только этой Верховной Первопричине, Единому Вселенскому Духу. Все, что лежит не в самом Существо этой Сущности, есть лишь атрибут Последней, а потому от Нее зависит и Ею порождается.

«Весь мир Дух, в действительности больше ничего не существует; усвой этот взгляд на вещи и пребудь в мире, познавая этим путем истинное «Я».

Йогавасишта.

«Ты еси Абсолютное Бытие, все остальное призрак».

Джами.

Мировое Творчество есть Проявление во вне этого Духа, Его отражение в Им же порождаемой Пассивности. Субстанциональность Проявления есть непосредственное следствие Субстанциональности Самой Божественной Сущности; именно Субстанциональностью Проявления утверждается Субстанциональность Самой Первопричины. Итак, *Субстанциональность Проявления есть Первый и Высший Атрибут Божества*; Субстанциональность Проявления выражается в *жизненности* проявленного, и обратно, *жизненность* Проявленного утверждает его Субстанциональность, а следовательно и Субстанциональность Самой Первопричины.

«Сила Божественного Духа утаивается Его Собственными качествами».

Ведантасара Садананда.

Именно самопроявление, самовыказывание мощностью своей собственной сущности и определяет понятие о *жизненности*, как самодовлеющем существовании данного фактора.

«Где есть самовыказывание, там есть жизнь или *жизненность*».

Учение Лейбница по Куно Фишеру.

Таким образом, *Первичная Субстанция утверждает Свое Бытие, сознает Себя и живет в Себе вне всякой зависимости не только от конкретных проявлений, но и от самого Принципа Проявления*. Эта Ее категория определяет в нашем сознании самую Ее Трансцендентальную Природу, ибо все иные формы бытия во вселенной претворяются в реальность лишь с момента возникновения соотношений с другими подобными или с утверждением манифестированных ими атрибутов. В силу этого, Первичная Субстанция лежит вне и над миром, хотя он в своем целом и представляет собой Ее совершенное подобие и отражение. Содержа в Себе мир как потенцию, Божество претворяет его в утвержденную реальность, или, обратно, сводит его в Свою абстрактную возможность исключительно мощью Своей Собственной Воли чрез изменение вида Самосозерцания. Проявления мира и обратные его исчезновения в праляе и

суть те великие эры космоса, которым индусы дали названия Дней и Ночей Брахмы.

«Мир из Моей Природы распустился,
И в нем незримо, тайно Я живу.
Все существа лишь от Меня зависят,
Но от творений не завишу Я:
Их нет в Моей Божественной Природе
(Постигни сам глубокую ты тайну).
Творящий Дух Мой все в Себе содержит,
Но от всего свободен Я навеки.
Как движется и пространстве бесконечном
Могущественный воздух, не колебля
Пространство необъятное вселенной» —
Так и в Моей Природе Совершенной
Миры живут, сменялся другими,
Но неподвижен Я и неизменен
Когда кончается период Кальпы,
Все существа к Источнику творенья,
К Моей Единой Сущности приходят;
И снова возвращаю Я их к жизни
Могущественным Словом созиданья,
И Творческую Силою Моею
Даю Пракрити новое движенье,
И волею Всесильного Я снова
Развертываю формы и явленья.
Не связан Я твореньями Своими,
Ни волею, ни жаждой созиданья;
Мой Дух творит, но не мешает это
В Самом Себе покоиться Мне вечно.
Мой Дух закон, и силую закона
Все вещи возникают и во мраке
Небытия скрываются на время.
Он есть Источник вечного движенья».

Бхагавадгита.

Вселенский Космический Дух, вызывая к бытию грезу о множественности Своего Естества, как бы расплываясь на части, на отдельные самодовлеющие субстанции, тем и утверждает мировую жизнь, проявляясь в каждой из них, сообразно ее индивидуальным свойствам.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)